

ИСТИННАЯ ВЛАСТЬ
НИКОГДА НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ
ХОРОШИМ ЛЮДЯМ

ПЛОХОЙ

Л. П. ЛОВЕЛЛ СТИВИ ДЖ. КОУЛ

Истинная власть никогда не принадлежит хорошим людям, только самым совершенным злодеям. И она, и я оба злодеи...

Я украл её у её драгоценного картеля, и теперь она моя хорошенькая маленькая пешка. Она должна бояться меня, но не боится. Мне придётся её научить...

Я приставляю пистолет к её голове, а она приставляет нож к моему горлу. Мы ходим круг за кругом, вызывая болезнь, которая пожирает нас обоих. Мы играем в нашу извращённую игру со сладкими угрозами и жестокими обещаниями, не отступая ни на шаг. Я жажду её безумия самыми извращёнными способами.

Только такая безжалостная женщина, как Камилла, могла бы сделать меня слабым, и ей бы понравилось наблюдать, как я рассыпаюсь в прах.

Два очень плохих человека, которые хотят очень плохих вещей, никогда не будут в безопасности вместе.

В некоторых любовных историях нет героев.

Л.П. Ловелл и Стиви Дж. Коул

«Плохой»

Серия: «Власть: плохая и порочная — 1»

◆ Содержание: Пролог + **29** глав

◆ Переводчик: *Lana.Pa*

◆ Редактор: *Настёна*

◆ Обложка: Wolf A.

Переведено для группы «Золочевская Ирина и ее друзья» — vk.com/zolochevskaya_irina

РОНАН

«Simple Man» — Deftones (трек)

Камин потрескивает, прежде чем рухнет полено, и крошечные угольки взлетают в дымоход. Мой отец пристально смотрит на меня с другого конца комнаты. Жар от огня ласкает мою кожу, и я борюсь с улыбкой, глядя в ответ на гнев, плавающий в его глазах.

— *Что* ты сделал? — произносит он сквозь стиснутые зубы.

— Я заключил сделку с американцами. — Я засовываю руки в карманы, осторожно обхватывая пальцами нож, который я постарался запрянуть поглубже внутрь.

Он проводит рукой по лицу, его щёки краснеют. Его ноздри раздуваются.

— Ты заключил деловую сделку за моей спиной? Ещё и с американцами? — в его голосе так мало сдержанности, и я нахожу в этом нездоровое веселье.

— В этом есть смысл, — говорю я. — У них нет законов о торговле оружием. Это даёт нам плацдарм в Мексику. — Я улыбаюсь. — Картели бы хорошо заплатили.

Он качает головой, его челюсть подрагивает. Мой отец очень привержен старым обычаям Братвы. Честь. Достоинство, и, хотя я уважаю это, мой отец — лицемер. Я рано понял, что честь и достоинство ничего не делают, кроме как ограничивают твою власть.

— Я не заключаю сделок с американцами. *Братва* не заключает сделок с американцами!

— Я буду руководить Братвой, когда ты умрёшь, и...

— Тебе всего восемнадцать! — он встаёт со стула и подходит ко мне. Он хочет ударить меня, я это знаю, но настали дни, когда я намного сильнее его. Он знает, что больше не может заставить меня подчиняться. Его челюсть напрягается, когда он сталкивается лицом к лицу со мной, кипя от злости. — Ты слишком жаждешь власти, Ронан.

— Нет, это ты слишком слаб.

Мои пальцы сжимают рукоять ножа, и я жду, что моё сердце забьётся чаще или пропустит удар, но этого так и не происходит. Учтывая, сколько раз я думал об этом, сколько времени ушло на планирование, я надеялся, что этот момент покажется мне более важным, но я ничего не чувствую. И с этой мыслью я вытаскиваю руку из кармана и провожу лезвием по его шее, вокруг челюсти от уха до уха.

Его глаза расширяются, когда он хватается за горло, хватая ртом воздух, который ему уже никогда не поймать.

— Умный человек видит, что он хочет, и просто берёт, — молвлю я с самодовольной улыбкой, наблюдая, как кровь струится по его костяшкам красивым рубиновым водопадом. Часть меня хочет искупаться в ней, потому что это моё крещение. Момент моего истинного рождения, день, на который я буду оглядываться как на момент, когда я впервые взял власть в свои руки. Мой отец отшатывается к стене, прежде чем рухнуть на пол.

— Это всего лишь бизнес, — говорю я. — Я правда надеюсь, что ты понимаешь, что ты бы только встал у меня на пути. — С этими словами я разворачиваюсь и бросаю нож в камин. Игорь и Борис выходят из тени кухни, и я киваю в сторону тела моего отца. — Избавьтесь от этого.

— Да, босс, — говорят они в унисон.

Я выхожу из комнаты новым лидером русской Братвы, но обещаю, что на этом я не

остановлюсь. Некоторые могут подумать, что то, что я только что сделал, было бессердечным, и я бы согласился. Так и было. Это очень жестоко, но истинная власть никогда не принадлежит хорошим людям.

РОНАН

12 лет спустя

«I Don't Care» — *Apocalyptica, Adam Gontier (трек)*

Виолончелист в углу бального зала играет унылую мелодию. Женщины в роскошных платьях порхают по залу, в то время как мужчины в смокингах следят за каждым их движением. Честно говоря, я ненавижу формальности политических кампаний. В конце концов, всё это шоу, силовая игра. По иронии судьбы, ни один из людей в этом зале *настоящему* не обладает властью. Ибо человек, стоящий у власти, должен быть самым совершенным из злодеев, а бессердечная сила — единственная существующая абсолютная власть.

Премьер-министр Василий отходит в сторону, и я замечаю Анастасию, цепляющуюся за руку Николая Деревичи. Пряди светлых волос обрамляют её элегантное лицо. Её платье сидит как раз впору. Боже мой, она — воплощение утончённой женщины... по крайней мере, на бумаге. Она смотрит на меня, лёгкий румянец окрашивает её бледные щеки, прежде чем Николай наклоняется, чтобы прошептать что-то ей на ухо. Он отходит в сторону вместе с группой мужчин. Я отворачиваюсь, потягивая мягкое шардоне, потому что знаю, что Ана может подойти сюда в любой момент. Она такая предсказуемая. *Как обыденно.*

Через несколько секунд нежная рука касается моего плеча.

— Ронан? — шепчет Анастасия. Её пальцы скользят по моей руке, когда она появляется в поле моего зрения. — Где ты был?

— Ты не должна прикасаться ко мне на людях, Ана.

Я подношу бокал вина к губам, кивая через весь зал в сторону Николая, её мужа и президента России. Я заставляю себя наморщить лоб, как будто он меня беспокоит. *Враньё.* Это он должен беспокоиться обо мне.

— Ты нужен мне, Ронан. — Её взгляд скользит по моему телу. — Я жажду тебя.

Я вдыхаю, притворяясь, что разрываюсь на части.

— Ах, Анастасия... Осторожнее. — Взгляд Николая устремляется в нашу сторону. Лёгкая ухмылка играет на моих губах, когда наши взгляды встречаются через всю комнату — двое мужчин, борющихся за любовь одной женщины. *Так напряжённо.*

— Ронан... — скулит Анастасия.

Отчаяние — столь непривлекательное качество, которым обладает девушка. Дело не в том, что я хочу Анастасию, а в том, что она мне *нужна*. Каждый мой шаг спланирован, просчитан, и Анастасия — лишь фрагмент головоломки, на создание которой я потратил последние семь лет. Итак, я улыбаюсь и прикусываю губу, как будто сдерживаюсь, чтобы не вывести её в коридор и не трахнуть.

— Не здесь, — шепчу я, прежде чем отойти в сторону, направляясь во внутренний дворик.

Холодный воздух и шквал снега встречают меня, когда я открываю дверь. Я останавливаюсь в дверях, чтобы вытащить сигару из нагрудного кармана и прикурить её. Дым клубится перед моим лицом, когда я смотрю на огни Москвы, усеивающие горизонт. Интересно, на что это будет похоже, когда всё это станет моим? Улыбаясь при этой мысли, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть в окно, как все маленькие марионетки танцуют на моих

ниточках, о которых они даже не подозревают.

Моя челюсть сжимается, когда я замечаю Ивана Менова, разговаривающего с Николаем. Мой пульс учащается. Когда Иван замечает, что я наблюдаю за ним, на его губах появляется неловкая улыбка. Он пожимает руку Николая, проводит пальцами по волосам и направляется к двери. Как только Иван ступает ногой на снег, он вздрагивает.

— Сегодня холодно, — говорит он.

Я медленно затягиваюсь сигарой, ярко-красный отблеск уголька отбрасывает тени на его лицо. Я не говорю ни слова. Я вижу беспокойство, появляющееся на его нахмуренном лбу. Страх подобен крови в воде, он манит меня. Он вызывает во мне выброс адреналина, разжигая жажду насилия.

— Ещё одна партия отправляется в Пакистан в эту пятницу, — произносит он.

Смеясь, я выдыхаю дым прямо ему в лицо, и он кашляет. У этого человека хватает наглости подходить ко мне? Я знаю, что его люди перехватывали поставки моих боеприпасов на Ближний Восток. И я не уверен, храбрый он или просто тупой, вот почему я не приказал его убить. *Ещё*. Глупость требует гуманной формы смерти, но храбрость — тсс, тсс.

— Мистер Коул, — говорит он. — Груз.

— Скажи мне, Иван. Ты что, принимаешь меня за глупца?

— Нет, конечно, нет. — В его голосе слышится лёгкая дрожь. *Бедная душонка*.

Я протягиваю свою сигару Ивану, и его лоб морщится от замешательства, прежде чем щёки белеют. Он заикается на непонятных словах. Глупость иногда действительно приводит людей к таким неприятностям... Я делаю один шаг к нему и прижимаюсь губами так близко к его уху, что чувствую тепло его кожи, запах дешёвого лосьона после бритья, которым он облил себя.

— Я знаю, что ты сделал, Иван. Наслаждайся этой сигарой, она будет твоей последней.

Он роняет сигару, а когда поворачивается, чтобы бежать, Игорь уже преграждает ему путь. Сцепив руки вместе, я отступаю в сторону. При нажатии на спусковой крючок из глушителя вырывается лишь небольшой хлопок воздуха, и Иван падает лицом в кучу снега у дверного проёма. Я улыбаюсь, потому что брызги крови и вправду выглядят довольно празднично.

Я поправляю свой костюм и перешагиваю через тело, возвращаясь в тепло вечеринки. В конце концов, выглядело бы подозрительно, если бы я ушёл так внезапно, не так ли? Возможно, я ненавижу тонкости этих политических кампаний, но мне так нравятся иногда связанные с ними деловые отношения. Несколько человек останавливают меня, чтобы поговорить, и я подчиняюсь, в конце концов извиняюсь. Я беру бокал вина и прислоняюсь к дальней стене в ожидании.

Квартет продолжает играть, а затем какой-то мужчина кричит. Я поднимаю взгляд как раз в тот момент, когда он вбегает со стороны патио, и моё тело трепещет от предвкушения.

— В человека стреляли! — кричит он. Женщины визжат, мужчины снуют вокруг, прижимая к ушам сотовые телефоны. Вокруг Ивана, лежащего в луже крови, поднимается настоящий переполох, а я просто стою, совершенно позабавленный всем этим. Смерть — естественная часть жизни. Не понимаю, почему все так расстраиваются. Мои наблюдения прерывает вибрация телефона в кармане брюк. Я достаю его и прикладываю к уху.

— Да?

— Хесус не принял наше предложение, — говорит Борис.

Моя челюсть дёргается, а пульс тикает, тикает, тикает быстрее, отдаваясь в горле.

— Прости. *Что* ты сказал, Борис?

— Он не продаст землю.

Я смотрю через всю комнату на Анастасию, которая цепляется за руку своего жалкого мужа.

— Купи мне билет на самолёт до Мексики. Сейчас же, — велю я, прежде чем повесить трубку, засовываю телефон в карман и ухожу с вечеринки, прижав кулаки к бокам.

У меня есть дела, которыми я должен заняться.

На следующее утро я сижу за столом Хесуса Гарсии, рядом со мной Игорь и Борис. Я смотрю на часы, прежде чем выглянуть в окно на пустынный пейзаж. Пустынные холмы Хуареса, кажется, тянутся бесконечно, раскалённые и выжженные солнцем.

Я решил, что ненавижу Мексику. Я ненавижу картели за отсутствие утончённости и уважения, которыми они не обладают. Они не более чем дикари с боеприпасами, но, к несчастью для меня, картель Синалоа владеет землёй, в которой я очень нуждаюсь. Может быть, когда я покончу с этим, я сотру с лица земли весь их город Хуарес. *Может быть...*

Дверь в кабинет со скрипом открывается, и входит Хесус, одетый в дешёвый костюм. Несколько мужчин с пистолетами в руках следуют за ним в комнату. *Картели и их оружие...* Чернильно-чёрные волосы Хесуса зачёсаны назад, а на лбу у него постоянная складка. Его взгляд останавливается на мне, когда он заходит за свой стол и садится.

— Я не заключаю сделок с русскими. — Он улыбается, и я ожидаю, что на свету блеснёт золотой зуб, но этого не происходит. *Какое огромное разочарование.*

— Четыре миллиона долларов, — произношу я, поправляя запонки. — Я дам вам четыре миллиона долларов за землю вокруг Лаго Эстрельядо.

— Нет. — Он берёт недокурную сигару из пепельницы на своём столе и подкуривает её.

Я смотрю на него, уголок моих губ приподнимается в раздражённой улыбке.

— Не думаю, что вы понимаете, с какой щедростью я делаю вам это предложение.

— Мне насрать на твою щедрость. — Хесус широко улыбается. — Как я уже сказал, я не заключаю сделок с русскими.

Мой пульс стучит у меня на шее, кровь приливает к лицу.

— Я предполагаю, что ты не понимаешь, с кем имеешь дело, и я дам тебе ещё одну возможность принять мудрое решение, друг мой.

— Я знаю, кто ты такой, и мне насрать!

Закрыв глаза, я делаю глубокий вдох. Я не принимаю отказов. Никогда. Я открываю глаза и встаю со своего места, бросив мимолётный взгляд на Хесуса, направляясь к двери его кабинета. *Я старался быть милым, правда старался.*

Итак, что же с ним делать? Убийство — это так скучно, и, если Хесуса убьют без стратегического планирования, другой лидер просто займёт его место. Я любитель театральности, празднеств, поэтому просто сыграю небольшую партию в шахматы. Натравить картель на картель, сидеть сложа руки и наблюдать за бойней, как император на шоу гладиаторов. А потом, когда Рим будет лежать в руинах, я нападу и заберу свою землю. Бесплатно.

Как только мы садимся в машину, я бросаю взгляд на Игоря.

— Узнай всё, что сможешь, о картелях Хуареса и Габриэле Эстраде, хорошо, Игорь? Нет

ничего лучше, чем если Хесуса уничтожит его собственный враг.

КАМИЛЛА

«Whore» — *In This Moment* (трек)

6 месяцев спустя

Хесус стоит посреди фойе, окружённый вооружёнными до зубов мужчинами, а я стою в коридоре и наблюдаю. Он сгибает палец, подзывая меня. Я заставляю себя улыбнуться, входя в комнату, и останавливаюсь перед ним.

— Любовь моя, — говорит он, — я должен пойти и убить твоего брата и всех его маленьких друзей. — Он гладит меня по щеке, и я борюсь с волной отвращения, угрожающей подняться.

— Ах, Хесус, я очень надеюсь, что он убьёт тебя, — отвечаю я.

Его лицо краснеет, а челюсть напрягается, прежде чем он направляется к двери, сопровождаемый половиной своей армии. Как только дверь закрывается, я поворачиваюсь и иду по дому, думая о том, насколько слаб Хесус.

Войны ведутся постоянно. Люди умирают за то, что им не принадлежит: за власть, деньги, даже за любовь. Но нет войн более кровавых, чем войны картелей. Деньги и власть абсолютны и не имеют себе равных. Люди будут сражаться и умирать за такие вещи, и Хесус не исключение. Ирония в том, что я должна быть его залогом, сестрой, которую он похитил, чтобы держать Габриэля, своего врага, в узде. Он не понимает, что настоящий враг — это тот, кто спит в его постели, прислушиваясь к каждой частице информации. Подмечая каждую слабость. Тот факт, что он пошёл сражаться с моим братом вместо того, чтобы убить меня, показывает, насколько глубоко он попал в мою ловушку.

Да, Хесус слаб, и *это* его убьёт.

Когда я брожу по почти пустому дому, я представляю, как красиво выглядела бы вилла, охваченная пламенем; люди Хесуса кричат в агонии, когда с их тел сходит кожа. Эта мысль вызывает улыбку на моём лице, но, увы, я должна выждать своё время. Если моему брату не удастся убить Хесуса, это придётся сделать мне, и гораздо легче перерезать горло мужчине, пока он трахает тебя, чем когда он приставляет пистолет к твоей голове.

Я прохожу мимо бильярдного стола в игровой комнате, проводя пальцами по войлоку по пути к бару в углу. Я наливаю стакан бренди и делаю глоток. Алкоголь обжигает по пути вниз, и я закрываю глаза, представляя все способы, которыми Габриэль мог бы убить Хесуса. Конечно, это будет кроваво и ужасно. Смерть, достойная босса — послание.

Раздаётся громкий хлопок, и земля сотрясается, пугая меня. Кусочки штукатурки осыпаются с потолка, когда люстра над моей головой опасно раскачивается.

Какого хрена?

Я спешу к окну. Люди в чёрном военном снаряжении врываются во двор. Это не Хесус, и не Гейб. Я должна предположить, что кто бы это ни был, он враг. И для всех, я шлюха Хесуса, а это значит, что я всё равно что мертва, если они меня найдут. Раздаётся быстрое *хлоп, хлоп, хлоп* выстрелов, и я немедленно опускаюсь на корточки и прижимаюсь спиной к стене. *Чёрт.*

Я подползаю к бильярдному столу и шарю под ним.

Наверняка у этих ублюдков где-то здесь припрятан пистолет? Ничего. Чёрт возьми!

По коридору раздаются шаги, и я хватаю бильярдный кий, разламывая его коленом. Я

сжимаю куски дерева в каждой руке и бросаюсь к двери, прижимаясь спиной к стене. Ручка опускается, и дверь открывается прежде, чем покрытый пылью ботинок переступает порог.

Опустившись на одно колено, я вонзаю зазубренную деревяшку в бедро мужчины ещё до того, как он успевает проникнуть внутрь. Он кричит от боли, с глухим стуком ударяясь об пол. Я высоко поднимаю другой обломок дерева и целюсь в кожу у основания его шеи, но замираю, когда холодный металл касается моего затылка. *Дуло пистолета.* Я могу быть озлобленной и слетевшей с катушек, но я не идиотка.

— Руки за спину. — Его сильный русский акцент заставляет меня ощетиниться.

Я медленно завожу руки за спину. Он связывает их вместе стяжкой, а затем использует их, чтобы протащить меня через весь дом к офису Хесуса. Конечно, я могла бы драться. Я могла бы попытаться убежать, но я этого не делаю. Я предпочитаю знать, с кем я сражаюсь или от чего убегаю. Мужчина затаскивает меня внутрь офиса и усаживает на стул, по-прежнему держа мои руки за спиной.

— Вы тупые ублюдки. — Я смеюсь. — Вы знаете, чей это дом? Вы все умрёте. — Я ненавижу Хесуса, но прямо сейчас я надеюсь, что он убьёт этих русских ублюдков.

Мужчина достаёт из кармана тряпку и запикивает её мне в рот, затем обвязывает другой кусок материи вокруг моей головы, чтобы удерживать кляп на месте. Он гладит меня по макушке, прежде чем уйти. И вот я сижу связанная и с кляпом во рту, слушая, как начинается тотальная война.

Проходит несколько минут, прежде чем дверь снова со скрипом открывается, но на этот раз внутрь входит мужчина... что ж, он не похож ни на одного солдата, которого я когда-либо видела. Его костюм-тройка идеально облегает его мускулистую фигуру. Его тёмные волосы аккуратно уложены вверх, крича о сексе и деньгах, а его сапфировые глаза смотрят на меня так, как, я думаю, акула смотрит на свою беспомощную жертву прямо перед тем, как напасть. Некоторые люди обладают властью, в то время как другие просто *являются* властью. Этот человек носит её как вторую кожу, непробиваемую броню. Я видела плохих людей, но этот... он *действительно* плохой. И я мгновенно понимаю, что мне крышка.

Он останавливается передо мной, не говоря ни слова, проводит пальцем по моей щеке и протягивает руку, чтобы развязать мой кляп. Как только кляп вынимается, я плюю в него.

— *Vete a la verga culero!* (*исп.* — *Иди ты к чёрту!*)

Смех вырывается у него из горла.

— Я правда люблю дерзких женщин.

Ловким движением запястья он расстёгивает пуговицы своего пиджака и обходит стол, чтобы сесть. Откинувшись на спинку стула, он достаёт из кармана пиджака маленькую жестянку, открывает её и достаёт сигару. Он перекачивает сигару между пальцами, не сводя с меня глаз, как будто я что-то завораживающее — может быть, его новая игрушка.

Я наблюдаю, как его губы обхватывают сигару, когда он наклоняет голову и щёлкает зажигалкой. Пламя вспыхивает искрами, танцуя на конце, пока не становится ярко-вишнёво-красным. Это такой простой поступок, и всё же он делает его похожим на искусство, мастер-класс по элегантной мужественности.

— Почему ты такая сердитая, *Красивая?* — спрашивает он, и дым просачивается сквозь его губы.

Моя кровь кипит.

— Ты умрёшь Русский.

— Хм, я в этом сомневаюсь. Хесус к этому времени уже будет мёртв. — Он делает ещё

одну затяжку сигарой. — Скажи мне, как тебя зовут?

— А тебя?

— Ронан Коул. — Он ухмыляется.

Ох, блядь.

Я так нелепо облажалась. Он не просто Русский, он *тот самый* Русский. Главарь Братвы, к которому даже самые сильные картели испытывают здоровое уважение. Какого хрена *он* делает в Мексике? Меня никогда не застают врасплох, но прямо сейчас я не знаю, что делать или говорить из-за историй об этом парне... Он скорее миф, чем реальность. Я прищуриваю глаза, смутно припоминая разговор, который был у Хесуса со своим заместителем, хваставшегося тем, что он отказался продать часть земли Русскому. *Этому Русскому?* Боже, Хесус никогда не был самым умным.

Глаза Ронана вспыхивают, и я изучаю его. Он такой молодой, может быть, лет тридцати. Я ожидала, что *Ронан Коул* будет выглядеть точно так же, как банальный плохой парень в каждом фильме о гангстерах: старым и жутким, но...

— Итак, как *тебя* зовут? — спрашивает он.

— Камилла, — тихо отвечаю я.

Лёгкая ухмылка тронула его губы, и он стряхнул пепел со своей сигары в пепельницу.

— Камилла *Эстрада*? — его акцент ласкает моё имя, и осознание этого пробирает меня до костей.

— Да.

— Ну, ну, разве не интересный поворот событий? Я не знал, что ты спишь с врагом. — Он смеётся. — Твой брат будет очень разочарован.

— Нахуй тебя!

Взгляд Ронана опускается на мою грудь, прежде чем неторопливо скользнуть по моему телу.

— С удовольствием, — говорит он, его голос понижается на октаву, как будто он хочет послать это слово к чёрту. Я ёрзаю на своём стуле. — Я понимаю, почему из тебя получилась бы идеальная дырка, — говорит он. — Ты стала бы ужасной слабостью для любого мужчины. — Он опирается локтем на стол и делает ещё одну длинную затяжку своей сигарой. — Донован! — кричит он, не сводя с меня пристального взгляда. Дверь открывается, и позади меня раздаются шаги. — Возьми её. — Ронан улыбается. — Посади её в машину.

Крупный мужчина делает шаг вперёд и развязывает меня, прежде чем поставить на ноги.

Блядь, нет, я не пойду с ним!

Я вырываюсь из его хватки, поворачиваюсь, чтобы провести ногтями свободной руки по его щеке. Он ворчит и рычит, но ни за что не ослабляет хватки. Внезапно Ронан встаёт передо мной и хватает меня за челюсть. Он притягивает меня к себе, прижимаясь своим твёрдым телом к моему. Его властное присутствие вынуждает меня подчиняться, о чём я и не подозревала.

— Продолжай бороться, маленькая кошечка. Я лишь сломаю тебя, — говорит он низким рычанием, его дыхание овеивает моё лицо.

— *Vieta a la mierda. (исп. — Да пошёл ты!)* — отвечаю я, плюя в него.

Меня вытаскивают из комнаты вместе с Ронаном Коулом, улыбающимся, как воплощение дьявола.

РОНАН

«My Way» — Chase Holfelder (трек)

От палящего солнца у меня на лбу выступает пот. Мошки и комары роятся вокруг меня, и я отмахиваюсь от них, продираясь сквозь высокие высохшие сорняки.

— Это абсолютно прискорбно, — бормочу я.

Трава со временем редет, и кристально голубое озеро окружает только песок.

— Ах, — говорю я, широко разводя руки и откидывая голову назад от смеха. — Как славно. — Я делаю глубокий вдох. Аромат песка пустыни подобен чистому золоту, потому что то, что лежит под этим озером... — Как думаешь, сколько времени потребуется, чтобы осушить его? — спрашиваю я, поворачиваясь лицом к Игорю.

— Четыре дня. — Игорь отмахивается от жуков, жужжащих вокруг его лица.

— Идеально.

Я смотрю на гладкую воду, более чем довольный, тем, как всё обернулось. Я получил эту землю бесплатно, и теперь у меня под каблуком целый картель. И в самом деле, что может быть лучше для транспортировки полезных ископаемых, которые я буду добывать на этом самом месте, чем через мастеров призрачного экспорта — картель? Иногда я не могу отделаться от мысли, что судьба на моей стороне. Правда не могу.

Когда я поворачиваюсь и направляюсь к самолёту в конце поля, я замечаю, как Донован вытаскивает очень сердитую Камиллу из машины. Она плюётся и ругается, её лицо краснеет, когда она вырывается из его хватки. Он наклоняется к ней, и она бодает его головой. Он отшатывается, ошеломлённый, а она бросается бежать через поле.

Я смотрю на Игоря и закатываю глаза.

— За ней, — говорю я, вытаскивая из кармана носовой платок и вытирая пот со лба.

Игорь устремляется за Камиллой, его длинные ноги делают шаги в два раза длиннее, чем у неё. Он хватается за волосы и швыряет на землю. О, она кричит и отбивается от Игоря, когда он тащит её к ожидающему самолёту, и я действительно нахожу это довольно забавным.

Такая дерзкая малышка.

Двигатели самолёта включаются, пропеллеры с жужжанием оживают и поднимают пыль, пока я неторопливо направляюсь к Игорю и Камилле.

— Разверни её, — велю я.

Глаза Камиллы вспыхивают вызовом, прежде чем Игорь хватается за неё и разворачивает. Вздохнув, я подхожу к ней сзади, обхватываю её рукой за шею и склоняюсь над её плечом, прижимаясь лицом к её щеке. Я вдыхаю аромат гибискуса, который тяжело витает в её волосах, прежде чем сильнее прижать предплечье к её горлу.

— Ты научишься, — шепчу я и целую её в подбородок.

Она царапается и борется со мной, когда я усиливаю давление на её трахею, но только на секунду, потому что вскоре она полностью обмякает. Игорь хватается за неё, когда я отпускаю.

— Дайте ей успокоительное, затем заткните рот кляпом. — Я бросаю взгляд на Игоря. — Я не могу утруждать себя выслушиванием её бреда, когда она проснётся.

КАМИЛЛА

«Power» — Kanye West (трек)

Я просыпаюсь от толчка и сильной головной боли. Мой пульс учащается, и громкий визг пронзает мои уши.

Где, чёрт возьми, я нахожусь?

Ещё один толчок. Я оглядываюсь по сторонам. Я нахожусь в салоне самолёта.

Отлично! Он накачал меня наркотиками и запихнул в самолёт.

Ронан сидит напротив меня, изучая свой телефон. Гнев струится по моим венам, когда я смотрю на него. Самолёт замедляет ход, останавливаясь, и я дёргаю за ремень безопасности. Ронан поднимает взгляд от своего телефона, щёлкая пальцами. Игорь появляется из ниоткуда и хватает меня за руку, стаскивая с моего места.

— Добро пожаловать в Россию, — говорит Ронан со снисходительной улыбкой.

Грязный русский ублюдок.

Моя кровь бурлит в венах. Я уже бывала в такой ситуации раньше, и гнев ничем мне не поможет. Мне нужна ясная голова. План. Он встаёт, поправляя пиджак, и направляется ко мне. Его глаза сужаются, и он тянется к моей шее, его тёплые кончики пальцев скользят по моему горлу.

— Тебе идут синяки, — произносит он. Я хочу дать ему пощёчину.

Дверь в самолёт открывается, открывая взору шквал снега и льда. Ронан ныряет в дверь и тащится вниз по ступенькам и по обледенелому асфальту. Я стискиваю зубы, глядя ему в спину, когда он исчезает внутри чёрного внедорожника. Игорь выталкивает меня в проём и спускает по лестнице, мои щёки горят от холода, когда он направляет меня к машине. Он рывком открывает дверь, запихивает меня внутрь рядом с Ронаном, затем закрывает дверь, заглушая бушующий снаружи ветер.

Машина отъезжает, и его взгляд останавливается на мне, лишённый всяких эмоций. Волосы у меня на затылке встают дыбом. Впервые в своей жизни я чувствую себя добычей. Ягнёнком, стоящим спиной ко льву, и эта мысль заставляет меня стиснуть зубы.

— Чего ты от меня хочешь? — спрашиваю я, не в силах больше сдерживать разочарование.

— Пока не уверен. — Он ухмыляется, как ублюдок, в своём безупречном костюме, куря свою модную сигару. У него должна быть причина.

— Ты не уверен. — Я прищуриваю глаза. — И что? Просто из прихоти забрал меня?

— Как бы это сказать? Ты была довольно *приятным* сюрпризом.

— Дай угадаю, ты думал, что сможешь пристать к Хесусу, украсть его шляху? — я закатываю глаза. — Ты же понимаешь, что шлях пруд пруди.

Ронан откидывает голову назад в глубоком смехе, дым валит из его губ.

— Да ладно, ты же сестра Габриэля Эстрады. Так скажи мне, Камилла, ты действительно была беспомощной шляхой Хесуса Гарсии? — на его губах появляется высокомерная улыбка. — Я вот так не думаю.

Он не может знать...

— Я была пленницей Хесуса, взятой, чтобы удержать моего брата от развязывания войны. Ты не можешь винить девушку в том, что она немного облегчает свою жизнь.

— Это то, во что ты хотела бы заставить людей поверить. — Его глаза искрятся весельем. — Но мне лучше знать.

Блядь, блядь, блядь!

Откуда он вообще может знать об этом?

— Я знаю о тебе всё. — Он наклоняется через сиденье. — Сейчас ты бессильна. Беспомощна...

Гнев вспыхивает во мне горячо и быстро, и мои ногти впиваются в ладони, оставляя после себя острую боль. Зачем я ему вообще могу понадобиться? Я заставляю себя отвести взгляд, представляя все способы, которыми я хочу убить этого русского ублюдка, в попытке взять себя в руки.

Мы петляем по бесконечным милям заснеженного леса, прежде чем машина замедляет ход и останавливается перед богато украшенными золотыми воротами. Водитель опускает стекло и что-то по-русски говорит охраннику, стоящему снаружи. Смеясь, охранник отступает назад, нажимает кнопку, и мотор ворот с жужжанием оживает. Машина делает небольшой поворот, и в поле зрения появляется большой белый особняк. Рядом с ним находится ещё одно здание. Мужчины с винтовками, пристёгнутыми к спине, входят в дверной проём и выходят из него, а перед зданием стоят ряды внедорожников с пушками, установленными на капотах.

Господи, у него что, есть своя личная армия или что-то подобное?

Мы останавливаемся перед главным зданием, и Ронан выдыхает, как будто он измождён. Водитель практически обегает машину сбоку, спотыкаясь о свои ноги, чтобы открыть дверь Ронану. Ронан вылезает, не сказав ни слова и даже не взглянув в мою сторону. Я смотрю, как он поднимается по мраморной лестнице, его идеально сшитый костюм облегает его крупную фигуру. Он щёлкает пальцами, и моя дверь открывается. От внезапного холода, врывающегося снаружи, у меня перехватывает дыхание.

Игорь просовывает руку внутрь и хватается меня за локоть, вытаскивая из машины, бормоча что-то по-русски. Меня ведут вверх по лестнице к деревянному проёму, и массивная дверь со скрипом открывается. Ронан заходит внутрь, раздражённо выдыхая, и меня вталкивают следом за ним.

Золотые и хрустальные люстры, свисающие с потолков собора, отбрасывают тёплый свет на винтовую лестницу. На каждой стене висят произведения искусства эпохи Возрождения. Мрамор устлан толстыми восточными коврами. Будто, кто-то повсюду блеванул старыми деньгами. Ронан исчезает в коридоре, а меня ведут в комнату на верхнем уровне.

Игорь распахивает дверь и вталкивает меня внутрь.

— Ужин в девять, — говорит он. — На кровати лежит платье. Мистер Коул просит вас надеть его. — А затем он уходит, закрывая за собой дверь и запирая её на ключ.

Моё сердце бешено колотится в груди, когда я оглядываю комнату. Ещё один оскорбительный восточный ковёр лежит под кроватью с балдахином, а там, на толстом покрывале, лежит чёрный чехол для платья, на который я смотрю с презрением. Мужчины настолько предсказуемы, что думают, что и я предсказуемая — симпатичная девушка. Ничего более невинной сестры босса картеля. Я улыбаюсь. Этот мужчина ничем не отличается, так что я буду играть его куклу достаточно долго, чтобы хотя бы понять, чего он хочет. В конце концов, вы не можете победить человека, не зная его слабостей. Может быть, я и в самом деле в меньшинстве, но я не без своего собственного оружия.

Он прав. Я подставила Хесуса. Он думал, что взял меня в плен, но я была там добровольно, сблизившись с врагом. Затаилась в засаде. Русский, возможно, и захватил меня, но он не сочтёт меня лёгкой пленницей.

РОМАН

«*Filthy Pride*» — *Social Repose*

Дворецкий наливает два бокала мерло, прежде чем выйти из комнаты. Я подношу бокал к носу, вдыхая насыщенный танинный аромат, как раз в тот момент, когда Игорь входит в комнату, волоча за собой очень сердитую Камиллу. Мой взгляд следует за её женственными изгибами.

— Вижу, платье тебе очень идёт, — ухмыляюсь я в свой бокал, пока Игорь усаживает Камиллу на стул.

Она метает в меня кинжалы и вырывает свою руку у Игоря. Я изучаю её, пока она незаметно оглядывает комнату, и её взгляд останавливается на большом витражном окне позади стола. В её бирюзовых глазах мелькает лёгкий огонёк, как будто она думает, что, возможно, сможет сбежать. Пока я позволю ей думать, о чём она хочет. По крайней мере, это должно быть интересно.

— Итак, — её взгляд медленно перемещается на меня, — тебе нравится наряжать женщин, как кукол? — слова слетают с её языка, и я не буду врать, у неё довольно соблазнительный акцент. — Я и понятия не имела, что у вас с Хесусом так много общего, — говорит она, прежде чем поднести свой бокал к губам.

— Ты ранишь меня, *Красивая*, — говорю я, прикладывая руку к сердцу. — У нас с ним нет ничего общего.

— Хватит этого дерьма. Чего ты хочешь, Русский?

— Что за выражения, — цыкаю я, прежде чем поставить свой бокал на стол.

Должен ли я сказать ей, что знаю, кто она на самом деле? Нет, думаю, что оставлю это при себе.

— Ты — залог.

— Залог для чего? Для Хесуса?

Я улыбаюсь.

— Ты задаёшь слишком много вопросов.

— О, мне жаль. Я хотела бы знать, зачем ты притащил меня в эту адскую дыру, как же грубо с моей стороны. — Она закатывает глаза.

Я раздражённо вздыхаю.

— Сотрудничество твоего брата необходимо мне на короткое время.

— Так ли это? Что могло понадобиться Русскому от моего брата?

— Тебя это не касается.

— Может быть, ты просто хотел новую шлюху? — она наклоняет голову, и волна чёрных волос ниспадает ей на плечо. — Ты такой *очаровательный* мужчина, я не понимаю, *зачем* тебе понадобилось принуждать девушку.

У меня сводит челюсть от её оскорбления.

— Неужели в Мексике всех воспитывают без малейшего намёка на уважение?

— Я колумбийка. Меня воспитывали в уважении к некоторым вещам. Сила. Деньги. И *кровь*. — Камилла постукивает ногтем по ножке своего бокала с вином. — Такая, которая могла бы испачкать твой дизайнерский костюм.

— Как-то *слишком* драматично.

Дворецкий возвращается в комнату, ставит перед нами тарелки, прежде чем снова выйти. От филе-миньон поднимается небольшая струйка пара. Я разворачиваю льняную салфетку, аккуратно расстилаю её на коленях, прежде чем взять в руки вилку и нож. Как только я разрезаю стейк, что-то просвистывает у меня над ухом, сопровождаемое приглушенным стуком позади меня. Я медленно поднимаю взгляд и вижу, что Камилла стоит, положив ладони на стол, и смотрит на меня, как разъярённая кошка из джунглей.

— Чёрт, — говорит она с рычанием.

Я оглядываюсь через плечо. Теперь в стену вделан нож для стейка. *Как дико.* Я знал, что она непостоянна, но, признаюсь, возможно, я недооценивал её. Большинство людей боятся меня, как самой смерти. Однако Камилла меня не боится, и я бы солгал, сказав, что идея научить её этому меня совершенно не будоражит.

Вздохнув, я кладу вилку на тарелку и отодвигаю свой стул. Когда встаю, я вижу, как она опирается на стол, её глаза сверлят меня, когда я приближаюсь. Камилла вопросительно приподнимает бровь, и я воспринимаю это словно вызов... Я хватаю её за горло, впиваясь пальцами в линию её подбородка, и поднимаю её. Тарелки и стаканы разбиваются, когда я бросаю её на стол и прижимаю к себе за шею. Большинство женщин закричали бы и вцепились в мою руку, но я едва чувствую, как участился её пульс.

Просовывая колена между её бёдер, я с силой раздвигаю их и встаю между ними. С улыбкой я наклоняюсь к ней и прижимаюсь губами прямо к её уху. Сладкий аромат её кожи заставляет каждую частичку моего мужского естества напрягаться.

— Было бы неразумно испытывать меня, — шепчу я, уткнувшись в её тёплое горло.

Её нога без предупреждения обвивается вокруг моей талии, каблук её туфли впивается в меня, когда она притягивает меня к себе. Моя хватка на её горле усиливается, пока она пытается оторвать шею от стола. Я позволяю ей приблизиться на дюйм, и она прижимается губами к раковине моего уха. Её горячее дыхание обжигает мою кожу, как огонь, и мои пальцы сжимаются на её горле. Камилла относится к тому типу женщин, которых хотел бы трахнуть любой мужчина, и я уверен, что она превратила многих влиятельных мужчин в рыдающих уродов с помощью таких приёмов, как этот, но, чтобы поколебать меня, нужно нечто большее, чем красота и изгибы.

— Я испытывала мужчин гораздо хуже, чем ты, — говорит она.

— Нет мужчин хуже меня, — шепчу я.

Я продолжаю ждать, когда её сердцебиение участится под моими пальцами, когда появится страх, но её пульс остаётся ровным. И когда я снова сжимаю её крепче, она стонет. Я закрываю глаза и сглатываю. Инстинкты выживания, как правило, глубоко укоренились в нас, но отсутствие страха у этой женщины почти пьянит меня от возбуждения. Я открываю глаза и хватаю нож со стола, немедленно проводя лезвием по внутренней стороне её бедра, ожидая. Жду, когда её пульс забьётся быстро и сильно, и хотя он действительно бьётся быстрее, это не темп страха. Это желание. Элементарная похоть. Это тёмная сторона человечества, требующая, чтобы её приручили. Я провожу лезвием всё выше и выше, пока костяшки моих пальцев не задевают кружево её нижнего белья.

Её ноги бесстыдно раздвигаются. Теперь это, *это* опасно, потому что это манит меня к разврату так сильно, как я никогда не испытывал раньше. Страх — это одно... это же, гораздо более опьяняюще, потому что я почти могу представить, как режу её, пока трахаю. Мой член набухает, и я опускаю подбородок на грудь, изо всех сил стараюсь удержаться на ногах.

— Я *убью* тебя, Русский, — говорит она, прежде чем её зубы впиваются мне в горло. Я не могу удержаться, чтобы не застонать от её сладкого обещания.

— А я сделаю тебе больно, *Красивая*... — Я отстраняюсь и прикусываю её нижнюю губу, прежде чем провести языком по её изгибу. Меня так и подмывает укусить по сильнее и пустить кровь. — Так, как ты и представить себе не можешь, — шепчу я.

— Обещания, обещания. — Она улыбается мне в губы.

— Что ж, я всегда выполняю свои обещания.

Я вдавливаю лезвие в её бедро, прокалывая кожу, и медленно провожу им по её ноге. Она задыхается и прикусывает губу, чтобы не застонать. *О, боже милостивый*... Струйка тёплой крови стекает по моим костяшкам пальцев, и мне приходится закрыть глаза, чтобы контролировать себя, потому что, если я увижу эту кровь... Вздохнув, я прижимаюсь к ней и отталкиваюсь от стола, всё ещё сжимая в руке нож.

Я щёлкаю пальцами, выходя из комнаты, и двое мужчин тут же проносятся мимо меня. Я слышу, как она ругается на них. Посуда бьётся. Мой член напрягается в штанах, когда я несусь по коридору в гостиную и захлопываю за собой дверь. Я предполагал, что с ней будет непросто, но я никогда не верил, что она будет бесстрашна. Она достойная добыча, ибо что может быть более захватывающим, чем охота? Убийство — всего лишь результат.

Я опускаю взгляд на нож. Пятна крови на лезвии заставляют мой пульс учащённо биться в груди. Мой разум путается с мыслями о её губах, о том, как весело было бы трахнуть её, порезать её... Я расхаживаю по комнате, проводя рукой по лицу.

Я знаю, она одна из тех, кто будет так прекрасна, когда истечёт кровью.

РОМАН

«Shameless» — *Massive Metal Covers (трек)*

— Звонок из Банка Китая запланирован на полдень, — произносит Ольга, перечитывая распечатку сегодняшнего календаря. — После этого Национальное отделение в Великобритании; отделение в Праге отправит отчёты в час дня. А в четыре запланирован мистер Войтанокси для обсуждения международных отделов.

Закрыв глаза, я делаю вдох. На самом деле я не хочу, чтобы меня беспокоили из-за этой чепухи, но именно так я сливаюсь с обществом — под маской опытного бизнесмена. В конце концов, каждому преступнику нужно прикрытие, а Всемирный банк — моё.

— Спасибо тебе, Ольга.

Я беру у неё отчёт и захожу в свой кабинет. Едва дверь закрывается, как я достаю свой телефон из кармана. Я набираю номер Мексики; звучит иностранный рингтон, когда я подхожу к жалюзи и заглядываю сквозь них. Ужасно печально, что люди снаружи бегают только для того, чтобы свести концы с концами. *Было бы так жаль быть бедным. Бессильным...*

Линия щёлкает.

— У тебя моя сестра, ты, русский ублюдок! — Габриэль кричит по телефону, прежде чем я слышу, как он плюётся.

— Такой вспыльчивый, — говорю я, усаживаясь за свой стол. — Должно быть, это семейное.

— Нахуй тебя и твою бледную задницу!

— Разве так можно разговаривать с человеком, для которого ты раб? — я улыбаюсь, хотя он меня не видит. — Да, у меня твоя дорогая Мила — разве не так ты её называешь? И так, я полагаю, ты сделаешь всё, о чём я попрошу, чтобы обеспечить её безопасность?

Он молчит, потому что, хотя Габриэль Эстрада может быть безжалостным, он не бессердечный. Пригрозите мужчине, и вы добьётесь его лояльности всего на секунду, *купите* мужчину, и он навсегда останется у вас в долгу. И вот тут я похлопываю себя по спине, потому что что может быть лучше для приобретения души человека, чем через само его сердце?

— Ты же хочешь, чтобы она осталась жива? — спрашиваю я, и снова меня встречает тишина. Я могу только представить, что его лицо покраснело от гнева. — Чудесно! — молвлю я.

— Я хочу поговорить с ней.

— Это понятно. Я попрошу её позвонить тебе и рассказать о том, как чудесно она проводит время, когда я вернусь домой.

— Пошёл ты!

Нет смысла в бессмысленных оскорблениях, поэтому я перехожу к делу.

— В Хуарес придёт партия оружия, ты проследишь, чтобы она пересекла американскую границу.

Повисает долгая пауза. Я слышу, как он сглатывает. Смотрю на экран компьютера, постукивая пальцами по клавиатуре, и перевожу камеры в комнату Камиллы. Она расхаживает назад-вперёд, как львица в клетке, грубо проводя руками по волосам.

— Ну же, ну же, Габриэль, мне бы не хотелось позволять моим людям поступать по-своему с твоей сестрой. И могу я добавить, что у неё очень соблазнительная фигура.

По ту сторону линии раздаётся череда ругательств.

— Не причиняй ей вреда, ты...

— Итак... мы договорились?

Он вздыхает, поражённый этим звуком.

— Да.

— Очень хорошо. Приятно иметь дело с тобой и твоей семьёй, Эстрада. — Я отключаю звонок и смотрю на экран, наблюдая за Камиллой. Могу только представить, что она ругается по-испански.

Звонит рабочий телефон, и я закрываю браузер, прежде чем нажать на кнопку.

— Да?

— Миссис Деревечи здесь.

— Ах, да, чтобы просмотреть отчёт президента Деревичи. Фантастика, — говорю я с ухмылкой. — Впусти её. — Я встаю со стула и пересекаю комнату, следя за тем, чтобы жалюзи были открыты ровно настолько, чтобы фотограф на другой стороне улицы мог сделать хороший снимок. В конце концов, я плачу ему хорошие деньги и не хотел бы тратить их впустую...

Секретарша провожает Анастасию внутрь, и боже мой, в этом изумрудном платье длиной до колен она во всех отношениях жена президента.

— Дайте мне знать, если я могу вам что-нибудь принести, — говорит Ольга, прежде чем закрыть за собой дверь.

Сексуальная неудовлетворённость переполняет Ану. Вожделение. Я прикусываю губу и смотрю на неё так, словно ничего больше в этой жизни не хочу, кроме как заставить её кончить. Она делает шаг ко мне, и я хватаю её за длинные волосы, сжимаю их в кулаке и оттягиваю её голову назад. Я зажимаю её тело между собой и стеной, проводя носом по изгибу её шеи.

— Это то, чего ты хочешь? — спрашиваю я, хватая подол её платья и задирая его вверх по бёдрам.

Она вцепляется в мой пиджак.

— Да, — шепчет она.

Каждый мой вдох спланирован и отмерен, и этот ничем не отличается. Николай Деревичи узнает, что я имел его жену, и я могу лишь надеяться, что он будет угрожать мне.

КАМИЛЛА

«Run for Cover» — The Killers (трек)

Мужчина со шрамом на лице улыбается мне, когда меня усаживают в кресло. Мой взгляд фокусируется на ноутбуке, стоящем на столе. Боль рикошетом пронизывает каждый дюйм моего тела. Всё вокруг меня звучит приглушённо. Мои запястья стянуты за спиной и привязаны кабелем к стулу.

На экране ноутбука появляется окно, и в поле зрения появляется лицо моего папы.

— А, Эмануэль Эстрада, — говорит мужчина со шрамом на лице, улыбаясь моему отцу. — Ваша прелестная маленькая дочка у меня уже три дня. Уже готов обменять себя на неё? — челюсть моего папы сжимается, когда он смотрит на меня. Я опускаю голову, не в силах смотреть на него. — Мне было так весело с ней. — Он гладит меня по лицу, и желчь поднимается у меня в желудке. — Такая милая. Такая девственная. Она залила кровью весь мой член. — Он смеётся.

— Ты хочешь, чтобы я предложил себя, и для чего? — папа говорит. — Чтобы ты мог убить меня и забрать мой бизнес?

Мужчина вздыхает.

— Да.

Я сдерживаю слёзы под волной стыда, которая захлёстывает меня, потому что папа знает. Он знает, что я грязная.

— Мила. — Я медленно поднимаю взгляд на ноутбук, и папа снова смотрит на меня. — Мы не ведём переговоров. И ты это знаешь.

Я крепко зажмуриваюсь и киваю.

— Я знаю, папа. — Первое правило бизнеса: мы не ведём переговоров, несмотря ни на что. Слабость придаёт нашим врагам силу.

— Оставайся сильной, малышка. Заставь меня гордиться тобой. — Экран становится чёрным, и я раздражаюсь слезами.

Мужчина рычит и запускает ноутбуком через всю комнату, прежде чем схватить меня за лицо.

— Ах, милашка, нам с тобой будет так весело. К тому времени, когда я отправлю твоё тело обратно твоему папочке, он будет знать, что ты умирала медленно. — Он проводит губами по моей щеке. — Мучительно.

Он подходит к камину в дальнем конце комнаты, и я хнычу, потому что знаю, что сейчас произойдёт. Один из мужчин в комнате ослабляет кабельные стяжки, и меня швыряют на пол. Ткань моей рубашки срывают с меня. Бинты, покрывающие мою спину, сдирают, натягивая обожжённую кожу. Я прикусываю губу, борясь с желанием закричать.

Мужчина со шрамом оседлал мою спину, из-за его веса мне трудно дышать. Болезненный смешок срывается с его губ.

— Мне так нравится осквернять твою идеальную кожу.

Раскалённая докрасна кочерга обжигает мне спину, кожа под ней пузырится. Он прижимает кочергу к моей коже снова и снова, пока боль не становится единственным, что я чувствую. Я отказываюсь кричать вслух, потому что хочу, чтобы мой папа гордился мной, но в моей голове... я кричу, пока у меня из горла не потечёт кровь. Я кричу из-за

маленькой девочки, которой была всего четыре дня назад, теперь сломленной и раскачивающейся в маленьком уголке моего сознания. Я кричу...

Я просыпаюсь с криком, моё тело покрыто потом. Набрав в лёгкие побольше воздуха от отчаяния, я вылезаю из кровати и меряю шагами комнату, пытаюсь избавиться от дурных мыслей. Всё дело в этом месте, в плену... Думаю, прошло уже несколько недель. Недели в одной комнате. Недели исследования каждого дюйма этого места в поисках выхода, но его нет. Здесь есть единственное окно и двери, ведущие на балкон, но здесь трёхэтажная высота. Каждые несколько минут патрулирует охрана, не говоря уже о камерах в комнате. Я бы никогда не добралась до забора вовремя, а если бы мне каким-то образом удалось пройти через всё это, то поход по холодному русскому лесу наверняка убил бы меня.

И вот, я застряла в этой комнате. Заточённая в своих собственных кошмарах.

Вот как всё начинается — удерживание меня. И когда этого оказывается недостаточно для того, чего они хотят, тогда начинаются изнасилования, боль, пытки. Я сжимаю челюсти и закрываю глаза.

Я могу это пережить, я всегда с этим справлялась.

Насилие — это просто надуманная попытка получить власть, но вся власть заключается в восприятии. Мужчина может одержать верх, изнасиловав женщину, но он теряет это преимущество, когда женщина становится желанной. Мужчины думают, что секс — это оружие, и так оно и есть, но не такое, которым должен владеть мужчина. Женщина должна знать, в чём заключается её сила, и бесстыдно использовать её. Я использую все необходимые средства, чтобы добиться успеха, и я никогда не проиграю, даже если мне придётся пожертвовать каждым фрагментированным, почерневшим осколком своей души, чтобы победить.

Мой отец был прав: мы не ведём переговоров и не сдаёмся. Мы сражаемся. Любым доступным нам способом.

Маленькая красная точка на камере мигает, насмехаясь надо мной. Интересно, сидит ли где-нибудь Ронан, наблюдая, как я медленно распадаюсь на части, наблюдая за моей слабостью. Я могу представить самодовольную ухмылку на его лице, атмосферу превосходства, витающую вокруг него, и это заставляет мою кровь закипать. Взяв табурет с туалетного столика, я бросаюсь в угол комнаты и размахиваю им над головой. Я издаю рычание и разбиваю эту дурацкую камеру о стену. Провода отрываются от гипсокартона, и теперь устройство бесполезно болтается на своих шнурах.

Нахуй Ронана Коула и его шикарную тюремную камеру!

Раздаётся стук в дверь, и входит Игорь с хмурым выражением лица.

— Босс хочет тебя видеть, — говорит он.

— О, *держу пари*, что так оно и есть. — Всё в порядке. Пускай он злится.

Игорь выводит меня из комнаты и ведёт вниз по лестнице к двойным дверям. Он толкает одну дверь и идёт впереди меня. Высокие книжные полки, заставленные старинными книгами, покрывают стены. В центре комнаты стоит блестящий рояль, пламя камина отражается от его нетронутой поверхности. А вот и Ронан в одном из своих костюмов, сидящий на викторианском диване, положив одну руку на спинку. Игорь подходит к нему и, наклонившись в талии, что-то шепчет ему на ухо. Пристальный взгляд Ронана перемещается на меня, и кривая улыбка появляется на его губах.

— Понятно, — произносит он, когда Игорь выпрямляется. — Просто установите ещё одну камеру.

Игорь бросает на меня сердитый взгляд, прежде чем повернуться и выйти за дверь, оставляя меня наедине с Ронаном.

— Так приятно снова тебя видеть, Камилла. — Ронан похлопывает по месту рядом с собой, когда его взгляд опускается на низкий вырез моего платья. — Присаживайся, пожалуйста.

Я внимательно наблюдаю за ним, пересекая комнату. И когда сажусь, я сажусь как можно дальше от него. Он засовывает руку в карман пальто, достаёт сигару и закуривает её, не сводя с меня глаз. Дым клубится вокруг его лица. В его глазах вспыхивают угольки, и я не могу отделаться от мысли, что он похож на самого сатану.

— Ты не добьёшься от меня какой-либо реакции, — говорит он, — хотя я правда нахожу довольно неприятным, что ты разрушаешь такое прекрасное жильё. — Он делает ещё одну затяжку своей сигарой.

Я стискиваю зубы так сильно, что у меня болит челюсть.

— Зачем утруждать себя, удерживая меня? Мой брат бегает вокруг тебя, как мальчик на побегушках, так что убей меня уже. Угрозы не вызывают страха, Русский, а вот действия да.

Его глаза становятся холодными, и он наклоняется ко мне.

— Я хочу контроля. Власти. — Он изучает меня, прежде чем протянуть руку через диван и провести пальцем по моей щеке.

— Страх — это сила.

— Страх бессилён, если нет надежды.

— А я-то думала, что ты бессердечный. Осторожнее, — я пристально смотрю на него и приподнимаю бровь. — Ты можешь разочаровать меня.

— Я безжалостный, Красивая, есть разница. — Он делает ещё одну затяжку. — Хватит болтовни, я поговорил с твоим братом.

Моё сердце замирает, и я стискиваю зубы.

— Могу только представить, как он был взволнован, услышав твой голос.

— Я обещал ему, что не убью тебя. — Его губы приподнимаются.

— Просто убей меня уже. Гейб в любом случае не прогнётся перед тобой.

— Но он уже это сделал.

— Хрень полная. Русский никогда не будет управлять Хуаресом. — Я плюю на пол.

Он смотрит в пол с гримасой отвращения.

— Не самая интеллигентная, не так ли?

— Мой брат ненавидит русских ещё больше, чем я. Он скорее понаблюдает, как ты перережешь мне горло, чем будет работать на тебя. — Я знаю Гейба. Он любит меня, и я люблю его, но папа всегда внушал нам, что картель — бизнес — должен быть на первом месте. Мы не ведём переговоров.

— Так уверена, маленькая кошечка. — Он смеётся.

— Ты полон дерьма!

— Я понимаю. Так и есть. — Он кивает. — Должно быть, лидеру картеля Хуареса так трудно смириться с тем, что сейчас она находится в присутствии человека, который сверг её с трона. — Он постукивает пальцем по губам.

Он знает, кто я такая, что я такое. Он думает, что может отобрать у меня мой картель?

Глубокий вдох. Глубоко-глубоко дыши.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони.

— Я Камилла Эстрада. Я никогда не буду свергнута с престола, *Русский!* Наслаждайся

моментом своей победы. Уверяю тебя, это продлится недолго. — Я заставляю себя улыбнуться. Если Гейб действительно продал мой картель этому русскому ублюдку, я сама убью его!

— *Момент* победы? — Ронан откидывает голову назад от смеха, прежде чем сделать ещё одну затяжку своей дурацкой сигарой.

— Ты манипулировал моим братом. Он всего лишь пешка. — Габриэль может быть лицом картеля Хуареса, но я создала и контролирую его. Всегда.

— Я предпочитаю термин «марионетка».

— Он идиот, — фыркаю я. — У него нет истинной власти.

— Ах, ах, ах. — В голубых глазах Ронана пляшет какая-то нездоровая форма удовольствия. — Но ты и я — *единственные* люди, которые знают, что он бессилён. Ты позволила всем в Мексике поверить, что он король, и поэтому они должны преклоняться перед ним и, по сути, передо мной. — Он ухмыляется. — Как ты думаешь, почему я взял *тебя* с собой, Камилла? — я пристально смотрю на него, и его улыбка становится шире. Он протягивает руку и хватается меня за подбородок, поглаживая большим пальцем мою кожу. — Ты права, твой брат — пешка. Ты — королева. Я убрал ферзя с доски. Игра окончена, Красивая.

Я моргаю. Если бы я не была так зла, я бы, наверное, увидела в этом гениальность. Он сыграл в совершенстве, манипулировал и оркестровал каждое движение до тех пор, что даже я не смогла этого предвидеть. Заставить людей поверить, что Габриэль главный, в то время как на самом деле это была я, — это именно то, что меня задело.

— Хорошо сыграно, — шепчу я.

Изо рта Ронана вырывается облачко дыма.

— Я хотел бы сказать тебе, как очень умно было сыграть раненого маленького оленёнка вместо кровожадного льва.

— Хорошо. Ты заполучил картель, так чего же ты хочешь от *меня*? — я быстро теряю терпение, и мой темперамент обвивается вокруг меня, как виноградная лоза.

— Всё. — На его лице появляется садистская ухмылка, его глаза полны обещаний именно... всего.

Он сдвигается с места, и его пиджак распахивается, обнажая белую рубашку, туго обтягивающую его мускулистую грудь. Под этой утончённой внешностью скрывается что-то смертоносное и дикое. Я помню, каким опасным казалось его твёрдое тело, прижатое к моему, как лезвие вонзилось мне в бедро. Угроза. Обещание. Немногие мужчины могут давать такие обещания, но этот... Я знаю, что он бы справился. Это не должно захватывать меня, но это так. Я должна быть в такой ярости из-за того, что он забрал то, что принадлежит мне, но это не так.

Ронан Коул бросил вызов: достойный соперник.

Это не Хесус Гарсия, который ходил за мной по пятам с высунутым членом и танцевал под любую мелодию, которую выстукивали мои наманикюренные ногти. Внезапно всё, что было до этого, кажется несущественным и незначительным. Если я смогу выиграть, я выиграю всё. Мой взгляд скользит по его дико красивым, точёным чертам лица. Какое удовольствие я получила бы, играя в его извращённую игру власти. Мой разум перебирает все дикие и опасные возможности.

— Что ж, я с нетерпением жду, когда ты попробуешь это сделать, — говорю я. Это вызов, угроза, мольба. Я уже ничего не знаю, но больше всего на свете мне бы хотелось

пойти на войну с этим ублюдком.

Он наклоняется через диван, прижимаясь губами к моей шее.

— И это всё — включает и тебя. — Прежде чем я успеваю отреагировать, он смеётся прямо мне в ухо и отодвигается на другой конец дивана. — Позвони своему брату, — говорит он, вытаскивая из кармана телефон и протягивая его мне.

— Зачем?

— Разве ты не хочешь поговорить с ним?

— Только не по твоему указу.

Он суёт телефон мне в руку.

— Это *была не* просьба.

— Если хочешь, чтобы мой брат бегал вокруг, как твоя сучка, позвони ему сам. — Я прижимаю телефон к его груди.

Из его груди вырывается звериное рычание. Его рука выползает, как змея, и он хватается за горло до синяков, но я всё равно улыбаюсь ему. Тихий голосок в глубине моей головы подсказывает мне действовать осторожно, но я всегда показываю этому голосу средний палец. Его хватка усиливается, и я наслаждаюсь болью, вызовом в его хватке.

— Я не буду танцевать под твою дудку, Русский.

Он отпускает меня и со смехом откидывается на спинку дивана.

— Ты сделаешь это, или твой драгоценный картель заплатит. Я разберу его на части, кусочек за кусочком, и закончу с обезглавленным трупом твоего брата.

— Тебе нужен картель, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

— Мне ничего не *нужно*. А теперь позвони ему, дай ему знать, что *ты в безопасности и всё хорошо*.

Я хочу стереть эту самодовольную ухмылку с его лица, но вместо этого встаю с дивана и набираю номер Гейба. Я могла бы сказать, что Русский блефует, но иногда нужно выбирать, за что сражаться. Мне не нужно вступать с ним в войну из-за телефонного звонка. К сожалению, моя гордость с этим не согласна, так что я должна проглотить её.

Телефон звонит дважды, прежде чем отвечает.

— Привет, — произносит Гейб.

— Габриэль. — Ронан наблюдает за мной с дивана, небрежно покуривая сигару и командуя своими маленькими марионетками.

— Камилла!

— Включи его на громкую связь, — говорит Ронан. Я хмуро смотрю на него, а он просто приподнимает бровь.

— Это тот ёбанный Русский? — спрашивает Гейб.

— Да. — Я включила громкую связь. — Не хочешь рассказать мне, почему ты решил расстелиться под ним? — я едва могу подавить свою ярость. Я оказалась в такой ситуации, потому что мой тупой брат вляпался в какое-то дерьмо, пока я была в тылу врага, пытаюсь убить Хесуса и вернуть наш город обратно.

— Это сложно, — стонет он, — очень сложно, но он помог нам заполучить Хуарес.

— А теперь я в его доме в качестве пленницы, — говорю я с рычанием.

— Скажи этому бледному ублюдку, что он может отсосать мой колумбийский член!

Мой брат опрометчив и может спровоцировать наших врагов, как никто другой, но у него есть определённая манера обращаться со словами. Я подхожу к пианино и кладу локти на крышку.

— Мне сказали позвонить тебе. Я предполагаю, что это доказательство моей жизни, — говорю я, и он вздыхает. — И что, он угрожает убить меня, и ты вдруг становишься его сучкой?

— Мила...

— Как продвигается бизнес? — повисает пауза. — Гейб?

Ронан щёлкает пальцами.

— Хватит болтовни, — велит он. Я смотрю на него и приподнимаю бровь.

— Скажи этому засранцу, чтобы поцеловал меня в задницу, — отвечает Гейб. — Хесус мёртв, и Лос-Зеты охотятся за нами.

— Хесус мёртв?

Все фрагменты внезапно складываются воедино в моём сознании. Я смотрю на Ронана, и на его губах медленно появляется улыбка. *О, теперь понятно.* Помоги Габриэлю выиграть войну, а затем посади его на фальшивый трон с его сестрой в качестве залога, чтобы он хорошо себя вёл. Умно. Действительно, гениально. Неужели Габриэль никогда не слышал, что не следует заключать сделки с дьяволом? Я отключаю телефон от динамика и прижимаю его к уху.

— Ты заключил сделку с Ронаном? — спрашиваю я.

Ронан свирепо смотрит на меня.

— Повесь трубку.

— Он держал меня за яйца, — кричит Гейб.

Ронан встаёт, и я отступаю, огибая пианино, чтобы оно оказалось между нами.

— Мне насрать, — рычу я в трубку. — Что у него могло быть на тебя, Габриэль, ты тупой ублюдок?

— Всё, блядь, что угодно, Мила! Он как чёртов дьявол. Думаю, он владеет грёбаным ФБР!

Ронан, должно быть, услышал это, потому что его губы изогнулись в улыбке.

— Маленькая кошечка, я теряю терпение. — Он кружит вокруг пианино с сигарой в руке, и я повторяю его движения.

— Разберись с Лос-Зетами. Потроши их грёбанных шлюх, убивай их жён и детей, сожги их бизнес дотла. Если ты потеряешь мой картель, я повешу тебя на твоих собственных ёбанных кишках, Габриэль! — я вешаю трубку и подвигаю телефон по пианино к Ронану.

— Как дико, — глаза Ронана вспыхивают, когда он поднимает трубку.

— Я оскорблена! Ты держишь меня в плену, заключая сделку с моим ебучим братом. Почему ты не пришёл ко мне и не заключил сделку? — я складываю руки на груди.

— Ты даже не можешь следовать простым инструкциям и повесить трубку. С какой стати мне заключать сделку с кем-то вроде тебя? Такая вспыльчивая. — Ронан цокает языком. Он затягивается сигарой и отходит в сторону, а я двигаюсь в противоположную сторону.

— Ах, но гнев эффективен, — говорю я.

— На самом деле это не так. — На его лице появляется снисходительная усмешка. — В конце концов, посмотри, к чему это тебя привело.

— Тебе повезло, Русский. — Я прищуриваюсь, глядя на него. — Мы оба это знаем.

— Я позволю тебе верить в то, во что ты хочешь верить. Я бы предположил, что такому человеку, как ты, трудно смириться с поражением.

Я наклоняюсь вперёд, упираясь локтями в пианино, и его взгляд на секунду опускается

на мою грудь.

— Люди наиболее опасны, когда их загоняют в угол. — Я провожу пальцем по лакированной крышке пианино. — Как животные.

— А ещё, когда людей загоняют в угол, они оказываются в ловушке. Как и животные. — Он вдыхает. — Позволь мне прояснить одну вещь: я не из тех, кого можно испытывать. Ты делаешь то, что я говорю, и когда я это говорю.

— Можешь держать меня в плену сколько угодно, Русский, но это не значит, что я буду играть эту роль.

— Я не уверен, что ты понимаешь, что на самом деле означает слово «пленница». — Он наклоняется ко мне через пианино, его глаза сверкают какой-то болезненной формой восторга.

— Ты стал бы не первым мужчиной, пытающимся удержать меня, — говорю я.

И все они в конце концов заплатились за это.

Когда твой отец — могущественный наркобарон, ты становишься очень ценной... для всех, кроме него.

— Нет, я ничего не *пробую*. Я преуспеваю во всём. — Он затягивается сигарой, позволяя струйкам дыма пробираться сквозь его идеальные губы. — Я буду держать тебя так долго, как мне заблагорассудится.

— О, как нам будет весело, — саркастически говорю я, отходя от пианино и усаживаясь на диван. — Всё это дерьмо вокруг я могла бы сжечь. — Я провожу пальцем по подлокотнику его бархатного дивана.

Его глаза изучают меня, пока он обходит пианино и садится рядом со мной. Может быть, мне следует быть осторожной с ним, но мне нравится этот трепет предвкушения. Мне нравится, как бьётся моё сердце в груди, нравится непредсказуемость всего этого. Он мог бы убить меня. Он мог бы поцеловать меня.

Возможности, возможности.

— Ты мне не нужна, Камилла. Хесус оставил тебя, чтобы трахать. Я же держу тебя просто для развлечения... — он машет сигарой в воздухе. — По крайней мере, на данный момент.

Без предупреждения он хватается за волосы и притягивает моё лицо к себе на колени. Кожа головы горит, когда я борюсь с ним. Он слишком силен для меня, чтобы сопротивляться, и легко удерживает меня, душа меня в пряном аромате его одеколона, когда он сильнее прижимает моё лицо к своей промежности.

— Предупреждаю тебя, я кусаюсь. — Я обнажаю зубы.

Он приподнимает бёдра, его член набухает у моей щеки.

— Я даже отсюда чувствую запах твоей киски, — произносит он. — Как же нам с тобой будет весело!

Мой темперамент борется с первобытным желанием, стремительно пронизывающим меня насквозь. Я ненавижу его, но сексуальное напряжение между нами — обещание насилия — это как головокружительная форма прелюдии, от участия в которой я не могу отказаться.

Грёбанный мудака.

— Не думала, что ты насильник.

Он дёргает мою голову в сторону, заставляя посмотреть на него. Одна бровь слегка приподнимается, и внезапно он становится похож на тёмного ангела, прекрасного и

холодного.

— Ох, мы *знаем*, что это не было бы изнасилованием. Не так ли?

— Пошёл ты, — выплёвывая я. — Я бы предпочла трахнуть гниющий труп.

Он отталкивает мою голову от своих колен и встаёт, свирепо глядя на меня сверху вниз.

— Я ожидал, что у тебя будут гораздо более сильные инстинкты выживания, чем это.

— О, тебе грустно, потому что я не буду сосать твой член, как хорошая маленькая пленница? — я вскакиваю на ноги, мгновенно оказываясь с ним грудь к груди. Жар его тела проникает сквозь ткань моего платья. Воздух потрескивает от напряжения, и адреналин бурлит в моих венах. Не помню, когда в последний раз чувствовала себя такой живой. Ронан Коул, может, и ублюдок, но его власть почти заразительна, и война с ним... была бы ни на что не похожа.

— Ты недооцениваешь меня, — отвечает он. Его рука скользит по моей талии. — На *всех* уровнях. — Его пальцы задерживаются на моей пояснице. Дрожь пробегает по моему позвоночнику, прежде чем он прижимает меня вплотную к себе и на дюйм приближается к моей шее. — Было бы жаль портить такое восхитительное лицо, — говорит он, прежде чем его зубы впиваются в моё горло и кусают кожу так сильно, что я задыхаюсь. А потом, просто так, он отпускает меня и снова садится на диван.

Он опасен и силён, и меня тянет к нему так же, как адреналинового наркомана тянет к опасным для жизни высотам. Скорее всего, я упаду и умру, но спуск вниз был бы стремительным, не похожим ни на какой другой, так что я взвешиваю свои варианты. Я могла бы бороться с ним зубами и ногтями, сколько бы я здесь ни пробыла, а это может быть бесконечно. Или... Я могла бы воспользоваться этой возможностью, чтобы сблизиться с Ронаном Коулом, понаблюдать за ним, соблазнить его, поработать с ним. И когда придёт время, я смогу либо использовать его, либо убить. Я могу использовать это в своих интересах.

РОНАН

«Puppeteer» — МАХ (трек)

Камилла свирепо смотрит на меня.

О, знаю, она, должно быть, ненавидит меня. Её легко завести — как маленькую игрушку. У меня вызывает такой трепет, когда она испытывает меня, потому что я правда не знаю, как яотреагирую. Всё в моей жизни так предсказуемо, и пока это именно то, что мне нужно... это становится утомительным. И самый большой вред, который она может причинить? Что ж, она действительно ничего не может сделать, пока она здесь, не так ли? Так что, поиграю с ней я...

— Станцуй для меня, Камилла, — говорю я с улыбкой.

В её глазах загорается огонь, а ноздри раздуваются.

— Я похожа на твою личную стриптизёршу?

— Ты будешь похожа на того, кем я захочу тебя видеть.

— Иди. Нахуй! — она складывает руки на своей пышной груди. Я решил, что она красивее, когда злится.

— Я сказал, танцуй.

Она подходит ближе.

— Я прирежу тебя, Русский.

— Я очень люблю ножи. — Я сдерживаю стон, вспоминая, как плавно лезвие скользнуло по её бедру. На её щеках появляется мягкий румянец, и я могу лишь надеяться, что она тоже думает об этом. Вздохнув, я встаю, и она делает осторожный шаг назад. — Ты делаешь всё намного сложнее, чем это должно быть, — говорю я, хватая её за талию и притягивая к себе. — Ты сделаешь то, о чём я прошу, либо по собственному выбору, либо через силу.

Её челюсть сжимается, когда саркастическая улыбка касается её губ.

— Я оторвусь сегодня, представляя твоё мёртвое, окровавленное тело.

— Как восхитительно. — Я заставляю её двигаться вместе со мной, танцуя. Она подчиняется, прижимаясь своим телом к моему и следуя моему примеру. Аромат её кожи, то, как она двигается, с убийственными изгибами, её осязаемая ярость... она соблазнительное создание. Я разворачиваю её, прежде чем снова притянуть к себе.

— Я кончу так сильно, погрузив пальцы в свою киску и думая о тебе, — обещает она, её зубы скользят по моей шее.

Она порочная, и это творит со мной то, что мне скорее нравится.

— И как именно ты предлагаешь убить меня, Камилла Эстрада? — я опускаю её, наклоняясь, чтобы провести губами по её шее, прежде чем укусить. — Я правда надеюсь, что это будет жестоко.

— Ну, раз уж ты так любишь ножи... И стоит ли вообще затрачивать усилия на убийство, если не прольётся обильное количество крови? — она просовывает своё бедро между моими, прижимаясь им к моей промежности.

О, она играет грязно.

— Ты бы выглядела такой хорошенькой, купаясь в крови, Красивая. — Я сжимаю в кулаке её волосы. — Такой красивой, вся в красном. — Во мне бурлит адреналин, и я хочу

проверить её границы, потому что чувствую, что их у неё очень мало.

— Красный — мой любимый цвет. — Она улыбается и поворачивается на каблуках, становясь спиной ко мне. Её бёдра прижимаются к моему твердеющему члену. Она так сильно хочет соблазнить меня, посмотреть, как я рассыпаюсь в прах. Но я этого не сделаю...

— Тебя злит, что я не трахну тебя? — я убираю её волосы с шеи и замечаю намёк на большую татуировку, выглядывающую из-под верха её платья. И как она контрастирует с атласным материалом! Она выглядит такой элегантной, но в то же время совершенно безжалостной. Как ландыш... — Я знаю, как для тебя важно, чтобы мужчины падали к твоим ногам.

— Тебя расстраивает, что твой жёсткий контроль не позволяет этого сделать? — она снова поворачивается, приближая свои губы к моим. — Это вызывает у тебя желание закончить эту ночь? — её рука скользит по моей промежности, когда она приподнимает бровь.

— Я не смешиваю удовольствие и бизнес, а ты, Камилла, — ухмыляюсь я, — слишком серьёзный бизнес.

— Хм-м. — Её взгляд опускается на мои губы. — А ты, Ронан, враг. Но разве мы не всегда хотим того, чего не должны?

— О, разве это так? — я лезу в карман и хватаю свой нож, вытаскивая его, когда толкаю её к книжному шкафу. У неё перехватывает дыхание, и я улыбаюсь, прежде чем полоснуть её по груди. Она задыхается, когда тонкая струйка крови вытекает из раны, идеально стекая по изгибу её груди. Я провожу по ней пальцем, подношу руку к губам и касаюсь кончиком языка капли крови. — Я с таким нетерпением жду того дня, когда ты встанешь на колени с моим членом в своём грязном маленьком ротике, — шепчу я, засовывая нож обратно в карман и отпуская её.

Она одаривает меня самодовольной улыбкой, и я щёлкаю пальцами. Через несколько мгновений Игорь переступает порог и, схватив Камиллу за локоть, выводит её из комнаты.

Каким замечательным сюрпризом всё обернулось.

Я подхожу к своему столу и просматриваю запись с камеры наблюдения на своём ноутбуке как раз вовремя, чтобы увидеть, как Игорь заталкивает Камиллу в её комнату.

На мгновение она застывает, и мне интересно, о чём она думает. Как, должно быть, она злится, что у меня иммунитет к её чарам. Вскоре она поворачивается к камере, поднимает глаза и показывает мне средний палец. Хлопая в ладоши, я смеюсь.

Такая дерзкая и игристая... И такая красивая кровь.

Я достаю нож из кармана и кладу его на стол, разглядывая острый край. Кровь доставляет мне большое удовольствие. Это что-то завораживающее. Но это же причина номер один, по которой я не мараю руки. Нехорошо смешивать удовольствие с бизнесом. В начале своей карьеры я понял, что этим слишком легко увлечься, и мне нужно всё спланировать, просчитать, контролировать, чтобы всё шло соответствующим образом. Однако одна вещь меня чрезвычайно волнует: Камилла недолго будет оставаться для меня бизнесом...

— Сэр, — один из охранников входит в комнату. — Анастасия Деревичи у главных ворот.

— Интересно, *зачем же?* — улыбка изгибает мои губы, и я загоняю поглубже грязные мысли о красной крови Камиллы. — Впусти её на территорию. — Я обхожу охранника и иду по коридору. Слуга стоит у двери и ждёт с моим пальто в руках. Я беру его и поднимаюсь на

крыльцо, останавливаясь, когда чёрная машина огибает подъездную дорожку. При резкой остановке из-под шин поднимается снежная пыль.

Задняя дверь открывается, и наружу высовываются длинные ноги Анастасии.

— Ронан, — говорит она, её щеки покраснелись, а лицо перепачкано тушью. — Он знает.

Не улыбайся.

— Кто знает что, Ана?

— Николай. — Она прикрывает рот рукой и всхлипывает. — Он знает о нас!

Конечно, он знает, но я должен притвориться шокированным, поэтому провожу руками по волосам и расхаживаю назад-вперёд.

— Как? — я спрашиваю. — Откуда он знает?

— Были фотографии... — я вижу, как бьётся пульс у неё на шее, и наслаждаюсь этим зрелищем. Она боится его, но она боится не того человека.

Заставив себя нахмуриться, я спускаюсь по ступенькам и заключаю Анастасию в объятия.

— Всё будет хорошо. — Я прижимаюсь своими губами к её губам, теряясь в театральности всего этого.

— Что мы будем с этим делать? — спрашивает она. — Он угрожал убить тебя. — *О, неужели он это сделал? Как чудесно!* Как я рад это слышать. Хотя трахать Ану было нетрудно, я никогда не трахал её ради чистого удовольствия. Я трахал её из-за Деревечи. Потому что сердце женщины — её самое слабое место, и даже в аду нет такой ярости, как у отвергнутой женщины. — Я ухожу от него, — шепчет она.

— Не глупи. — Я отхожу в сторону и жестом указываю ей на машину. — Он убьёт нас обоих, если ты уйдёшь. — Он этого не сделает, но она этого не знает, а я хочу, чтобы она чувствовала себя в ловушке.

Я придерживаю для неё дверь и оглядываюсь на окно Камиллы. Она стоит рядом с раздвинутыми занавесками, наблюдая, и должен признаться, что не смог бы спланировать всё лучше, даже если бы попытался. Мы с Анастасией садимся в машину, и как только дверь закрывается, я целую её. Сильно. Жёстко, как будто всё, что мне нужно в этом мире, — это она, и в некотором смысле в этот самый момент — это правда. Она — моя пешка, которую я должен двигать и манипулировать ею, чтобы убрать с доски другого короля.

КАМИЛЛА

«Firestarter» — *The Prodigy* (мрек)

Я наблюдаю, как Ронан садится в машину с худощавой блондинкой и уезжает. Эта женщина так сильно хочет его; с таким же успехом она могла бы лечь на заснеженную подъездную дорожку и раздвинуть свои ноги длиной в милю. Как будто этот человек нуждается в ещё каком-то подъёме своего самолюбия.

Один взгляд на неё — и он заполучил её именно там, где хотел, а я так же беспомощна. Вынужденная оставаться его пленницей, бессильная что-либо сделать, чтобы помочь бизнесу, который я построила. Тем временем он играет со мной, как с одной из своих дешёвых шлюх. И я *позволила* ему. Я пытаюсь играть в игру, правила которой знает только он.

Я почти овладела им, пока он не овладел мной.

Я расстроена, я зла, и я хочу, чёрт возьми, причинить ему боль. Я хочу сжечь дотла его идеальную маленькую жизнь. Сцена, когда он так легко играет со мной, прокручивается в моей голове, и моё раздражение растёт с каждой секундой. Меня раздражает его бесконечное спокойствие, этот идеальный контроль, которому, как я вижу, он придаёт огромное значение. Я улыбаюсь при мысли о том, как буду наблюдать, когда он сорвётся. Наблюдать за тем, как такой человек, как он, обрушивается на этот мир — это было бы прекрасно и ужасающе. Он наверняка убил бы меня, и тогда у него не было бы никаких рычагов воздействия, никакой власти над моим братом *или* моим картелем.

Точно так же, как он хочет сломать меня, я хочу сломать его, любыми необходимыми средствами. Никто не играет со мной.

Я позволяю ярости наполнить меня, одержать надо мной верх, что обычно заканчивается массовым убийством, а затем хватаю зеркало с туалетного столика и швыряю его на пол. Стекло разбивается вдребезги, осколки разлетаются по ковру. Мой взгляд переключается на новую камеру в моей комнате, маленький красный огонёк дразнит меня каждым своим миганием. Я знаю, что его люди могут меня видеть, поэтому я беру большой осколок стекла и провожу им по внутренней стороне запястья, оставляя порез — недостаточно глубокий, чтобы убить меня, — но достаточно глубокий, чтобы устроить сцену. Кровь приливает к поверхности, и я позволяю ей стекать на ковёр. По какой-то причине, я думаю, Ронан Коул хочет, чтобы я осталась жива. Это не значит, что я бы уже не дала ему все основания убить меня, если бы это было не так. Может быть, я смогу подтолкнуть его к краю пропасти...

Я метаясь по комнате, срываю занавески и переворачиваю мебель, и когда в комнате царит полный беспорядок, я сажусь на край кровати, пачкая простыни кровью. Почти как по сигналу, в коридоре раздаются шаги, и я засовываю большой осколок стекла под бедро. Дверь распаивается с такой силой, что ударяется о стену.

В комнату врывается мужчина. Он смотрит на меня, затем обводит взглядом комнату, прежде чем закинуть винтовку за спину и поспешить в мою сторону. Когда он оказывается всего в футах от меня, я подпрыгиваю и вонзаю осколок стекла ему в шею. Зазубренные края режут мне ладонь, но мне всё равно. Я срываю винтовку с ремня у него за спиной. Ещё несколько шагов эхом отдаются в коридоре, и я направляю винтовку на дверной проём. В

комнату входит ещё один охранник, и я нажимаю на курок. *Бах*. Он падает на пол.

«*Посмотрим, как Ронану понравится это дерьмо*», — думаю я, поспешно выходя за дверь. Я хожу по дому и стреляю в каждого, кого вижу. У подножия лестницы я отбрасываю пустую винтовку в сторону и беру новую у безжизненного человека у моих ног. Пятеро людей Ронана мертвы, а я ещё даже не добралась до караульного помещения. Наклонившись, я обыскиваю мужчину в поисках ещё какого-нибудь оружия и нахожу две гранаты.

Что ж, сейчас все станет намного интереснее.

В его кармане сигареты и зажигалка, и то, и другое я беру, прежде чем стащить с него толстое пальто и выйти на улицу.

Завывающий ветер обвивает меня, и я сильно дрожу. Я надеваю пальто и оглядываюсь по сторонам, замечая мужчин, снующих туда-сюда из караульного помещения сбоку от подъездной дорожки. Перед ним припарковано несколько внедорожников, и я улыбаюсь. Когда мы росли, мы с братом угоняли папины машины, потому что ключи всегда были в них. Определённые профессии подвергают вас высокому риску нападения, и транспортные средства должны всегда быть готовы к работе. У Ронана много врагов, так что я бы предположила, что в этих машинах есть ключи. Мне не требуется много времени, чтобы перебежать двор. Я присаживаюсь на корточки рядом с одним из внедорожников и пытаюсь открыть дверцу. Она открывается, и я протягиваю руку, опуская солнцезащитный козырёк. Ключи падают на переднее сиденье. Я хватаю их и вставляю в замок зажигания. Двигатель кашляет от холода, прежде чем с шипением ожить. Внезапный шум привлекает внимание нескольких охранников.

Запихивая винтовку в руль, я вдавливаю педаль газа в пол и размещаю винтовку на нём. Двигатель ревёт, шины визжат. Охранники теперь бегут ко мне, поэтому я спешу выдернуть чеку из двух гранат и бросить их на переднее сиденье, прежде чем включить передачу и сесть за руль. Я выпрыгиваю, когда машина мчится прямо к зданию охраны. Она врезается в кирпичное здание, двигатель воеет, а колеса продолжают вращаться. Затем... *Бум*. Вспыхивает огромная стена огня, ослепляя меня и сбивая с ног. Яростное пламя охватывает машину и фасад здания. Дым поднимается в небо. Пыль оседает, и люди Ронана выглядят как сломанные куклы, разбросанные по двору.

Он может идти нахрен.

Ухмыляясь, я поднимаюсь на ноги и подхожу к одному из лежащих без сознания мужчин. Я снимаю шарф с его шеи, отрываю от него полоску ткани и оборачиваю её вокруг своего порезанного запястья. Затем я запрыгиваю на капот машины, достаю из кармана одну из украденных сигарет и закуриваю, наслаждаясь разрухой. Жар от ревушего огня ласкает мою кожу, как старый друг. Пламя прыгает и извивается, расплзаясь по дому и пожирая всё подряд. Отдалённые крики людей, оказавшихся в ловушке под горящими обломками, подобны симфонии, сопровождающей треск горящего дерева. Это прекрасно. Мать-природа во всей своей красе, самая разрушительная и беспощадная. Я думаю, что сгореть заживо — это отвратительный способ покончить с собой. Боль от того, что тебя поджигают, не сравнима ни с чем; и всё же чувствовать, как твоя собственная кожа отделяется от твоей плоти, пузырится и покрывается волдырями, — это почти очищение.

Позади меня раздаётся хруст шин по снегу, сопровождаемый визгом тормозов. Дверь с грохотом хлопывается, и от осознания у меня по спине пробегают мурашки. Я знаю, что это Ронан, даже не глядя. Как я уже сказала, я всегда чувствую хищника. Сапоги топают по снегу, а я сижу, курю сигарету и смотрю на огонь.

Чья-то рука хватается меня за локоть, оттаскивая от капота машины. Игорь рычит на меня, прежде чем схватить меня сзади за шею и подтолкнуть к Ронану, как чёртов приз. Моё сердце бешено колотится в груди, эта маленькая трещинка предвкушения смешивается со страхом. Я прикусываю губу, чтобы сдержать улыбку, гадая, что же он предпримет.

Это должно быть весело...

Пристальный взгляд Ронана скользит по моему телу. Его взгляд совершенно непроницаем. Он поднимает один палец, прежде чем повернуться и взглянуть на окружающие его разрушения. Клянусь, я вижу, как он борется с улыбкой, прежде чем его глаза возвращаются ко мне и сужаются. Его рука опускается, и на мгновение воцаряется напряжённая тишина, в которой слышно только шипение огня.

— Игорь, — говорит он едва сдерживаемым голосом. — Уходи.

Ботинки Игоря хрустят по снегу, когда он уходит.

Ронан кружит вокруг меня, как тигр, выслеживающий добычу. Моё дыхание учащается, перед моим лицом появляется туман, когда я стою совершенно неподвижно. Честно говоря, я хочу его ярости, я хочу его неистовства. Я хочу посмотреть, как он потеряет этот ледяной фасад, потому что я подтолкнула его к этому. Он останавливается у меня за спиной.

— Тебе не нравится костёр? — спрашиваю я, оглядываясь на него через плечо.

Он подходит ко мне так близко, что буквально дышит мне в затылок, и внезапный жар вызывает произвольную дрожь по моему телу.

— О, — говорит он, его пальцы медленно танцуют вдоль моего бока, когда он встаёт передо мной, — я очень люблю огонь. — Я подношу сигарету к губам, и его взгляд фокусируется на моём окровавленном запястье. — *И кровь.*

— Что ж, — криво улыбаюсь я, — у всех нас есть свои пороки.

— Это верно. — Он вырывает сигарету из моих пальцев и бросает её на землю, прежде чем схватить меня за волосы, запрокидывая мою голову назад. — Ты расскажешь мне, зачем ты подожгла помещение моих охранников? — спрашивает он. Его пальцы сжимаются в моих волосах до тех пор, пока кожу головы не начинает жечь от боли.

Мой взгляд опускается с его глаз на его идеальные губы. Мне так нравятся эти маленькие опасные игры с ним — не то чтобы я ему об этом говорила.

— Потому что могу, — отвечаю я. Я говорю себе, что делаю это не просто так, а ради более важной цели: помочь своему брату, победить Русского. Но правда в том, что мне это нравится. Я хочу посмотреть, как Ронан сорвётся, потеряет контроль и разрушит всё в своём собственном прекрасном аду. Я хочу танцевать с ним в пламени и чувствовать, как моя кожа слезает от жара. Я хочу пройти по той тонкой грани, где сочетаются сила, жизнь и смерть.

— И всё же ты осталась. — Он улыбается. — Как послушная маленькая пленницы.

Я осталась.

Я могла бы взять машину и попытаться убежать, но его досягаемость безгранична, его власть непревзойдённа. Даже если я вернусь в Мексику, он выследит меня, а я не подготовлена к войне такого масштаба.

— Хорошая или просто умная? От тебя никуда не сбежать, Ронан, и я это знаю.

— Мм, — говорит он, отпуская мои волосы и проводя пальцами, один за другим, вниз по моей шее. — Умная маленькая кошечка.

Огонь и дым клубятся позади него, языки пламени поднимаются к небу, как будто поклоняясь ему, как богу, которым он себя считает... как дьявол, которым он *на самом деле* является.

— Итак, что теперь? Собираешься убить меня? — улыбаюсь я.

— За что?

— Я убила половину твоих людей. — Я приподнимаю бровь и указываю на горящее здание. — Ты не заметил ёбаный грандиозный пожар на лужайке перед твоим домом?

— Если женщина смогла умертвить их, как собак, зачем они мне нужны? — он пожимает плечами. — Ты оказала мне услугу.

Чёрт. Он такой безжалостный, и от этой постыдной мысли мои бёдра сжимаются.

— Что ж, тогда рада быть полезной, — говорю я, и в моём тоне сквозит сарказм.

— Ах, — он проводит пальцем по моей губе, — и теперь ты узнаешь своё место.

Я свирепо смотрю на него.

— Осторожнее, Русский, в следующий раз это будет твой дом — с тобой в нём.

И выключатель щёлкает. Самодовольная улыбка исчезает, его глаза вспыхивают, и внезапно его рука оказывается на моём горле.

— Боги не горят, — произносит он, сжимая меня и поднимая. Мои ноги болтаются над землёй, когда я бьюсь в его захвате. Я царапаю его руку, и его хватка становится только крепче. — Пустые угрозы делают тебя слабой, — говорит он. — Я не Хесус. Я не тот мужчина, которого ты знала. Ты можешь не бояться смерти, но ты должна бояться меня. — Я задыхаюсь в его жестокой хватке, борясь за глоток воздуха, в то время как мои лёгкие горят, а в ушах звенит. На его губах появляется болезненная улыбка, и он опускает меня на землю. Я задыхаюсь, потирая горло и отодвигаясь от него.

Он указывает на бушующий огонь позади меня.

— Это не более чем вспышка гнева избалованного ребёнка. Ты бессильна перед самой собой, следовательно, ты слаба.

Его слова проникают мне под кожу, проникают в мой разум и разъедают мои недостатки. Я борюсь с собой, не в силах ничего сказать, в то время как в его глазах пляшут весёлые искорки. Он знает, что только что победил. Я сожгла его здание дотла, и почему-то именно я выгляжу слабой.

Какого хуя?

Я вскакиваю на ноги и срываюсь с места, на ходу стряхивая снег с ладоней. Его смех разносится над шипящим пламенем, и это злит меня ещё больше.

Слабая! Я покажу ему слабость!

РОНАН

«Hands on the Bible» — Local H (трек)

В тот раз я почувствовал, как участилось её сердцебиение.

Волнение захлёстывает меня, когда я наблюдаю, как она стремительно удаляется. Она очаровывает меня так, как, я полагаю, коллекционер очарован редким экземпляром. Она такая, какой я никогда раньше не видел, великолепная. Экзотическая. Находящаяся под угрозой вымирания...

Я тащусь к дому, любуясь алыми брызгами крови на снегу. Несколько человек лежат тут и там, скорчившись, на ступеньках. *Такая бойня*. Двери фойе распахиваются навстречу кровавой бане, и я вздыхаю. По мрамору были разбросаны тела. Пропитанный кровью запах смерти витает в воздухе, и я вдыхаю его, закрыв глаза, наслаждаясь мыслью о том, как она убивает этих людей, словно ангел смерти. Мой пульс учащается от восторга.

Кто-то прочищает горло. Игорь стоит на верхней площадке лестничной клетки, обозревая открывшуюся перед ним сцену смерти.

— Она злится, — говорит он без эмоций.

— Да. — Я улыбаюсь, перешагивая через мужчину с пулевым отверстием посередине головы. — Так и есть.

— Ты убьёшь её?

— Она успокоится, — отвечаю я, и Игорь приподнимает бровь. Я жестом приглашаю его следовать за мной, направляясь к своему кабинету. — Встреча уже назначена?

— Да, босс.

Напевая, я иду по коридору. Сияние камина привлекает моё внимание, когда я вхожу в свой кабинет. Я пересекаю комнату и останавливаюсь перед ревушим камином, вдыхая запах горящих досок. Я слышу, как Игорь входит позади меня, но не оборачиваюсь.

— Во сколько мы должны прибыть? — спрашиваю я.

— В полночь.

Я сосредотачиваюсь на языках пламени, танцующих над поленьями. Дерево потрескивает и раскалывается, посылая вспышку жара мне в лицо, и мягкая улыбка появляется на моих губах. Камилла — это огонь во всей своей сути. Большинство людей боятся огня, но она стала им. Её красота в её разрушении, необузданном и горячем. Её существование основано на единственной цели — разрушать. Сам воздух, которым она дышит, превращается в сладкий экстаз, который питает её, заставляет гореть ярче...

— Ронан? — Игорь прерывает мои размышления. Я был так погружён в огонь, в свои мысли, что не слышала ни слова из того, что он сказал.

— Что?

— Что ты хочешь, чтобы я с ней сделал?

— Ничего. — Я стряхиваю пепел с рукава и пожимаю плечами. — И повтори остальным мужчинам, что они не должны причинять ей вреда. Неважно, что она попытается сделать.

— Но она только что...

— Не подвергай сомнению мои решения, Игорь. А теперь скажи ей, чтобы она приняла ванну и оделась. Она пойдёт с нами на встречу с Антоном. — Я отмахиваюсь от него

взмахом руки.

Камилла слишком непредсказуема, и только по этой причине я должен убить её, но пока она не покажется мне скучной, я оставлю её в живых. Я ещё мгновение наблюдаю за пляшущими передо мной языками пламени, прежде чем повернуться и сесть за свой стол. Звонки сделаны, договорился о доставке следующей партии боеприпасов за пределы Восточного Лондона. Конечно, я должен проверить свой счёт и отправить платежи наёмным убийцам — все тривиальные вещи, которые сопровождают мою работу, — и когда уже без четверти десять, я встаю со стула.

Проходя по дому, я думаю о том, как красиво выглядела бы Камилла, опершись на мою руку на всех этих скучных политических собраниях. Все мужчины позавидовали бы мне, и поэтому я беру её сегодня вечером, чтобы прощупать почву. Антон на самом деле не имеет никакого значения. Какой бы шум она ни подняла, он всё равно будет извиваться у меня под пальцами, как личинка. Я останавливаюсь возле её комнаты, поправляю запонки, прежде чем распахнуть двери. И, как я и предполагал, она не готова. С чего бы ей готовиться? Вместо этого она растянулась поперёк кровати с книгой в руке, всё ещё одетая в свою одежду для убийств.

О, разве ты не выглядишь такой прекрасной в своей окровавленной одежде?

Дверь за мной захлопывается, но она не замечает моего присутствия. Как будто её ничто не волнует в этом мире, она переворачивает страницу и откидывает свои тёмные волосы в сторону. Вот тогда я замечаю брызги крови у неё на шее, я делаю вдох, подавляя мысль о том, как я мог бы трахнуть её.

Я хлопаю в ладоши, и она подпрыгивает на кровати.

— Ты не одета, — говорю я.

— Уже поздно. — Она вздыхает. — Зачем мне нужно одеваться?

— Тебе *было* сказано одеться.

— Ты чертовски восхитителен сегодня вечером. Куда, скажи на милость, я направляюсь? — она закатывает глаза, прежде чем сесть.

— Сказал. Одевайся.

— Мы собираемся в поход по лесу? Идём на вечеринку? Что бы ты хотел, чтобы я надела, *Русский?*

Мои губы приподнимаются, когда я направляюсь к шкафу. Я хватаю платье с вешалки и бросаю ей.

— Это подойдёт.

— Ты даже не собираешься намекнуть мне, куда мы направляемся? — её пристальный взгляд скользит по моему лицу, и она улыбается.

Я щёлкаю пальцами.

— Надень это платье.

— О, ясно. Тебе приходится нянчиться со мной, потому что мужчины, которых ты нанимаешь, слишком дерьмовые, чтобы это делать.

Я смотрю на свои часы, прежде чем взять её за запястье и подтащить к краю кровати.

— Я приказал им не делать этого. А теперь надень это чёртово платье. — Я стону, отпуская её.

— Ну, элементарное чувство самосохранения должно перевесить твои приказы.

— У меня нет времени на твою болтовню. Одевайся, пока я не сделал это за тебя.

В её глазах пляшут дикие искорки, и она опускается на колени на кровати, оказываясь

лицом ко мне.

«С такой забавной вещью можно играть», — думаю я, сжимая в кулаках вырез её грязного платья и дёргая. Тонкий материал рвётся посередине, и она теряет равновесие. Её глаза вспыхивают. Её ладонь взлетает к моей груди, когда она пытается удержаться. К моему большому удивлению, она совершенно голая под этим платьем. Её тёмные соски напрягаются, грудь вздымается одним неровным движением, и я изо всех сил пытаюсь сдержать животный порыв, грызущий меня изнутри. Умоляющий меня повалить её на спину и раздвинуть её ноги.

— Одевайся, — я приближаю свой нос в нескольких дюймах от её, — одевайся.

— О, Ронан. — Её пальцы скользят от воротника моей рубашки к обнажённому горлу, и я сжимаю челюсти, когда меня обдаёт жаром. — Такой идеальный образец самоконтроля, — говорит она, прикусывая губу. — Позор.

В таком состоянии она почти невыносима.

— Может быть, ты предпочитаешь, чтобы тебя вытащили голой на холод?

Она придвигается ближе на коленях. Её груди задевают мою рубашку, когда она наклоняется, и я борюсь со стоном.

— Любой мог бы подумать, что я не нравлюсь тебе голой, — выдыхает она мне в губы. Похоть бурлит у меня под кожей. Мой член набухает. Мои пальцы дёргаются по бокам, испытывая острое желание провести по её обнажённой киске. И хотя она, возможно, находится на тонкой грани обольщения, я тоже могу так сделать.

Я провожу своими губами по её губам, затем провожу ими по её щеке, направляясь к уху.

— Я не люблю, когда с женщинами легко, — шепчу я. Улыбаясь, я делаю шаг назад, хватаю платье с пола и бросаю его ей.

— А мне нравятся мужчины, которые берут то, что хотят. Как я уже сказала, позор.

Я предпочёл проигнорировать её, предоставив ей последнее слово просто лишь для того, чтобы ускорить процесс. Она влезает в платье, натягивая его на свои изгибы, прежде чем подойти к зеркалу. Платье с глубоким вырезом на спине открывает большую замысловатую татуировку. Тёмные ангелы и демоны, сцена жуткого насилия. Её душа темна, и это так противоречит её прекрасной внешности. Манящее и летальное, такое смертоносное сочетание. Она смотрит на своё отражение и собирает волосы в пучок.

Ах! Брызги крови.

Я иду в ванную и намачиваю мочалку, ещё раз проверяя время, прежде чем вернуться в комнату. Камилла отворачивается от зеркала, свирепо глядя на меня, когда я подхожу к ней. Я перебрасываю её волосы за плечо.

— Как бы красиво это ни было... — говорю я, вытирая засохшую кровь с её шеи. — Боюсь, это неподходящее облачение для такого случая.

Неоновые огни клуба «Аид» отражаются от окна, когда машина огибает здание, паркуясь между «Роллс-ройсом» и «Мерседесом». Игорь вылезает из машины и направляется к чёрному ходу. Горка снега падает с карниза, когда он открывает дверь и исчезает внутри. Несколько моих людей уже ждут внутри клуба. Некоторые из них надёжно расположены на крышах окружающих зданий, но такой человек, как я, никогда не бывает чрезмерно осторожен.

Вздыхнув, я бросаю взгляд на отчёт об акциях, появившийся на моём телефоне.

Вы уверены, что хотите продать 2 000 000 акций Valiant Oil?

Я нажимаю «Да», прежде чем закрыть браузер и сунуть телефон обратно в карман костюма. Эта внезапная продажа должна дать фондовому рынку небольшой толчок, а затем, когда все остальные компании запаникуют и начнут продавать, я налечу, как стервятник, и захвачу их всех. В конце концов, чем большим количеством компаний я владею, чем большее количество людей я контролирую, тем больше у меня денег, чтобы подкупить нужных людей.

Водитель выпрыгивает из машины, и я бросаю взгляд в окно на Игоря, который теперь скрывается в открытом дверном проёме. Моя дверь открывается, и я выхожу в холодную ночь. Камилла вылезает следом за мной, её глаза бегают по сторонам.

О, бесстрашная Камилла, похоже, напугана.

— Ты выглядишь встревоженной, — говорю я, поправляя пиджак, когда мы подходим к зданию.

— Ни хрена подобного. — Её дыхание превращается в облачко тумана в холодном воздухе, и она быстро обхватывает себя руками, дрожа. — Я окружена русскими, участвую в каком-то развлечении, которое вы организовали, и у меня нет оружия.

— Оружия, — смеюсь я. — С какой стати тебе понадобилось оружие? Ты со мной.

Она быстро оглядывает меня, когда мы останавливаемся перед дверным проёмом.

— Мне очень жаль, Русский. Я и не знала, что ты пуленепробиваемый. Тогда я обязательно останусь позади тебя. — Игорь отходит в сторону, и мы входим в тускло освещённый коридор. — По крайней мере, скажи мне, что у тебя есть пистолет, — шепчет она.

— Нет. — Я чувствую, как она напрягается рядом со мной.

— Отлично, — ворчит она. — Просто чертовски здорово.

— Мне не нужен пистолет.

— Если прямо сейчас ты скажешь, что ты бог, я сделаю тебе больно.

Мы продолжаем идти по коридору, и с каждым шагом она ощетиливается рядом со мной. О, как её нервная энергия вызывает во мне прилив адреналина. В мире, в котором она выросла, насилие было способом получения власти, но это уже не тот мир. Я поправляю пиджак, когда мы подходим к последней двери в коридоре.

— Молчи, пока я не скажу обратного, — говорю я, кладя руку на дверную ручку, и она закатывает глаза.

Мне так не терпится увидеть, как она отреагирует...

КАМИЛЛА

«Wild Thoughts» — DJ Khaled ft Rihanna (трек)

Дверь открывается, и меня вводят в маленькую, тускло освещённую комнату. За одиноким столиком сидит мужчина в костюме, его лицо скрыто в тени. Дверь со щелчком закрывается, и он вздрагивает от этого звука. Ронан пересекает комнату и выдвигает стул, жестом предлагая мне сесть, прежде чем сам садится рядом со мной. Мужчина озабоченно проводит рукой по своим седеющим волосам, затем поправляет красный шёлковый галстук. Он выглядит как любой представительный мужчина, и всё же почему-то, сидя напротив Ронана, он кажется таким маленьким и невзрачным.

— Мистер Коул... — мужчина кашляет.

— Ронан, пожалуйста, — говорит он с улыбкой, которая излучает харизму.

— Я не ожидал *вас* увидеть. — Его лицо покрывается испариной, а напряжение прочерчивает глубокие морщины на лбу.

— Учитывая столь *важную* задачу, я подумал, что было бы уместно обсудить условия нашего соглашения лично. — Мужчина кивает так резко, что я боюсь, как бы у него не отвалилась голова. Господи, этот парень похож на собаку, которая лает «как высоко прыгать, как высоко».

— Электронное письмо отправлено, — его голос дрожит.

— Хорошо. Очень, очень хорошо. — Ронан барабанит пальцами по столу, его глаза изучают мужчину так, что даже мне становится тревожно. Я вижу, как мужчина потеет, сглатывает. Его страх осязаем, он клубится в воздухе, как густой туман. — Теперь, — говорит Ронан, — условия. Я могу сделать так, чтобы это электронное письмо исчезло навсегда, однако, начни мне перечить, и оно всплывёт вновь. — Губы Ронана изгибаются в разные стороны, мастер играет со своими марионетками. — Тюрьма тебе не подходит, Антон. Всё, что ты должен делать, это подчиняться каждому моему капризу. В конце концов, это небольшая цена за то, чтобы стать следующим премьер-министром России. — Он замолкает, снимая невидимую пылинку со своего рукава. — Помни, ты поворачиваешься спиной к этому соглашению, и ты поворачиваешься спиной ко мне. А я не тот человек, к которому ты хотел бы повернуться спиной.

Слухи о Ронане Коуле широко распространены в криминальном мире, и его имя вызывает очень здоровую дозу уважения, но я понятия не имела, что он дёргает за политические ниточки. Наш мир устроен не так. Законное и незаконное — это две разные стороны одной медали, соединённые вместе и в то же время всегда противоположные. Эти два понятия не идут рука об руку. Одно может временно использовать другое — картели могут подкупать полицейских, правительства могут даже сотрудничать с картелями, — но конечная цель игры всегда одна и та же: обмануть и победить. В этом же есть что-то совсем иное. Ронан сам контролирует поток энергии. Он развращает политическую систему, которая стремилась бы уничтожить его, и, если подумать, ему не пришлось бы привлекать закон на свою сторону. Он мог бы *быть* представителем закона. Это общая картина, и когда я стою в стороне и наблюдаю за ним, я вижу её во всей красе. Я вижу то же, что и он.

Двое мужчин пристально смотрят друг на друга, и Ронан распоряжается каждым дюймоном пространства в комнате, как будто физически навязывает свою волю каждому, кто в

ней находится. Напряжение пробегает по моей шее сзади, покалывая кожу. Меня это раздражает, а вот Антона это пугает. Я почти вижу, как он вжимается в своё кресло, съёживается, как маленький домашний питомец, в которого превратил его Ронан, и *этот* человек должен удерживать власть? Ирония в том, что он должен быть таким совершенно слабым.

Антон кивает, и Ронан встаёт, не говоря ни слова, протягивая мне руку. От него исходит гипнотическое доминирование, когда наши взгляды встречаются. Я хочу, чтобы он умер, но я не могу отрицать притягательность, очарование, которое его окружает. Я не могу не уважать и не желать мужчину, который обладает такой властью, это как зависимость, как болезнь. Он берёт меня за руку, и энергия гудит во мне, пробегая по моей коже в виде мурашек. Как только я встаю, вырываю у него свою руку.

Сосредоточиться. Мне нужно сосредоточиться.

Его пальцы касаются моей поясницы, когда он выводит меня из комнаты.

Я продолжаю идти, отказываясь поворачиваться и смотреть на него. Осознание давит на мой разум, каждый инстинкт требует, чтобы я изменила своё положение, потому что, как он сказал, он не тот мужчина, к которому хочется поворачиваться спиной.

— Такая напряжённая, маленькая кошечка, — смеётся он.

И впервые с тех пор, как я встретила Ронана, я ничего не говорю. У меня нет ни резкого ответа, ни саркастической реплики. Сейчас я нахожусь на неустойчивой почве, и мне нужно напомнить себе, почему я здесь, и кто он — враг.

Сыграть роль пленницы, соблазнить дьявола и убить его. Всё просто.

Здесь нет места ни для чего другого, потому что я отказываюсь проигрывать ему.

Его рука опускается мне на плечо, прежде чем Ронан разворачивает меня и прижимает спиной к холодной стене. В голубых глазах плещутся жестокие обещания, пока его руки блуждают по моим изгибам. Довольно скоро я оказываюсь в ловушке между его телом и стеной. Он просовывает ногу между моими бёдрами, разводя их в стороны. Я не могу дышать. Всё, что я могу делать, это чувствовать его... везде. Он поднимает мои руки над головой, и ухмылка растягивается на его губах, когда он приближает свой рот к моему. Так близко, что я чувствую вкус его дыхания.

— Что-то не так? — шепчет он мне в губы.

Закрыв глаза, я прислоняюсь затылком к стене. Я борюсь с каждым инстинктом, кричащим мне прижаться к его твёрдому бедру, позволить ему найти свой путь внутрь меня, пока он не станет всем, что я чувствую. Я ненавижу его, и всё же сама эта ненависть, кажется, действует как афродизиак. Я открываю глаза и смотрю прямо на него в ответ.

— Нет.

Его язык скользит по моей губе, прежде чем он отстраняется от меня.

— Хорошо, девочка, — говорит он, подмигивая, прежде чем отойти.

Боже, я ненавижу его.

Я выхожу за ним на улицу и сажусь в ожидающий лимузин. Обогреватели включаются, когда машина отъезжает от клуба, и я наблюдаю, как заснеженные улицы проносятся мимо как в тумане, думая обо всех способах, которыми я могла бы убить его...

— Мне нужно уладить одно довольно *неприятное* дельце, — произносит он. Я поворачиваюсь и вижу, что он смотрит в своё окно. — Ты, конечно, не будешь возражать?

— А я была уверена, что всё, что ты делаешь, неприятно.

— Благородно. Отвратительно. — Он смеётся, и я нахожу этот глубокий смешок более

сексуальным, чем следовало бы. — На самом деле, в основном, одно и то же, — говорит он.

Мы едем до тех пор, пока блестящие здания в центре Москвы не превращаются в полуразрушенные многоэтажки и заколоченные магазины. Машина притормаживает перед зданием. Металлические рулонные ворота занимают большую часть фасада, а на вывеске над навесом рядом с неоновым бокалом для мартини мигает цепочка русских букв.

— Похоже, это милое местечко, — говорю я, морща нос, когда машина сворачивает на парковку.

— Почти как твой любимый Хуарес. — Насмешливая улыбка танцует на его губах. — Чувствуешь себя как дома?

Я свирепо смотрю на него.

— Хуарес горяч, и в нём определённно больше проституток...

— В лучшем случае прискорбно.

— По крайней мере, он заноза в боку Америки. — Я смотрю в окно. — Это место...

— Тебе нравится слушать свою болтовню? — он выгибает бровь, небрежно проверяя свой телефон.

— Ты такой мудака. — Я закатываю глаза. — Мы просто будем сидеть здесь или выйдем и начнём уклоняться от героиновых игл?

Задняя дверь бара открывается, свет льётся на покрытый льдом тротуар. Мужчина машет рукой с порога, и, как по приказу, дверь Ронана открывается перед ним. Он выходит, и я следую за ним к чёрному ходу.

— Держитесь поближе, — приказывает он, когда мы заходим внутрь.

Отчётливо ощущается аромат пива, плесени и мочи. Прекрасно. Стены покрыты деревянными панелями, а с потолка свисают безвкусные латунные светильники. Повсюду расставлены столы с незажжёнными свечами в центре. Ронан ведёт меня через пустой бар в коридор, а оттуда в гораздо большую комнату.

Вдоль стены сидят в ряд мужчины, одетые в костюмы, и густое облако дыма лениво плывёт по воздуху. Игорь и ещё один из охранников Ронана стоят посреди комнаты напротив пустого стула. Прямо перед ними сидят двое взъерошенных мужчин со связанными руками и мешками на головах.

Ронан достаёт из кармана сигару, медленно раскуривает её и садится. Одна затяжка, и он упирается локтями в бёдра, глядя через комнату на ряд мужчин. Тишина в комнате становится оглушительной. Я практически вижу, как все они затаили дыхание, ожидая, что он сделает. Я опускаю подбородок и пытаюсь скрыть улыбку.

— Кристофф, — говорит Ронан, дым медленно просачивается сквозь его губы. — Сними мешки.

Мужчина рядом с Игорем делает шаг вперёд и снимает мешки с их голов. Один мужчина, на вид, средних лет, его волосы с проседью редуют. Он нервно смотрит на мужчину с детским лицом, стоящего рядом с ним.

Ронан смотрит на меня, затягиваясь сигарой.

— Ты знаешь, что эти двое думали, что смогут сделать? — я приподнимаю бровь. *Он сейчас серьёзно?* — Они думали, что смогут бросить мне вызов, — говорит он, качая головой. — Восстать против *моей* Братвы. Непостижимо, на самом деле.

— Раскол — это такая болезнь, — отвечаю я, кладя руку на плечо Ронана. Он каким-то образом проверяет меня, я это знаю. Улыбаясь, он хватает меня за руку и целует костяшки пальцев, как будто гордится мной. Самое худшее во всём этом то, что мне это нравится.

Он отпускает мою руку и обращает своё внимание на мужчин.

— Честно говоря, Марат, — принозит Ронан, — самое трагичное во всём этом то, что ты увлѣк за собой своего сына. Тс. Тс. — Он снова затягивается сигарой, в воздухе клубится облако дыма. — Ты подписал Виктору смертный приговор. — Ронан щёлкает пальцами, и Игорь протягивает пистолет. Марат наблюдает, и на его лбу заметно выступают капельки пота. — Что означает, что *ты* должен убить его.

— Нет, — рычит Марат. — Я не буду этого делать. Если ты хочешь убить моего мальчика, сделай это сам. Хоть раз испачкай руки.

— Ты же понимаешь, что, если я убью его, будет намного хуже. — Ронан вздыхает. — Если любишь Виктора, я уверен, что ты проявишь человечность, убив его самостоятельно. — Это жестоко и извращѣнно, но эффективное лидерство требует быстрых наказаний для тех, кто восстаѣт против вас. Накажи как следует одного человека, и мало кто когда-нибудь снова попытается бросить тебе вызов. Я это хорошо знаю.

— Ты идѣшь против правил, Ронан. Ты жаден до власти. Бесчеловечный. Твоему отцу было бы противно, — кричит Марат, его глаза сверкают яростью и страхом.

— Ах, да ладно. — Ронан откидывает голову назад от смеха. — Мы все знаем, что случилось с моим отцом. — Он снова смеѣтся, и мужчины в другом конце комнаты неловко переминаются с ноги на ногу. — Я не такой уж неразумный человек, — говорит он, протягивая Игорю сигару и поправляя запонки. — Я заключу с тобой сделку, Марат. Застрели сейчас своего сына, и твои жена и внучка останутся живы. Не выстрелишь в него и, ну... — Ронан забирает свою сигару обратно и с ухмылкой затягивается.

Взгляд Марата останавливается на пистолете в руке Игоря, и его челюсть напрягается.

— Нет.

— Пожалуйста, отец, — умоляет его сын. Предполагаю, что внучка, которой угрожает Ронан, — ребѣнок Виктора, и он хочет, чтобы она жила. Возможно, мне следовало бы испытывать хоть каплю сочувствия к этим людям, но я его не испытываю. Все в этой комнате испорчены. Обычная человеческая этика здесь неприменима, потому что все мы добровольно променяли свои души на такой образ жизни. Что касается Марата и его сына... что ж, они не просто продали свою душу дьяволу, они ещѣ и попытались свергнуть его. Опасные, очень опасные игры.

— Тик-так, — говорит Ронан.

Марат неуверенно берѣт пистолет и поднимает его дрожащей рукой, глядя на Ронана дикими глазами. Внезапно он направляет пистолет на Ронана.

— Отпусти моего сына! — орѣт он.

Клянусь, температура в комнате падает. Всѣ замирает, как будто само время останавливается. Челюсть Ронана дѣргается, ноздри раздуваются. Ничего больше не существует, кроме ярости Ронана, заполняющей каждый уголок комнаты. Если этого ублюдка застрелят, я застряну здесь с кучей русской братвы. Ронан может быть врагом, но в данном случае я предпочла бы быть его пленницей, а не их игрушкой.

Ну, пиздец.

РОНАН

«Click Click Boom» — *Saliva (трек)*

Клик. Клик. Клик.

Вокруг меня взвывают курки пистолетов, и комната наполняется потрескивающим напряжением. Марат направляет пистолет, и я с улыбкой поднимаю руку.

— Ждать! — говорю я. Глаза Марата расширяются, дрожь в его руке становится все сильнее. По его вискам стекают струйки пота. — Нажми на курок, Марат. Давай, — решаюсь я, прежде чем глубоко затянуться своей сигарой.

— Ронан, — шипит Камилла.

— Да, *Красивая?* — я направляю своё внимание на неё, моя рука всё ещё поднята в сторону моих охранников.

— Убей его, — говорит она сквозь стиснутые зубы. Она нервно переводит взгляд на Марата.

— Я не пачкаю руки. — Я пожимаю плечами. — Это правило, которого я строго придерживаюсь.

Она проводит рукой по волосам.

— Не вовремя. — *О, она волнуется... Интересно.*

Раздаётся отчётливый щелчок спускаемого курка, и я поворачиваюсь к Марату, недовольно хмурясь. Пистолет был разряжен. Всё это было лишь игрой для моего развлечения, небольшой психологической пыткой, если хотите. Конечно, Игорь собирался пристрелить их обоих, но сейчас...

— Ты действительно думаешь, что я дал бы тебе заряженный пистолет? — я спрашиваю Марата.

Насыщенная адреналином кровь пульсирует в моей яремной вене. Красный цвет искажает моё зрение. Я могу справиться со многими вещами, но с этим — я не могу. Как смеет такой человек наставлять на меня пистолет, когда я дарю ему пощаду? Медленно я поднимаюсь со стула и подхожу к Марату, расхаживая перед ним. Дикий зверь внутри меня умоляет перерезать ему горло. Он призывает к кровопролитию и насилию. Но я не поддаюсь этому желанию, потому что мне бы этого слишком хотелось. Это бизнес, и всё же... Я оглядываюсь через плечо на Камиллу, и любопытство танцует вокруг моих кричащих демонов. Она такая слетевшая с катушек. Такая неконтролируемая. Я бы никогда даже в своих самых смелых мечтах не смог предсказать, что сделает эта маленькая адская гончая, так что, возможно, мне стоит выпустить её на волю.

— Убей их, — говорю я, затушив сигару о щеку Марата, и с его губ срывается болезненное шипение. — Сделай это дико, *Красивая.*

Я пересекаю комнату и сажусь. Каблучки Камиллы цокают по бетонному полу, и она останавливается перед Маратом. Мой взгляд скользит по её изгибам, пока я жду, обдумывая все возможности.

— Мне понадобится кое-что из бара, — она поворачивается ко мне лицом, и я киваю. — Игорь, — говорит она, выходя из комнаты, — будь паинькой и проследи, чтобы Марат получил чудесное представление, окей?

Игорь хватает Марата и ставит его на колени перед своим сыном. В комнате воцаряется

тишина, если не считать приглушённых рыданий Виктора. Секундой позже в дверях появляется Камилла, неся керосиновую лампу из бара и грязное кухонное полотенце. Её бёдра покачиваются при каждом шаге, когда она пересекает комнату. Моя грудь сжимается от предвкушения, когда она останавливается передо мной. Её глаза блестят, и она медленно наклоняется, кладя одну руку мне на бедро, в то время как другой проводит по лацкану моего пальто. Ухмыляясь, она достаёт зажигалку из моего нагрудного кармана, откидывает крышку и щёлкает кремнем. Пламя танцует между нами, и я улавливаю искру безумия в её экзотических глазах. Она похожа на художника, который смотрит на чистый холст, представляя себе все прекрасные возможности. Лёгким движением запястья она защёлкивает зажигалку, гася пламя, прежде чем отвернуться.

Виктор хнычет, когда Камилла встаёт перед ним. Она отвинчивает крышку лампы, прежде чем вылить масло на один конец полотенца. *Как многообещающе!*

— Я и правда люблю огонь, — говорит она, поднося тряпку к лицу Виктора. Он зажимает рот, а она кружит у него за спиной, проводя полотенцем по его щеке. — Сила, того, как он уничтожает и очищает всё, к чему прикасается. — Она пинает его сзади по ногам, и он с кряхтением падает на колени перед Маратом. — Это почти священно, — молвит она и хватается Виктора за волосы, запрокидывая его голову назад и зажимая нос.

Он мечется, а она нависает над ним с садистской улыбкой. Наконец, он открывает рот, чтобы сделать вдох, и Камилла засовывает полотенце ему в рот. Он кряхтит и постанывает, сопротивляясь ей, когда она загоняет полотенце глубже. Она со щелчком открывает зажигалку, пламя вспыхивает на кончике ткани. Его глаза расширяются, и он переворачивается на спину, дико размахивая руками, когда маленькое голубое пламя ползёт по материалу. Я с тревогой наблюдаю, ожидая, когда огонь встретится с керосином, и внезапно вспыхивает ярко-красное пламя. Камилла продолжает зажимать ему нос, заставляя вдыхать языки пламени, лижущие его лицо. На мгновение в её глазах появляется восхищение, и когда ей, кажется, всё это надоедает, она отпускает его.

Она такая безжалостная. Настолько дикая, что моё сердце подпрыгивает в груди.

Мрачная симфония наполняет комнату, когда рыдания Марата смешиваются с приглушенными криками Виктора. Камилла обращает своё внимание на Марата, поглаживая пальцем его щеку.

— Ш-ш-ш, — говорит она, обходя его сзади. Обхватив его подбородок, она скользит рукой по его затылку, прежде чем резко свернуть ему шею в сторону. И господи, этот треск эхом разносится по комнате... Тело Марата с глухим стуком падает на пол, а затем она уходит с улыбкой.

Греховность кружит вокруг неё, как разъярённый шторм.

Она великолепна.

Она легкомысленно машет рукой в направлении Виктора.

— Этому потребуется время, чтобы умереть. Может, тебе захочется пристрелить его, если тебе куда-то нужно.

Я изо всех сил стараюсь сдержаться и поворачиваюсь к группе мужчин в дальнем конце комнаты.

— Джентльмены, всего лишь напоминаю, почему вам не следует восставать против меня. Последствия ужасны. — Хлопнув в ладоши, я встаю со стула. — Что ж, для одной ночи достаточно волнений. Игорь, застрели его.

Раздаются быстрые выстрелы, а затем я выхожу из здания вместе с Камиллой рядом со

МНОЙ.

КАМИЛЛА

«River of Fire» — *In This Moment* (трек)

Запах обугленной кожи исходит от моего пальто, когда мы выходим на улицу, и я не могу притвориться, что мне это не нравится. Я люблю огонь — слишком сильно. Когда-то я боялась его, но он очистил меня, сформировал, создал то, кем я являюсь сегодня.

Ронан придерживает для меня дверцу машины — *о, он умеет открывать двери*, — и я двигаюсь на сиденье, думая о том, что только что произошло. Это наказание я приберегаю для тех, кто причинил мне зло или предал меня самым худшим образом. Вдыхать пламя до тех пор, пока оно не опалит твои лёгкие и ты не задохнёшься, должно быть, ужасный способ умереть.

Я не знала этих людей, и они ничего мне не сделали, но они служили определённой цели: добраться до Ронана Коула. Ронан питает слабость к насилию и жаждет возмездия. Я вижу это в его глазах: потребность, стремление, такие похожие на мои собственные. Но, в отличие от меня, он держит свои под замком, скрывая это под своим прекрасным лоском.

Он попросил меня наказать их, быть жестокой, и поэтому я дала волю худшим частям себя. Я позволила своей зависимости от самой элементарной формы человеческой власти — отнятия жизни у другого человека — поглотить меня. Для него. Чтобы добраться до него. Я хочу подпитывать его слабость, чтобы самой стать ею; раскрывать все его самые тёмные секреты, пока он не созреет для того, чтобы их раскрыть. Я хочу уничтожить Ронана Коула, но я также хочу принять его порочность. Его тьма тянется к моей, и они смешиваются и кружатся вместе в пустоте, созданной нами самими. Я так легко могла бы стать тем монстром, каким он хочет меня видеть. В конце концов, это не так уж трудно, я дочь своего папы.

Тёмная ночь ползёт мимо окна, и я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Ронана. Голубое свечение телефона в его руке отбрасывает тени на его лицо.

— Не хочешь поужинать со мной завтра вечером? — спрашивает он, прежде чем оторвать взгляд от телефона.

Я хмурюсь.

— Что?

— Не хочешь присоединиться ко мне завтра за ужином? Я спрашиваю только из вежливости, у тебя нет выбора в этом вопросе.

— Знаешь, — я закатываю глаза, — ты мог бы притвориться, что ты не мудака, хотя бы на две с половиной десятых секунды.

— А зачем притворяться?

— Верно, — вздыхаю я. *Это идеально*. Я воспользуюсь любой возможностью, чтобы сблизиться с ним, но я не могу сделать это слишком легко. — Почему ты хочешь, чтобы я пошла?

Его палец касается моей щеки.

— Ты заставишь многих мужчин на ужине завидовать мне. Мне действительно нравится, когда мне завидуют...

— А я-то думала, что ты выше таких вещей, Русский.

— Внешность — это всё.

— А что мне с этого? — я прикусываю губу.

— Притворяешься, что у тебя есть выбор в этом вопросе.

Я приподнимаю бровь. Я пойду чтобы узнать о нём побольше. В конце концов, знания

— это сила.

— Отлично. Куда мы направляемся?

— В Москву.

— Не то чтобы у меня были другие идеи, — бормочу я.

— И я не могу представить тебя как *бывшего* лидера картеля Хуарес. Думаю, должность генерального директора Банка Венесуэлы вполне тебе подойдёт.

Я качаю головой.

— Почему именно банк?

— Это деловой ужин, а я владею многими, очень многими банками.

— Ну конечно же.

Он изучает моё лицо, как будто ждёт, что же последует дальше.

— И не будь дурой, Камилла.

Я складываю руки на груди.

— И снова. Мудак.

По правде говоря, я заинтригована его миром и, осмелюсь сказать, им самим. Кроме того, что ещё мне остаётся делать? Сидеть в той комнате и злиться? Я отказываюсь терять надежду и просто принимать участие его пленницы. Я убью его, но я не смогу добиться этого из-за запертой двери. Если возможно, мне нужна хоть капелька его доверия, но я не уверена, что Ронан сможет мне доверять. Вот почему он такой могущественный.

Но в ту секунду, когда он приблизится ко мне хоть на дюйм, я пройду мимо, чтобы уничтожить его к чёртовой матери.

РОНАН

«*That Dress*» — *The Pale White* (мрек)

Солнце садится за горизонт, когда машина петляет по оживлённым улицам Москвы.

Я отправляю сообщение Игорю: «*Приведи Камиллу через пять минут*», — затем откидываю голову на спинку кожаного сиденья, уже до ужаса устав от вечеринки, на которую собираюсь пойти. Мой банк поддерживает Деревичи, и от меня, как от ярого сторонника, ожидают, что я появлюсь на этих мероприятиях. В конце концов, иногда фотография рукопожатия может купить вашу невиновность.

Машина подкатывает к ресторану, и я жду, пока водитель откроет дверь. Когда я выхожу, вспыхивают камеры. Я улыбаюсь и машу рукой, наблюдая, как Николай и Анастасия идут ко входу в ресторан. Её взгляд скользит по мне. На её лице появляется глубокая гримаса, когда она прижимается к своему мужу. Даже отсюда я вижу это страстное желание. Женщины — такие предсказуемые существа: заставь их поверить, что есть что-то, чего они не могут иметь, и они захотят этого ещё больше, будут искать это, как наркоман, ищущий ещё одну дозу. Бедная Анастасия, если бы только она понимала, что между зависимостью и смертью существует тонкая грань.

Я пожимаю руки политикам, другой элите, а затем протискиваюсь внутрь. В ресторане царит бурная деятельность. Официанты и официантки снуют туда-сюда, надеясь получить лучшие чаевые в своей жизни. Вся комната заполнена мужчинами в костюмах, красивыми женщинами с идеальной улыбкой.

Я пробираюсь между столиками в поисках своей визитной карточки, и мужчина преграждает мне путь.

— Мистер Коул, — говорит он, протягивая мне руку для рукопожатия. Я беру его и киваю. — Я Рик Ванхойссен, член парламента номер сто девять. — Он ухмыляется. Мне хочется закатить глаза, но зрительное восприятие важно, когда ты пытаешься обмануть.

— Очень приятно с вами познакомиться, — говорю я.

— Я просто хотел поблагодарить вас за благотворительный взнос вашего банка в детский дом «Сквея».

Я замечаю табличку со своим именем на дальнем столике и ещё раз улыбаюсь.

— Благослови маленьких детей, — произношу я, прежде чем похлопать его по спине и, извинившись, пройти на своё место.

Столик Деревичи находится рядом с моим, и я улыбаюсь ему, садясь рядом с Антоном. Премьер-министр Василий сидит по другую сторону от Антона и обсуждает какую-то валютную политику, но я сомневаюсь, что Антон слышит хоть слово. Его лицо блестит от пота, и он продолжает беспокойно ёрзать на своём сиденье. Совесть человека может стать таким бременем... Я беру салфетку со стола и расстилаю её у себя на коленях.

— Ты плохо выглядишь, Антон, — говорю я. — Надеюсь, ты не сляжешь с гриппом. Это кошмарно. — Я насмешливо улыбаюсь, прежде чем поднести стакан воды к губам.

— Ронан. Очень приятно, — произносит Василий, протягивая руку через стол, чтобы пожать мне руку. — Я как раз говорил Антону, что... — его взгляд устремляется в другой конец комнаты. — Ну и ну! — восклицает он, и я поворачиваюсь на стуле. *Камилла*. Каждое покачивание её бёдер — это форма соблазнения, и белое платье, которое я приказал ей

надеть, эффектно смотрится на фоне её смуглой кожи. Она излучает сексуальность, и каждый мужчина в этой комнате обращает на неё внимание.

Я возвращаю своё внимание к столу. Василий всё ещё тарашится с открытым ртом. Я чувствую её шаги у себя за спиной.

— Джентльмены, — произносит Камилла, деликатно беря со стола свою табличку. — Полагаю, я имею удовольствие находиться в вашем обществе. — Она расстёгивает меховую горжетку, снимая её с плеч, и небрежно вешает на спинку стула. Мой взгляд опускается на её грудь, восхищаясь тем, как её груди натягивают лиф с каждым вздохом. Каждый мужчина за столом ёрзает на своём месте, и я уверен, что они раздевают её глазами. Камилла не просто красива, она сногшибательна. Идеальный образ из фантазий. Такая женщина, с которой ни один из мужчин за этим столом — кроме меня — никогда бы не рискнул встретиться в темноте.

— Ронан Коул, — говорю я, протягивая ей руку.

Она поворачивается ко мне, её пристальный взгляд скользит по моему телу.

— Камилла Эстрада, — она ласкает слова своим акцентом, заставляя что-то столь простое, как её имя, звучать экзотично и сексуально. — Из «Венесуэла Файнэншл».

Я беру её руку и подношу к своим губам. Я нежно целую костяшки её пальцев, мои глаза встречаются с её глазами, когда я приподнимаю одну бровь.

— Какое удовольствие наконец-то познакомиться с вами.

— Приятно иметь с вами дело, мистер Коул.

Я провожу пальцами по внутренней стороне её ладони, бросая взгляд на столик Анастасии. Ана следит за каждым моим движением. Беспокойно. Я отпускаю руку Камиллы и поднимаю взгляд на мужчин, остолбеневших от её красоты.

— Бизнес мисс Эстрады недавно стал моим активом, — говорю я, ухмыляясь ей. — Мисс Эстрада, это премьер-министр России Василий Минович.

Она поворачивается лицом к Василию. Он протягивает ей руку, его щёки вспыхивают.

— Очень приятно, — произносит она, пожимая ему руку. Я указываю на других несущественных людей, сидящих за столом. Камилла кивает и улыбается, идеально играя свою роль. В конце концов, я не могу представить её как свою заложницу. Это бросило бы неприятное пятно на мой имидж.

Итак, ужин начинается с закусок и разговоров о политике и деньгах. Каждый мужчина меряется членами, чтобы произвести впечатление на Камиллу, в то время как я просто сижу и наблюдаю, время от времени высказывая мнение ради поддержания беседы. После того, как тарелки убраны, я смотрю на часы и, извинившись, иду в туалет. К моему большому удовольствию, когда я выхожу, Анастасия ждёт меня в коридоре. Я останавливаюсь на полпути, приподнимая бровь и поправляя пиджак.

— Что ты делаешь, Ана?

— Я не выношу больше не видеться с тобой. Николай уедет на эти выходные. Остайся со мной, — умоляет она, нервно оглядываясь по сторонам.

— Ты же знаешь, что это неразумно. — Я снова проверяю время.

— Мне всё равно. — Она колеблется, кладя руку мне на плечо. Я быстро убираю её. — Ронан, кто эта женщина?

Лёгкий толчок удовольствия пробегает по мне. Какой восхитительный бонус. Анастасию беспокоит Камилла, но, конечно же это так.

— Деловой партнёр. — Мои губы приподнимаются в улыбке. — Ревность тебе не

идёт, — говорю я и поворачиваюсь, чтобы уйти,

— Ронан, я...

Я продолжаю идти, уверен, что моё пренебрежение глубоко ранит её.

Когда я возвращаюсь к столу, Камилла разговаривает с Василием. Он ест с её руки, ловя каждое её слово. Она смеётся над чем-то, что он говорит, небрежно кладя руку ему на плечо. Нахмурившись, я сажусь на своё место и снова смотрю на часы. *В любую минуту...* Я провожу рукой под столом по бедру Камиллы, сжимая его. Она напрягается, прочищая горло, когда фальшивая улыбка сползает с её губ. Она понятия не имеет, насколько насыщенными событиями обещает стать этот ужин. Я правда люблю сюрпризы.

Я прижимаюсь к ней.

— Придвинься ко мне поближе, — тихо говорю я.

Прежде чем она успевает среагировать, окно за столом разлетается вдребезги. Камилла хватается за руку, люди кричат. *Хлоп, хлоп, хлоп* выстрелы эхом разносятся по комнате, и голова Василия с глухим стуком ударяется о стол. Кровь забрызгивает скатерть, и я борюсь с улыбкой при виде этого зрелища. Люди ныряют под столы, некоторые бросаются бежать, Антон падает в обморок, и наступает хаос. Всё это время Камилла стойчески сидит, не обращая внимания на кровь, покрывающую её грудь. Должен сказать, красные брызги великолепно смотрятся на её белом атласном платье.

— Постарайся выглядеть немного шокированной, — шепчу я ей на ухо. — В конце концов, ты банкир. — Я беру со стола салфетку и промокаю мозговое вещество, прилипшее к её щеке. Среди криков, беготни людей, битья посуды я позволяю себе слегка улыбнуться. — Я выбрал для тебя белый цвет именно по этой причине. Кровь выглядит такой торжественно на чем-то столь чистом.

— Ты наслаждаешься этим, да? — спрашивает она, приподнимая уголки губ.

— *Безмерно.*

Телохранители быстро окружают нас. Я встаю, разглаживаю пиджак, прежде чем протянуть руку Камилле. Она смотрит на меня, приподнимая бровь, и кладёт свою руку в мою. Когда она встаёт, я беру меховую горжетку с её стула и неторопливо набрасываю ей на плечи.

— Не хочу чтобы замёрзла, — говорю я. Служба безопасности президента пронесется мимо, когда мы направляемся к дверям. У входа в ресторан уже собралась толпа. Я делаю вдох и закрываю глаза, заставляя свою челюсть расслабиться, чтобы изобразить шок. — Прижмись ко мне. — Я обхватываю её рукой за талию и притягиваю к себе. — Притворись обескураженной, в конце концов, ты покрыта мозгами Василия.

— Это было такое милое платье, — вздыхает она, прежде чем уткнуться лицом мне в плечо.

Двери распахиваются навстречу шквалу возбуждения и ужаса, с визгом останавливающимся полицейским машинам. Мы спотыкаемся на заснеженном тротуаре, и папарацци бросаются на нас, засыпая сотней вопросов. Я взаправду наслаждаюсь шумихой, которую создают такие неожиданные трагедии.

Фотограф делает снимок Камиллы в её забрызганном кровью платье. Играя роль мужчины-защитника, я хмуро смотрю на него и кладу ладонь ей на щеку, притягивая её к груди. Она вцепляется в мой пиджак и всхлипывает.

— Пожалуйста, — говорю я, — без вопросов. Нам просто... — я делаю судорожный вдох. — Нам просто нужно помолиться за Россию.

Качая головой, я увожу нас подальше от кишящей толпы. Телохранители окружают нас стеной, когда я сажаю Камиллу в ожидающую машину. Дверь за нами захлопывается, приглушая хаос снаружи.

— Мог бы предупредить меня, — произносит она, откидываясь на спинку сиденья и опуская взгляд на своё платье. — Зачем тратить деньги на Valentino только для того, чтобы его испортить?

Я смеюсь.

— А что бы ты ещё надела на покушение?

— Красное?

— Но белое делает это всё ещё более драматичным. — Я улыбаюсь. — Обезумевшая женщина, одетая в Valentino, пропитанная кровью премьер-министра, в то время как Ронан Коул утешает её. Чего ещё может желать пресса?

Я наблюдаю, как искорки возбуждения пляшут в глазах Камиллы, когда она смотрит на свою забрызганную кровью грудь. Я никогда не встречал столь безжалостно красивой женщины. Женщины, которая, осмелюсь подумать, возможно, была бы мне под стать. *Возможно...* Я беру её руку и подношу к губам, вдыхая металлический запах крови, который остаётся на её коже.

— Красивая женщина, пропитанная кровью, — бормочу я поверх её костяшек. — Это делает с мужчиной что-то невероятное.

На её губах появляется смущённая улыбка.

— Я думала, ты не любишь беспорядок?

— Это... — я провожу пальцем по красному пятну на её ключице, — это не беспорядок. — Я размазываю кровь по её шее, затем хватаю за волосы и дёргаю её голову в сторону. Она потрясённо выдыхает, её руки опускаются мне на грудь. — Это искусство, — шепчу я, наклоняясь и проводя языком по размазанной крови, наслаждаясь вкусом абсолютной власти над ней, над мужчинами, над всем.

Её ладонь медленно скользит вверх по моему пиджаку, пока её пальцы не скользят по моей шее. Машина подпрыгивает на неровном асфальте. Наши взгляды встречаются. И вот мы в тупике. Лев против львицы. Воздух потрескивает от какого-то напряжения, очень похожего на затишье перед бурей.

В какую сторону подует ветер, Красивая?

Её грудь неровно вздымается, и я крепче вцепляюсь в её волосы, пытаюсь обрести почву под ногами. Чтобы восстановить контроль. Я представляю, как бы она ощущалась обнажённой и беспомощной, прижатой ко мне. Медленно я выпускаю её волосы из своей руки и откидываюсь на спинку сиденья, устремляя внимание в окно.

На выдохе она пересаживается на другую сторону машины. Мы играем в такую опасную игру. Назад и вперёд. Толкай и тяни. Убей или оставь в живых... И если честно, я не думаю, чтобы раньше мне доставляло удовольствие играть с кем-то подобным образом.

Через тридцать минут машина сворачивает на мою частную дорогу и останавливается перед домом. Водитель открывает дверь, и я вылезая, протягивая Камилле руку. Она принимает её, нахмурившись, и я дёргаю её на себя с такой силой, что она, пошатываясь, прижимается к моей груди. Наступает пауза, и я отпускаю её руку, проводя большим пальцем по её губе. Правда в том, что я жажду её самыми развратными способами, хотя и не должен.

«Я не должен», — думаю я, поднимаясь по лестнице.

Дворецкий встречает меня у входа, забирает моё пальто, прежде чем снять с Камиллы её горжетку.

— Распорядитесь, пожалуйста, отдать платье мисс Эстрады в химчистку, — говорю я, и он кивает, прежде чем уйти.

— Ты должно быть создаёшь много работы химчисткам, — молвит Камилла.

Понимающая улыбка появляется на моих губах.

— Можешь прогуляться вокруг, — говорю я, поправляя запонку. — Только постарайся никого не убить.

— Это твоя работа, Ронан.

Ах, Ронан. Не Русский. Как любезно с её стороны.

Я иду по коридору в гостиную, чтобы совершить свой ежевечерний ритуал: выпить, выкурить сигару и посмотреть вечерние новости. В конце концов, мне правда нравится видеть, какую бойню я устраиваю каждый день. Я устраиваюсь на диване с сигарой в руке, и один из слуг включает телевизор.

«...Министр Василий был застрелен во время посещения ужина в честь предстоящих выборов».

Кадры кинохроники, на которых люди выбегают из здания, мелькают на экране, и там, в углу кадра, запечатлена Камилла, прижатая к моей груди. Такая обезумевшая. Я ухмыляюсь. Платье действительно выглядело потрясающе...

«На данный момент подозреваемых нет, однако предполагается, что это могли быть террористы».

Вечно со своими террористами...

Я закуриваю сигару, когда мне протягивают бокал бренди.

«Угроза ядерной войны кажется очевидной, поскольку официальные лица обнаружили в Китае лабораторию, подозреваемую в хранении радиоактивных материалов, используемых для корейских ядерных боеголовок... В финансовых новостях сообщалось, что фондовый рынок резко упал после того, как было продано два миллиона акций «Valiant Oil». Брокеры были в бешенстве, поскольку банки страдали от массовых изъятий средств.»

Я улыбаюсь, когда печатаю электронное письмо своему брокеру с указанием использовать двадцать миллионов долларов для их покупки, пока акции на низком уровне.

— Босс? — Игорь входит в комнату и поднимает телефонную трубку. — Ана...

Закатив глаза, я затягиваюсь сигарой, затем кладу её в пепельницу и подзываю его к себе. Всё это мучение в лучшем случае раздражает, но убраться президента — нелёгкая задача. Я беру телефон и прижимаю трубку к уху.

— Да, — говорю я, моё внимание возвращается к телевизору, когда Игорь молча уходит.

— Ронан, — раздаётся на линии голос Анастасии. — Слава небесам. Я беспокоилась о тебе.

— Я в порядке, — отвечаю я.

— Это ужасно. Что, если бы это был ты? Я не могу... — её бесконечная болтовня отходит на задний план, когда я смотрю на изображения войны на экране. Я могу только представить, как будут выглядеть новости через шесть месяцев, когда мой план будет в полном разгаре. — Ронан? — говорит она, отвлекая меня от телевизора. — Разве это не ужасно? Бедный Василий. — Я провожу рукой по лицу и качаю головой, пытаюсь прогнать раздражение. — Всё это так по-варварски.

— Это так... Ты в порядке? — спрашиваю я, не то чтобы мне было не всё равно, но

должно казаться, что я волнуюсь.

— Просто потрясена. — В дверном проёме слышится лёгкое движение, и я поворачиваюсь, наблюдая, как Камилла входит в комнату. Шёлковый халат, в который она переделалась, почти не оставляет простора воображению. Мне серьёзно нравятся её маленькие попытки соблазнения, хотя её шансы были бы выше, если бы она не смыла кровь со своей груди. — Ты был так пренебрежителен в ресторане, — ноет Анастасия.

— Мы не можем рисковать, Ана. Николай...

— Ты не хочешь меня?

Мой взгляд останавливается на Камилле.

— Конечно, я хочу тебя, — шепчу я в трубку. Греховные бёдра Камиллы покачиваются при каждом шаге, который она делает по комнате. Когда она останавливается передо мной, то берёт бренди из моей руки. Я наблюдаю, как её губы деликатно касаются края бокала, прежде чем она откидывает голову назад и пьёт. — Ты понятия не имеешь, как сильно я хочу трахнуть тебя, — говорю я.

Глаза Камиллы вспыхивают, и она подходит к серванту в углу комнаты. Я встаю с дивана и следую за ней, наблюдая, как она берёт графин и наливает ещё один бокал.

— Когда я смогу снова увидеть тебя? — спрашивает Ана.

— Скоро. — Я останавливаюсь позади Камиллы и отвожу её волосы в сторону, скользя носом по её шее. Вдыхая опьяняющий аромат её кожи. — Очень скоро.

— И что ты будешь делать, Ронан? — шепчет Ана, отчаянно нуждаясь во внимании. — Скажи мне, что бы ты сделал со мной.

— Я бы погубил тебя. — Я прижимаюсь губами к шее Камиллы. Она прислоняется ко мне, наклоня голову набок, когда её рука скользит вверх по моей шее, её ногти впиваются в мои волосы. — Ты мокрая для меня? — спрашиваю я.

— Боже, да... Ронан. — Анастасия стонет, и я зажимаю телефон между щекой и плечом.

Мой член набухает при мысли о том, чтобы взять Камиллу — осквернить её. Эти примитивные позывы всплывают на поверхность, и я удивляюсь сам себе, когда хватаю её за бёдра, прижимаясь своим членом к её заднице в попытке хоть немного вкусить.

— Я бы так сильно трахнул тебя... — стону я рядом с её ухом. Её Пальцы Камиллы сжимаются в моих волосах, её спина изгибается. Она хочет меня так же сильно, как я хочу её, и, о, каким желанным трофеем это будет. Я разворачиваю её, наши взгляды встречаются. — Насколько ты сейчас мокрая? — Камилла прикусывает губу, и я просовываю колено между её ног, разводя их в стороны, прежде чем силой усадить её на сервант. — Насколько ты, блядь, мокрая? — спрашиваю я в трубку, не сводя глаз с Камиллы.

Её грудь опускается при прерывистом дыхании. Она наклоняется ближе и проводит губами по моей шее. Анастасия что-то бормочет по телефону, но я ничего не слышу.

— Промокла насквозь, — выдыхает Камилла, её тёплое дыхание овеивает мою шею.

Я делаю шаг назад, и на лице Камиллы появляется лёгкая улыбка. Она двигается по серванту и прислоняется к стене. Её халат распахивается, обнажая её округлую грудь, когда она широко раздвигает ноги. Мой взгляд падает на её обнажённую киску, и всё моё тело вспыхивает от желания.

— Потрогай себя, — говорю я, мой член набухает с каждой секундой. Анастасия стонет в трубке, пока я наблюдаю, как пальцы Камиллы дразнят её клитор, а затем исчезают внутри неё. Она убирает руку, подносит пальцы к моему рту и проводит одним из них по нижней

губе. Я хватаю её запястье, засовывая два её пальца себе в рот. На вкус она как грех, и власть, и всё искушения, о которых я когда-либо мечтал.

Телефон падает на пол, с грохотом ударяясь о твёрдую древесину. Я хватаю Камиллу за челюсть и с трудом сглатываю. Боже, я хочу трахнуть её. Погубить её. Сделай ей больно... Я медленно приближаюсь к её рту, мои губы касаются её, моя хватка на её челюсти усиливается. Её неровное дыхание овеивает моё лицо. Она распротёрта передо мной. Ничего не стоит повалить её на пол и трахнуть. Кровь гневно струится по моему телу, умоляя меня заявить на неё права. Мой взгляд падает на её раздвинутые ноги, и я делаю вдох, прижимаясь лбом к её лбу.

— Ты очень храбрая, маленькая кошечка, — шепчу я, прежде чем оттолкнуть её.

Я хватаю стакан бренди с серванта и поднимаю телефон с пола, отключая звонок по пути обратно к дивану. Стараюсь не обращать внимания на Камиллу, когда беру из пепельницы тлеющую сигару и делаю длинную затяжку, дым клубится вокруг моего лица. Новости продолжают рассказывать о террористических атаках, убийствах, обо всём том, что вселяет страх в общественность. И через несколько мгновений я замечаю отражение Камиллы на экране телевизора, когда она заходит за диван. Её тёплые пальцы скользят по моему затылку, и мурашки пробегают по моей руке. Повисает небольшая пауза, как будто она ждёт моей реакции. И хотя мой член напрягается в штанах, я смотрю на экран, отстраняя её своим молчанием. Она выходит из комнаты, и вместе с ней уходит и потрескивающее напряжение воспламеняющее огонь. Тот, что боюсь, в конце концов поглотит меня.

КАМИЛЛА

«Itch» — Nothing But Thieves (трек)

Моё сердце бешено колотится, когда я спешу обратно в комнату, моя киска пульсирует в ожидании этого Русского ублюдка. Я всё ещё чувствую его губы на своей шее. Слышу глубокий голос, приказывающий мне прикоснуться к себе. И я это сделала, потому что женщина никогда не бывает слабее, чем, когда она находится во власти могущественного мужчины. Да, Ронан Коул могуществен во многих отношениях.

Я закрываю глаза и представляю, как он шёл по той комнате, люди кричали, вокруг него царил хаос — *его* хаос. *Его* убийство — и я с ним. Он был пьян от абсолютного хаоса, от насилия и крови. Безжалостная, не требующая усилий власть над чьей-то жизнью, которая беспомощно притягивает меня к нему, даже когда я хочу освободиться от него. Я хочу трахнуть его почти так же сильно, как убить... может, и то, и другое одновременно? Я прикусываю губу, представляя, как скачу верхом на Ронане, приставляю нож к его горлу, в то время как он сверкает своей высокомерной улыбкой, без сомнения, разрушая меня, пока истекает кровью. Я захопываю дверь своей спальни и прижимаюсь к ней спиной, делая несколько глубоких вдохов. Сексуальное напряжение между нами настолько приторное, настолько всепоглощающее, что временами трудно что-либо разглядеть сквозь густой туман, которое оно наводит. Я никогда не должна забывать, что он мой враг, потому что в ту же секунду, как это случится, он напомнит мне об этом.

Где-то в комнате раздаётся негромкое жужжание, и я прищуриваю глаза. Секунду ничего не происходит, а потом оно звучит снова.

Что-то... вибрирует?

Я прохожу по комнате, прислушиваясь, прежде чем остановиться перед комодом.

Бззз. Бззз.

Я смотрю на клатч, который был у меня на ужине.

Бззз. Бззз.

Я хватаю его с комода и заглядываю внутрь, прежде чем мгновенно захлопнуть.

Чёрт.

Я распахиваю балконные двери и выхожу наружу. Холодный ветер вызывает сильную дрожь по моему телу, я проверяю, нет ли здесь камер. Открываю клатч, заглядываю внутрь и хмурюсь при виде одноразового телефона и зарядного кабеля, спрятанных среди моей губной помады и пудреницы. Я вспоминаю ту вечеринку. Мой клатч всё время был со мной, но... Ронан был рядом со мной. Он мог подсунуть его сюда.

Что, если это тест? Дать мне телефон и посмотреть, что я сделаю, чтобы предать его.

Вздыхнув, я достаю телефон и открываю его, чтобы обнаружить мигающий конверт в углу экрана. Когда я нажимаю на него, появляется текстовое сообщение:

«Враг моего врага — мой друг. Я скоро свяжусь с вами. Мы уничтожим Ронана Коула».

Я закрываю телефон и выдыхаю воздух сквозь сжатые губы.

Итак, *это* ловушка, подготовленная Ронаном? Может быть, но пока этот таинственный друг не даст понять, чего он хочет, я не могу знать наверняка. Если это ловушка, что ж... У

всех пленников есть смысл: залог. А у залога есть срок годности, и в тот момент, когда он подходит к концу залог получает пулю. Я руководила картелем; знаю, что к чему. Так что, по правде говоря, мне нечего терять.

Если этот *друг* поможет мне поймать Ронана, я умру с улыбкой на лице.

Двадцать четыре часа.

Я была заперта в этой комнате двадцать четыре часа, и от Ронана не было ни весточки. Вот тебе и его так называемая свобода. Возможно, он решил, что для него будет безопаснее, если я буду сидеть взаперти.

Я лежу на спине, поглаживая пальцами дорогие атласные простыни. Я вспоминаю, как Ронан слизывал вкус моей киски с пальцев, когда он так отчаянно пытался сохранить свой жёсткий контроль. Дверь спальни распахивается, с треском ударяясь о стену, и я подпрыгиваю, когда входит Игорь, держа в руках ещё один этот чёртов чехол для одежды.

— Босс хочет, чтобы ты была одета через тридцать минут.

Боже, Ронан такой мудака. Я выхватываю у Игоря чехол с платьем, ожидая, пока он выйдет из комнаты. Я ненавижу то, что я — пассия в распоряжении Ронана, но мне нравится возможность ослабить его любым способом. Ронан Коул любит красивые вещи, а красота — это всегда сила женщины. Я видела желание, мелькающее в его глазах в те моменты, когда он был так близок к потере контроля. И я хочу посмотреть, как он сломается, даже если мой собственный контроль в равной степени находится под угрозой. Плясать под его дудку — мой лучший шанс подобраться поближе, так что пока я поиграю в его пассию.

Я расчёсываю волосы и надеваю платье, разглаживая материал, прежде чем взглянуть в зеркало. Платье идеально облегает мои изгибы. Чёрное кружево, так изящно сшитое поверх яркого малиново-красного атласа, правда делает своё дело, и я должна признать: у него хороший вкус.

Бросив последний взгляд на своё отражение, я хватаю клатч и выхожу в коридор, ругаясь себе под нос, пока спускаюсь по лестнице. Отсюда я вижу Ронана, стоящего у двери. То, как идеально сидит на нём костюм, подчёркивает ощущение силы, постоянно исходящее от него. Когда я добираюсь до нижней ступеньки, он оборачивается, его взгляд лениво скользит по мне.

— Ты *такая* хорошенькая в красном. — Он улыбается, прежде чем посмотреть на часы.

Слуга открывает входную дверь.

«*Боже милостивый, неужели этот человек не может сам открыть дверь?*» — и мы выходим на морозный воздух и направляемся к ожидающему лимузину, а вокруг меня кружится снежный шквал. Перед нами открывается дверь, и мы забираемся внутрь, машина быстро трогается с места. Ронан проводит рукой по своему дорогому костюму, самодовольный, как и всегда, когда я смотрю на него.

— Итак, — говорю я, — могу свободно разгуливать по дому?

Его глаза блестят.

— Тебя злит, когда я запираю тебя?

Я изображаю улыбку, хотя мне хочется заколоть его ножом.

— О, Русский, ты ещё не видел меня злой. — Это ложь. Он много раз видел меня рассерженной, но мне не нравится, что этот ублюдок думает, будто у него есть власть надо мной.

На его лице мелькает любопытство.

Гнев бурлит у меня под кожей, когда я отворачиваюсь к окну. С Ронаном легко забыть, что я делаю. Это движение назад-вперёд отнимает много времени, и каждый раз, когда я, кажется, приближаюсь, он лишь отталкивает меня. Я убиваю его врагов, а потом он запирает меня. Я участвую в его маленьком покушение, а потом он предлагает мне немного свободы. Он смотрит, как я трогаю себя, и снова запирает меня. Мы ходим по кругу, попадая в ловушку опасности и жажды крови только для того, чтобы он поймал себя сам. Возникает ощущение надвигающейся катастрофы, как будто часы просто тикают у меня над головой. И Ронан Коул — тот, кто держит их в руках.

После короткой поездки лимузин останавливается перед готическим собором.

— Где мы находимся?

— Похороны покойного премьер-министра. — Ронан хмурится, но я могу сказать, что он борется с улыбкой. *Больной ублюдок.* — Мне так нравятся похороны. — Теперь он расплывается в улыбке.

— Знаешь, даже по моим меркам, это извращение. — Я бросаю взгляд в окно на участников похорон, мрачно направляющихся к фасаду собора. — Почти уверена, что в аду есть особое место для людей, которые приходят на похороны, чтобы посмотреть на рыдающую семью парня, которому они выстрелили в лицо... Кстати, я всё ещё расстроена из-за того платья.

— Это был затылок, — говорит он.

— О, — я оборачиваюсь, — значит, вместо аккуратного входного отверстия на лице, ему оторвало лицо. — Я киваю головой. — Я не видела, потому что он лежал лицом вниз в луже крови. Значит, будет закрытый гроб.

Едва заметная усмешка появляется на его губах, прежде чем дверь машины, конечно же, открывается. Ронан выходит, протягивает мне руку и вытаскивает из машины. Правительственная охрана выстраивается вдоль чёрной ковровой дорожки, ведущей к ступеням собора. За ними группы фотографов и представителей прессы поднимают свои фотоаппараты в надежде запечатлеть участников похорон. Я опускаю подбородок и придаю своему лицу выражение, которое, как я надеюсь, напоминает скорбь. Ронан обнимает меня за талию, его рука ходит кругами по моей спине, как будто он утешает меня. Ирония практически душит меня.

Он увлекает нас внутрь собора, и шум снаружи сменяется торжественной мелодией органа, эхом отражающейся от высокого каменного потолка. Люди приветствуют Ронана, и он почтительно кивает им, когда мы направляемся к передней части церкви. Мы останавливаемся рядом с пустым рядом. Я расстёгиваю пуговицы чёрного мехового пальто, которое на мне надето, и Ронан снимает пальто с моих плеч. Я слышу лёгкий вздох женщин, сидящих рядом. Конечно, надев ярко-красное платье на похороны, я ни за что не смогла бы остаться незамеченной. Я уверена, это именно то, чего он хотел.

Он такой мудака.

Ронан сбрасывает своё пальто и кладёт руку мне на поясницу, подводя меня к скамье и усаживая. Его рука обнимает меня за плечи, и он притягивает меня к себе. Отчётливый аромат одеколona и затяжного сигарного дыма окружает меня, и я ловлю себя на том, что вдыхаю его, когда мы устраиваемся на сиденье. Люди перешёптываются между собой. Некоторые пробираются к закрытому гробу с опущенными головами и салфетками, промокивая глаза. Я ловлю взгляд блондинки, сидящей несколькими рядами выше, устремлённый в мою сторону. Это худенькая блондинка, которая была в доме Ронана, та, с

которой он сел в машину. Я не могу удержать лёгкой ухмылки, которая растягивается на моих губах. Пальцы Ронан нежно пробегают по моим волосам, а её глаза горят ненавистью. Я без сомнения знаю, что эта женщина хочет Ронана больше, чем свой следующий вздох. Мужская рука обнимает её за плечи, и она моргает. Он что-то шепчет ей на ухо. Она целует его в щеку, и таким образом сюжет усложняется. Я бы не ожидала ничего меньшего, чем того, что Ронан будет преследовать занятую женщину.

Начинаются похороны, и они такие же скучные, как и любые другие похороны, только на этот раз я не понимаю ни слова из того, что они говорят. Я засыпаю, моя голова почти касается плеча Ронана, когда он прочищает горло.

— Постарайся сделать вид, что тебе не смертельно скучно, — произносит он.

Я стону.

— Когда начинается пьянка?

Его глаза мерцают, когда он смотрит на меня.

— Только что умер человек... — его лицо так близко, что я практически ощущаю привкус сигарного дыма в его дыхании.

— Такой высокоморальный, мистер Коул.

Он прячет улыбку, прижимаясь губами к моему лбу.

— Плохая компания разрушает хорошие моральные устои.

Я знаю, что всё это для всеобщего обозрения, но всё же моё сердце немного трепещет.

— Так и есть.

Он проводит пальцем по моему подбородку, приподнимая его, чтобы я посмотрела на него. Уголок его губы приподнимается, когда он проводит большим пальцем по моей нижней губе.

— Вставай.

Я моргаю, прежде чем оглядеться по сторонам, но обнаруживаю, что церковь пуста. Несколько мужчин держат гроб на плечах и нетерпеливо поглядывают на нас.

Как, чёрт возьми, я не заметила, что все ушли?

Ронан приподнимает бровь и встаёт, протягивая мне моё пальто. Я просовываю руки в рукава и беру его за руку, когда он выводит меня из церкви. Как только мы оказываемся снаружи, Ронан направляется прямо к блондинке и мужчине, стоящим рядом с ней. Она смотрит на меня, когда мы приближаемся, её красные губы сжимаются в плотную линию.

— Мои соболезнования, — говорит Ронан, протягивая руку. Мужчина свирепо смотрит на него. Вспыхивают камеры, и он нерешительно берёт Ронана за руку. — Какая жалость, — продолжает Ронан. — В наши дни даже люди, облечённые властью, не в безопасности.

На его губах появляется лёгкая ухмылка, и мне любопытно... Я опускаю подбородок на грудь, пытаясь скрыть ухмылку. Я бы солгала, если бы сказала, что мне не нравятся эти маленькие игры во власть. Я хочу ненавидеть Русского, и в какой-то степени так и есть, но я также уважаю его. Эти две эмоции создают неустойчивое существование.

Ронан поворачивается ко мне, указывая рукой.

— Президент Деревичи, это Камилла. Мой деловой партнёр.

Я одариваю президента своей самой очаровательной улыбкой, и он ухмыляется, пялясь на меня чуть дольше положенного. Он, спотыкаясь, делает шаг вперёд, берёт меня за руку и проводит губами по костяшкам пальцев.

— Камилла, зовите меня Николай, — говорит он. Блондинка прочищает горло, и он отпускает мою руку, прежде чем направиться к ней. — А это моя жена Анастасия.

Ох, чёрт.

Ладонь Ронана опускается мне на спину. Я стараюсь скрыть шок на своём лице, когда поворачиваюсь к ней. Она изображает улыбку на лице, но я вижу ненависть, горящую в её глазах. Итак, Ронан трахается с женой президента.

Зачем?

Я оглядываю её. Она красива в некотором царственном смысле, но я достаточно знаю о Ронане, чтобы понимать, что это слишком неконтролируемо, слишком рискованно, чтобы быть чем-то иным, кроме идеально спланированного акта. Рука Ронана скользит по моему бедру, и он крепко прижимает меня к себе. Её глаза вспыхивают.

Итак, он хочет заставить её ревновать... и использует меня для этого.

Почему это меня раздражает? Не то чтобы я ожидала, что ко мне будут относиться как к кому-то другому, а не как к одной из его грёбаных пешек.

Ронан и Николай обсуждают что-то на беглом русском. Николай кажется взволнованным. Ронан... ну что ж, это Ронан. А Анастасия смотрит на меня так, словно я сам дьявол. Я снисходительно улыбаюсь ей в ответ, отчасти надеясь, что она попытается ударить меня. Я бы переломила её тощую задницу, как веточку.

— Было приятно познакомиться с тобой, Камилла, — говорит Николай, отвлекая моё внимание от своей жены-шлюхи.

— И мне. — Я демонстративно медленно подхожу к нему и целую в щеку. — Ты знаешь, что твоя жена трахается с Коулом? — шепчу я, всё ещё улыбаясь. Он напрягается, и я отступаю назад. Щёки Николая краснеют, челюсть подёргивается. О, он вне себя от ярости. Мой желудок трепещет от возбуждения. Не могу объяснить тот экстаз, который возникает, когда рушатся идеально продуманные планы Ронана.

Ронан берёт меня за руку и тянет в сторону улицы, в то время как служба безопасности Николая направляет его и Анастасию к ожидающему внедорожнику. Как только мы оказываемся в машине, Ронан поворачивается ко мне, его пальцы собственнически обхватывают моё горло. Его пристальный взгляд сверлит меня, в то время как свободная рука шарит по дверному карману. Я смотрю через его плечо, как он достаёт револьвер. Он взводит курок и, не говоря ни слова, прижимает его к моему подбородку. Я запрокидываю голову, глядя в его неумолимые голубые глаза, и моё сердце пускается вскачь.

— Собираешься застрелить меня? — говорю я, заставляя свой голос оставаться ровным, и приподнимаю бровь.

— А разве не должен? — его губы изгибаются в улыбке.

— Не то чтобы у меня было право голоса в этом вопросе, — бормочу я. Прохладный ствол пистолета сильнее прижимается к моему подбородку, и я стискиваю зубы, отказываясь разрывать зрительный контакт с ним.

— Зачем ты ему сказала?

Я пытаюсь сдержать свой гнев, правда пытаюсь, но вопрос застаёт меня врасплох, в порыве ярости вырывая его на поверхность.

— Потому что я, чёрт возьми, могу. Я не твоя комнатная собачка, чтобы командовать мной, использовать и расхаживать перед твоей шлюхой средних лет, независимо от того, насколько сильно ты думаешь, что это так. — Я выдыхаю. — Может быть, мне просто нравится надирать тебе жопу, Русский. Любым способом, каким только могу.

Наступает пауза, на мгновение его челюсть сжимается. Внезапно из его груди вырывается медленный смешок.

— Ты гораздо больше похожа на мою собачонку, чем думаешь. Я надеялся, что ты настроишь его против себя, и ты танцевала, как марионетка на моих ниточках. — Он опускает пистолет, убирая прядь волос с моего лица, прежде чем схватить подол моего платья. Он задирает его мне на ноги и засовывает пистолет мне между бёдер, пристально глядя на меня. Ожидая. Наблюдая. Мой пульс стучит в ушах, и сладкий выброс адреналина струится по моим венам. Похоть и ярость кружатся и сливаются воедино, пока не сжигают меня, ад желания и ненависти в равной мере. Я раздвигаю бёдра, и его губы приподнимаются.

— Что же мне с тобой делать, маленькая кошечка? — он засовывает ствол под кружево моего нижнего белья, проводя холодным металлом по моей киске. Я резко втягиваю воздух, и моя рука тянется к его пиджаку, мои пальцы сжимают материал. Он тычет в меня пистолетом до тех пор, пока тот не угрожает проскользнуть внутрь меня. Моё сердце бьётся всё сильнее и сильнее, я слышу только его бешеный ритм. Это опасность, острые ощущения, абсолютное осознание того, что ты находишься на самом краю. Одно движение его пальца, и все могло бы закончиться очень плохо, но именно это делает процесс таким захватывающим, таким чертовски опьяняющим. Вот кто такой Ронан, вот что он делает. Он владеет страхом, создаёт его и контролирует до тех пор, пока я не остаюсь жаждать его разнообразной опасности.

Моя свободная рука скользит по его предплечью, и я хватаю его за запястье, притягивая его к себе, одновременно двигая бёдрами. Дуло пистолета скользит внутрь меня, холодный металл соприкасается с горячей плотью. Я прикусываю губу и откидываю голову назад. Низкое рычание вырывается из груди Ронана, и звук этой крошечной потери контроля делает меня ещё более горячей и влажной. Этот смертельный танец — он ни на что не похож. Я могу ненавидеть Ронана Коула, но он заводит меня так, как никогда не заводил и не будет заводить ни один мужчина. У него есть власть надо мной. Мы оба это знаем, и всё же я буду отрицать это до того дня, когда я ему, несомненно, надоем и он пустит пулю мне в лоб.

РОНАН

«Desperado» — Rihanna (трек)

Кончик заряженного пистолета исчезает внутри неё. Мой пульс бешено колотится в груди. Мой член умоляет меня трахнуть её. Сглотнув, я отрываю взгляд от этого захватывающего зрелища и смотрю на Камиллу. Её голова запрокинута назад, глаза закрыты, а нижняя губа зажата между зубами. Она прижимается к пистолету, всё ещё зажатому в моей руке, когда её ноги раздвигаются ещё шире.

Такая бесстыжая.

Я борюсь с собой, моя кожа разжигается до невыносимого уровня. Первобытный самец во мне кричит, требуя освобождения, и он побеждает. Без колебаний я убираю пистолет, хватаю её за горло и толкаю на пол лимузина, устраиваясь между её раздвинутых бёдер. Тепло её киски просачивается сквозь мои брюки, когда я прижимаюсь к ней. Мои пальцы сжимаются на её горле, подёргиваясь, когда я провожу носом по её шее. Сев, я провожу пистолетом по её бедру, по боку. Её горло всё ещё в моей хватке, когда я провожу пистолетом по её щеке к этим идеальным красным губам. Они раскрываются и с лёгким стоном засасывают мокрый ствол в рот.

— Каково на вкус? — шепчу я, мой палец лениво лежит на спусковом крючке. Мой взгляд падает на заживающую рану у неё на груди, и я не могу не вспомнить, как порезал её. Честно говоря, я едва в состоянии сдерживаться. Это прелюдия. Это очень опасная прелюдия. Она принимает то, чего любой другой боялся бы, и это пьянит меня от вожделения, желания и нужды. Она полна самой прекрасной формы безумия, и я хочу принять её. Я вынимаю дуло пистолета у неё изо рта, наблюдая, как её язык скользит по концу ствола.

— Я хочу тебя, — говорю я, наклоняясь к её уху. — Но я не прикоснусь к тебе.

— Я не должна хотеть тебя, — шепчет она. И, о, как же эти слова звучат словно отчаянное признание.

Что делать? Что делать?

Я отталкиваюсь от неё, прежде чем забраться на сиденье.

— Потрогай себя, — говорю я, направляя на неё пистолет. Мне не нужно держать её под прицелом, Камилла сделает это в любом случае, но дополнительный элемент опасности делает всё ещё более захватывающим.

Её глаза вспыхивают, когда она подтягивает юбку своего платья на талию. Она снимает стринги, раздвигая ноги. Вид столь капризной женщины в таком уязвимом положении заставляет мой член набухать, и я уверен, что она наслаждается этим так же сильно, как и я. Её рука опускается между ног, и она со стоном медленно проводит пальцем по своему клитору. Мужчина внутри меня ничего так не хочет, как осквернить её, но, по правде говоря, низводить её до такого первобытного уровня похоти намного лучше. Она распротёрта на полу машины по дороге на похороны, засунув пальцы внутрь себя, и всё потому, что я велел ей это сделать. Потому что так же сильно, как я хочу её, она хочет меня. И кто из нас двоих больше? Похититель или пленница? Охотник или добыча?

Её пальцы погружаются по самые костяшки, и она трахает себя жёстко, быстро, агрессивно. Этот вид доводит меня до грани полной потери контроля. Сдавленный стон

срывается с её губ, я больше не могу этого выносить. Я держу пистолет направленным на неё, пока дёргаю ремень и расстёгиваю ширинку, сжимая в кулаке свой член, когда он наконец освобождается. Моя рука шлёпает по животу, когда я подстраиваю свой темп под неё.

За окном проплывает город, пока кортеж проезжает по переполненной Москве. И вот мы с ней здесь... словно животные.

Камилла стонет, ругаясь себе под нос, в то время как её спина выгибается дугой от пола. Сладкая музыка её оргазма — это всё, что мне нужно. Тепло собирается у меня в животе, прежде чем распространиться по всему телу в неистовой демонстрации силы. Мой подбородок опускается на грудь, и я рычу, кончая сильно и быстро, прежде чем откинуться на сиденье, чтобы перевести дыхание.

«Я потерял контроль — в какой-то степени», — думаю я, застёгивая ремень. Раздражение накачивает только тогда, когда я замечаю пятно спермы на своей рубашке от Prada.

Камилла поправляет юбку и опускается передо мной на колени. Я прижимаю пистолет к её виску. Её руки опускаются на мои бёдра, когда она наклоняется надо мной и проводит губами по моей щеке.

— Ты выглядишь таким красивым, когда кончаешь, — шепчет она, прежде чем сесть на сиденье рядом со мной.

— В какую же опасную игру ты играешь, маленькая кошечка.

— О, но это твоя игра, Ронан. Я просто участвую в ней. — Она достаёт из сумки пудреницу и аккуратно наносит новый слой кроваво-красной помады.

— Ты не просто *участвуешь*, Камилла.

— Да ладно тебе. — Она похлопывает меня по руке. — Не говори мне, что ты не обладаешь абсолютным и полным контролем над каждым моим действием, Ронан.

У меня сводит челюсть, и я отворачиваюсь к окну. Пока мы петляем по кладбищу, мимо проплывают ряды заснеженных надгробий и крестов. В конце концов лимузин замедляет ход и съезжает на обочину. Водитель выпрыгивает из машины. Дверь открывается, и я хватаю Камиллу за руку, подтаскивая её к краю сиденья, когда выхожу.

Люди гуськом выходят из машин позади нас, все направляются к зелёной палатке, установленной на склоне холма. Я беру Камиллу за руку и перекидываю её через свою как раз в тот момент, когда Анастасия и Николай проходят мимо. Глаза Анастасии останавливаются на Камилле, и Камилла прижимается губами к моему уху.

— Думаю, она одержима. Ты же знаешь, такие женщины могут свихнуться и убить тебя во сне. — Она целует меня в щеку, но я знаю, всё это просто шоу. Но мне нравится привлекать внимание.

— Скорее всего, она убьёт *тебя*. — Я выгибаю бровь, и она закатывает глаза.

Мы присаживаемся под навесом у могилы. Ана сидит по другую сторону серебряного гроба, свирепо глядя на меня, её нога беспокойно подпрыгивает. Её взгляд перемещается вправо от меня, и я бросаю взгляд на Камиллу, чтобы обнаружить, что эти двое поглощены собственническим разглядыванием друг друга. Я наклоняюсь, убирая завиток тёмных волос с её уха.

— Такая хорошая маленькая комнатная собачка, — шепчу я, прежде чем поцеловать её в шею.

— Я тебе уже говорила, я кусаюсь, Русский.

Изобразив на лице раскаяние, я смотрю прямо перед собой на гроб и обнимаю Камиллу за плечи. Священник заходит за гроб и откашливается, прося нас склонить головы. Камилла опускает подбородок на грудь, крестясь. Пока все остальные молятся, я наблюдаю за Камиллой, кажущейся безобидной, со склонённой в благоговейной молитве головой, но она подобна цветку лотоса. Красивая и смертоносная.

И мне неприятно это признавать, но это очень волнующе.

КАМИЛЛА

«Killing in the Name» — *Rage Against the Machine* (трек)

Я захопываю дверь своей спальни. Ёбаный Русский! Каждый раз, когда я думаю, что контролирую ситуацию, он выводит меня из себя.

Он трахнул меня пистолетом — заряженным пистолетом, — и мне это понравилось. Я хотела этого! Чёрт, я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь была так возбуждена, так отчаянно нуждалась в мужчине. Секс — *моё* оружие, но он так легко обращает его против меня. Я закрываю глаза, представляя, как он сжимает свой член, как его мышцы напрягаются и выпирают под кожей. Свирепый, но полностью контролируемый взгляд его глаз, когда он наблюдал, как я разваливаюсь на части на полу лимузина.

Мои глаза резко открываются, и я разочарованно стону, плюхаясь на кровать. Предполагалось, что я должна сблизиться с ним так же, как сблизилась с Хесусом. Богомол же блядь ни за что не попадает в собственную ловушку. Он играет со мной так же жёстко, как и я с ним, но мне есть что терять. Мне нужно сломить его. Мне нужно ослабить дьявола.

Я встаю и подхожу к шкафу, натягивая через голову шёлковую ночнушку. Она едва достаёт мне до верхней части бедра, и как бы мне ни было всё равно, я не могу быть слишком очевидной. Ронан Коул не из тех, кто бросается на очевидность. Поэтому, я надеваю шёлковый халат и завязываю его на талии, прежде чем выйти из комнаты и спуститься по лестнице.

Низкий женский голос, говорящий по-русски, разносится по фойе, и я иду на этот звук к двери гостиной. Вот он сидит со стаканом бренди в одной руке и сигарой в другой. Я вхожу в комнату и направляюсь прямо мимо него к шкафчику с напитками в углу. Его глаза прожигают дыру в моей спине, пока я наливаю напиток, и я смотрю на деревянный сервант, где всего несколько дней назад сидела и трогала себя для него. Я ухмыляюсь его напряжённому контролю.

Он не прикоснётся ко мне? Это мы ещё посмотрим.

Я хочу выведать все его грязные секреты один за другим и использовать их против него.

Когда я оборачиваюсь, его взгляд прикован к телевизору.

— Какой хаос учинил сегодня? — спрашиваю я в шутку.

— Я бы не назвал похороны премьер-министра хаосом.

Я пересекаю комнату и сажусь на диван в паре футов от него, скрестив ноги.

— Знаешь, идти на похороны человека, которого ты убил, должно быть, дурное предзнаменование. — Я выпиваю напиток, опустошая его одним глотком.

Его взгляд блуждает от бокала в моей руке к бутылке на серванте.

— Это мой фирменный бренди, который ты так небрежно пьёшь...

Я закатываю глаза.

— Если ты собираешься пить, то пей. Не потягивай его, как слабак.

— Хороший бренди предназначен для того, чтобы его смаковали.

— Ага. — Я встаю на ноги и возвращаюсь к серванту, беру хрустальный графин с его драгоценным бренди. Я снимаю крышку и возвращаюсь к дивану, наливая немного в свой бокал.

Он смотрит на меня, прежде чем выхватить графин из моих рук.

— Вполне возможно, что ты самое близкое существо к дикарю, с которым я когда-либо сталкивался.

— О, Русский, — смеюсь я. — Не притворяйся, что тебе не нравятся немного дикие вещи. — С самодовольной улыбкой я поднимаю свой бокал и выпиваю содержимое, не сводя с него глаз. — Расслабься, — говорю я.

Он делает жест в сторону телевизора и проводит рукой по пиджаку спереди.

— Я итак расслаблен.

Я бросаю взгляд на телевизор. Я не понимаю, о чём они говорят, но по экрану прокручиваются изображения фабрики с китайскими надписями и ракетами.

— Я слышала, ты увлекаешься оружием. — Я прищуриваю глаза. — Рисковый бизнес.

Его глаза вспыхивают от восторга.

— Мне нравится их сила. Страх, который они внушают.

— А-га. Я предпочитаю не привлекать внимания всех правительственных учреждений в мире. Держу пари, у американцев огромный стояк на тебя — русского дилера оружия. — Я не могу не рассмеяться.

— Мы с ФБР в таких отношениях, — он скрещивает пальцы вместе в улыбке.

Он ведь шутит, верно?

Его глаза не отрываются от моих.

Чёрт возьми, я так не думаю.

— Просто... — я указываю на него и качаю головой. — Мне нужно выпить. — Я двигаюсь, чтобы схватить графин бренди, но Ронан лишь хватает меня за горло, удерживая на расстоянии вытянутой руки.

— Больше никакого моего праздничного бренди. — Он кивает в сторону серванта. — Бери столько русской водки, сколько захочешь.

Я корчу гримасу.

— За кого ты меня принимаешь? За Русскую? Кто, чёрт возьми, пьёт водку? — говорю я, вставая. Я подхожу к шкафику, открываю графин и нюхаю. — Божечки, воняет бензином. — Я наливаю немного в бокал и, поморщившись, выпиваю.

Он качает головой.

— Ты планируешь напиться?

— Я застряла здесь с твоей очаровательной компанией в грёбаном замке Дракулы. Как ты думаешь? — я снисходительно наливаю ещё один бокал.

Он проводит рукой по лицу, прежде чем подняться с дивана и направиться ко мне. Он берёт водку, наливает ещё, затем закупоривает бутылку.

— Ты не можешь завтра страдать от похмелья.

— Почему? — я вздыхаю. — Планируешь ещё одно покушение?

— У меня церемония открытия в Детской больнице, — улыбается он. — Открывается новое отделение трансплантации костного мозга имени Ронана Коула.

Я непонимающе смотрю на него.

— *Вот теперь ты шутишь...* — я откидываю голову назад и делаю глубокий вдох. — Чёрт, я даже не знаю, что сказать.

— Думаю, синее платье прекрасно подошло бы для завтрашнего дня.

— Есть ли у меня выбор? Благотворительность и святое поведение... на самом деле это не моё.

Тихий смешок срывается с его губ.

— Для тебя больше не существует такого понятия, как выбор. — Его палец проводит по моей щеке.

— Ну пожа-а-алуйста. — Он хмуро смотрит на меня. — Повторяю, — говорю я. — Пожа-а-алуйста. — Ещё сильнее хмуриться. Я не могу удержаться от улыбки. Его челюсть подёргивается, и я нахожу это сексуальнее, чем хотелось бы.

— Развлечение, которое ты мне доставляешь, быстро проходит.

Я пожимаю плечами.

— Я бы сказала то же самое, но ты наименее весёлый человек из всех, кого я когда-либо встречала. — Я знаю, что давлю на него. Не уверена, нравятся ли мне острые ощущения, чувство опасности, или я хочу посмотреть, смогу ли заставить его огрызнуться и убить меня. Он говорит, что я жива только для его развлечения, но мы оба знаем, что это неправда. Это ещё не всё. Я окидываю взглядом его дорогой костюм. Может быть, он такой же, как и все остальные. Возможно, он просто хочет трахнуть меня. — Почему тебе нужно, чтобы я пошла? — спрашиваю я.

— Потому что такой мужчина, как я, не появляется в одиночестве, а твоя красота мне идёт. — Он достаёт из буфета свой фирменный бренди.

— Что ж, я так рада, что попала в твой постоянно растущий гарем. — Я наклоняю голову. — Прямо по соседству с женой российского президента. — Я кладу руку себе на грудь. — Мой папочка был бы так горд.

Лёгкая ухмылка растягивается на его губах.

— Будь готова к десяти, — говорит Ронан, поворачиваясь ко мне спиной. Меня оставили без внимания.

Я стою на возвышении, откуда открывается вид на толпу обычных людей «белых воротничков». Члены правления и врачи жмутся поближе к сцене, улыбаясь Ронану.

Если бы только они знали...

Он произносит какую-то речь по-русски, и они аплодируют ему. Он поворачивается ко мне с широкой улыбкой, и вспыхивают камеры. Я притворно улыбаюсь, наблюдая, как он перерезает бледно-голубую ленту золотыми ножницами. Люди снова хлопают, и Ронан пожимает несколько рук, прежде чем подойти ко мне и положить руку мне на талию, в то время как его губы касаются моей щеки.

— Улыбнись, *Красивая*. — Он поворачивается к толпе, в то время как камеры продолжают делать снимки.

Я изображаю минутную застенчивость и слегка прижимаюсь лицом к его груди.

— У меня, блядь, уже лицо болит, Русский.

— Ах, но фотографии будут так красиво смотреться в газетах. Люди могут даже подумать, что ты цивилизованная женщина.

Я продолжаю улыбаться сквозь стиснутые зубы.

— И люди будут думать, что ты второе пришествие Матери Терезы, а не парень, который, вероятно, замыслил её смерть с неизвестными целями.

Он смотрит на меня и улыбается.

— Мне нравилась Мать Тереза.

— Так и знала. — Я прищуриваюсь, глядя на него. — Я знала, что она продажна. Никто не может быть настолько чертовски праведным.

Он смеётся, собственнически кладёт руку мне на талию и уводит со сцены. Люди

останавливают его то тут то там, пожимают ему руку и поют дифирамбы, пока, наконец, мы не выходим на улицу. Машина ждёт на кольцевой развязке, её водитель придерживает дверцу. Я забираюсь внутрь, и Ронан садится рядом со мной, всё ещё улыбаясь людям, собирающимся снаружи, когда дверь закрывается. Машина отъезжает, и он на выдохе откидывает голову на спинку сиденья.

— Как ты это делаешь? — стону я. — Все эти улыбки, хрень и грёбаные любезности.

— Мне скорее нравится эта театральность. Манипуляция с нанесением одной маски на другую и ещё на одну, пока на меня не будут смотреть не иначе как на святого или дьявола, в зависимости от того, кого ты спросишь.

Я фыркаю.

— Ты не настолько хорош, Ронан. Дьявол не может спрятать свои рога.

— У дьявола нет рогов, маленькая кошечка.

— Нет, очевидно, он носит костюм, сшитый на заказ.

Его глаза блестят.

— Вполне возможно, что ты самая забавная заложница, которая у меня когда-либо была. Поздравляю!

Я нацепляю на лицо милую улыбку.

— Ты мудак, ты знаешь это? — он, конечно, игнорирует меня.

Город проплывает за окном, и мне интересно, как долго он продержит меня у себя. Сколько ещё мне нужно времени, чтобы придумать способ уничтожить его? Мы едем через весь город, и машина замедляет ход, останавливаясь перед рестораном, снаружи которого слоняются группы бизнесменов.

Водитель открывает дверь, и мы оба выходим, направляясь в ресторан. Молодой администратор встречает нас в дверях с напряжённой улыбкой. Не говоря ни слова, она проводит нас в отдельную комнату в задней части здания. Ронан останавливается в дверях и качает головой, говоря ей что-то по-русски. Она застывает и бледнеет, прежде чем развернуться на каблуках и повести нас в главный ресторан. Он буквально вселяет в людей страх Божий, и я не буду притворяться, что наблюдать за этим неинтересно.

Администратор раскладывает меню на столике у окна. Ронан отодвигает мой стул, и она ошеломлённо смотрит на меня. Думаю, он не часто приглашает женщин на ланч... Он что-то ей говорит, и она поспешно уходит. Нахмурившись, я сажусь на своё место, и он пододвигает стул, прежде чем сесть напротив меня. Кладёт салфетку на колени и одаривает меня ослепительной улыбкой. В ответ мой желудок слегка сжимается. К чёрту его и его лицо, достойное модели.

— Почему мы здесь? Ты с кем-то встречаешься? — спрашиваю я, но тут всего два стула.

Он бросает взгляд на часы.

— Уже полдень.

— И? Ты не нападаешь с пассивно-агрессивными угрозами до пяти?

— Сейчас время обеда. — Он замолкает. — Мы обедаем.

Я морщу нос.

— Мы обедаем... в ресторане... типа свидание?

Широкая улыбка появляется на его губах.

— Именно так.

Я откидываюсь на спинку стула и барабаню ногтями по накрахмаленной белой скатерти.

— Дай угадаю, президент и его супруга должны прибыть с минуты на минуту?

— Нет.

Что, чёрт возьми, он задумал на этот раз?

Он всегда что-то замышляет. Я не возражаю быть частью его планов, если я знаю, в чём они заключаются, или, по крайней мере, смутно представляю, в чём их смысл, но мне не нравится не знать чьих-то мотивов. Напевая себе под нос, он берёт меню, и я переключаю своё внимание на то, что лежит передо мной. Всё написано ёбанными иероглифами.

Подходит официантка с бутылкой вина и наливает два бокала. Ронан закрывает меню и складывает руки на столе перед собой, разговаривая с ней, я думаю, делая заказ. Я тычу пальцем в случайный пункт меню и показываю официантке. Она меня не замечает.

— Я заказал за тебя, — говорит он, когда официантка берёт меню и исчезает.

Я закатываю глаза.

— Ну конечно же.

Он тянется через стол и берёт мою руку.

— Итак, дорогая Камилла, что самое худшее, что когда-либо случилось с тобой? — я свирепо смотрю на него и пытаюсь выдернуть руку, но его хватка становится болезненной. — Оставь руку, — приказывает он.

— Не твоё дело, — я прищуриваюсь, глядя на него, — Русский.

Он убирает свою руку от моей.

— Предполагаю, для тебя это большая тема, что даже твой собственный отец не спас тебя. Человечность тьмы может быть ужасно трудной для восприятия.

Откуда он всё знает?

— Мой отец был деловым человеком. — Я вздёргиваю подбородок. — Я не какая-то светская девица, Русский. Я не нуждаюсь в спасении. В конце концов, темнота — это то, что делает людей такими как ты и я, не так ли?

— Так и есть. — Он достаёт из кармана пиджака сигару и закуривает её. — Я нахожу темноту, — он делает длинную затяжку, — довольно возбуждающей.

— А что насчёт твоего отца, Ронан? Как он умер? — если он хочет ткнуть меня в больное место, то я ткну его.

В его глазах появляется лёгкий огонёк, как будто чиркают спичкой, и едва заметная улыбка изгибает его губы.

— Он был зверски убит. — Его палец проводит по шее, имитируя порез ножом. — Ему перерезали горло от уха до уха.

Я делаю глоток вина, внимательно наблюдая за ним.

— Очень надеюсь, что ты нашёл человека, который это сделал.

— Ох... Нашёл. — Он берёт нож со стола, проводит пальцами по его лезвию. — Дело в том, что властью, Камилла, могут управлять только очень плохие люди, а мой отец только *думал*, что он плохой человек. У него было слишком много... — он вонзает нож в стол, и я подпрыгиваю, — сердца.

— Ты убил его? — я выдыхаю, удивлённая волной жалости, которая захлёстывает меня. Мой отец был плохим во всех смыслах этого слова, но я любила его, уважала. Мир Ронана сводится к противостоянию силы и слабости. Сильные против бессильных. Я в восторге от этого, но в каком-то смысле это трагично.

— Это был просто бизнес. — Садистская ухмылка расплзается по его губам, и я вижу, что для него это именно так. Он изучает меня, эти холодные голубые глаза сверлят меня

насквозь, как будто хотят разорвать на части кусочек за кусочком. — Такие люди, как мы с тобой, восстают из пепла, — произносит он. — Именно когда человек находится в самом низу, он находит в себе стремление стать великим, не так ли?

— Мой отец часто говорил, что человек должен упасть лицом в грязь, прежде чем по-настоящему найти себя. Он либо будет лежать там, либо найдёт волю, подобно которой он никогда не знал. — Я знаю по собственному опыту, насколько верно это утверждение. — Но я не могу себе представить, что ты когда-либо был в грязи, Русский.

Он вновь затягивается сигарой.

— Я действительно пришёл с очень *скромных* начал. Но не ты.

Я бросаю взгляд на его дорогой костюм. Я знаю, что он делает — он хочет что-то узнать обо мне, потому что знание — это сила. Я хочу закрыть эту тему, но мне также нужно узнать о нём побольше, поэтому я предлагаю предварительную сделку. Вдыхая, пока его глаза держат меня в плену, я приподнимаю губы.

— Не-а. Наркота и кровь хорошо оплачиваются. Мой отец управлял всем этим, он начал ещё в те времена, когда кокаин даже не касался американской земли. — Я пожимаю плечами и провожу пальцем по доньшку своего бокала с вином.

— Как бы он гордился, узнав, что его дочь руководит картелем Хуареса, а не его единственный оставшийся в живых сын.

— У Габриэля не хватило духу сделать то, что нужно было сделать в те дни, — осторожно говорю я.

— Похоже, у него всё ещё не хватает духу.

— Возможно. — Я бросаю взгляд на Ронана. — Или, возможно, ты его недооцениваешь.

— Ну же, Камилла. — Понимающая улыбка появляется на его губах, когда он поднимает сигару.

— Габриэль такой и есть... временами он эксцентричен.

— Я не хочу говорить о твоём брате или *моём* картеле, — говорит он. — Только о тебе.

Я вздыхаю и постукиваю ногтем по столешнице.

— Что бы ты хотел знать обо мне? — спрашиваю я сквозь стиснутые зубы, моё терпение быстро иссякает.

— Почему огонь?

Я прищуриваю глаза.

— А почему бы и нет?

— Я не пропустил мимо ушей, когда ты сказала, что в этом есть что-то священное, *Красивая*. И я плохо переношу ложь.

— Я не лгала, — отвечаю я. Ронан приподнимает бровь. Ожидает.

Глубоко вздохнув, я на мгновение наклоняю голову вперёд и позволяю воспоминаниям, которые я стараюсь держать похороненными, всплыть на поверхность.

— В первый раз, когда меня схватили враги моего отца, — говорю я, — мне было четырнадцать. Невинная. Наивная. И ты прав, он пришёл не за мной. Они насильовали меня, пытали и сжигали... — я саркастически улыбаюсь. — Это что-то сотворило со мной. Уничтожило меня, но, как ты говоришь, я восстала из пепла более сильной, очищенной, если хочешь. Мне не *нужно* было, чтобы мой отец спасал меня. Я сбежала и сожгла тот дом дотла вместе с моими похитителями внутри, так что да, он могущественный и священный.

— Понято. — Ронан затягивается сигарой, в его глазах пляшет болезненное понимание, прежде чем он замолкает.

Из ниоткуда появляется официантка и ставит наши тарелки на стол, и мы едим в тишине, классическая музыка разносится по ресторану, создавая ироничную музыкальную тему для нашего обеда. Через несколько минут я кладу нож и вилку на свою тарелку с недоеденной едой.

— Почему картель? — говорю я. — Мы оба знаем, что тебе не нужна ничья помощь. — Этот вопрос гложет меня с тех пор, как он забрал меня. Картель могущественен, но Ронан Коул ведёт совершенно другую игру. В этом нет никакого смысла, и всё же я знаю его достаточно, чтобы понимать, что Ронан ничего не делает без причины. Я прищуриваю глаза и делаю ещё один глоток вина. — Хесус рассказал мне о земле, которую пытался купить «тот Русский»...

Он промокает рот салфеткой.

— Я подумал, что это было бы прекрасное место для загородного дома, с его прекрасным озером и жужжащими насекомыми. — Он ухмыляется.

Лёгкий трепет пронизывает мою грудь, ощущение того, что я застала противника врасплох.

— Без сомнения. Очевидно, ты жаждешь более тёплого климата. — Я никогда не видела, чтобы кто-то чувствовал себя в этой замёрзшей пустоши как дома больше, чем этот ублюдок. Там, в том озере, что-то есть. Что-то, чего ему достаточно нужно, чтобы уничтожить целый картель. Ронан откусывает кусочек стейка, и остальная часть обеда проходит без лишних слов.

Официантка приносит счёт. Ронан бросает пачку рублей на стол, вскакивает на ноги и уходит, едва взглянув в мою сторону. Я следую за ним к выходу из ресторана, потому что, что ещё мне оставалось делать? Ледяной воздух обвивает меня, как только я выхожу на улицу. Я прижимаю подбородок к груди, пытаюсь согреться, и натыкаюсь на что-то твёрдое. Ронан резко оборачивается и заключает меня в объятия. На секунду я напрягаюсь. Он сияет, прежде чем крепко обхватить меня рукой за поясницу. Его губы касаются моей щеки, его тёплое дыхание овеивает мою холодную кожу. Я чувствую, словно получаю удар хлыстом от его горячих и холодных эмоций.

— Я никогда не пробовал такой сладкой киски, как у тебя, — шепчет он мне в шею. — И то, как краснеют твои щёки, когда ты кончаешь... это *божественно*.

Моё сердце бешено колотится в груди, когда я медленно поднимаю взгляд. Его голубые глаза пригвоздили меня к месту, когда он провёл кончиками пальцев по моей щеке.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я в замешательстве.

Он отвечает с ухмылкой, которая является чистым грехом, затем наклоняется, пока его губы не оказываются всего в одном дыхании от моих.

— Улыбнись в камеру, маленькая кошечка. — *Камера? Боже, какой же он осёл.* Я толкаю его в грудь, но он отказывается меня отпускать. — Давай не будем ссориться, — говорит он.

— Пошёл ты нахуй, Русский! — Мне удаётся вырваться от него и броситься к машине, но он стоит за мной, смеясь. Водитель спешит ко мне и открывает дверь. Я забираюсь внутрь, за мной следует Ронан, и дверь захлопывается. — Знаешь, — я села, — я не против, чтобы меня использовали, но небольшое ебучее предупреждение, прежде чем ты атакуешь меня на улице, было бы неплохо. — Сердитый выдох вырывается из моих лёгких, но, конечно же, Ронан меня не замечает.

Я хочу подобраться поближе. Мне нужно, чтобы он хотел меня. *Искренне* хотел меня.

Мы оба запутались в схемах поверх схем. Он использует меня, я использую его. Здесь нет никаких линий, только чернильно-чёрные пятна, маскирующиеся под какую-то форму цивилизованной войны.

Так что, похоже, здесь нет никакой чести, лишь грязная тактика.

РОНАН

«No Retreat» — Joe Marson (трек)

Утреннее солнце танцует над моим столом, пока я сижу и смотрю запись с камеры наблюдения, на которой запечатлена спящая Камилла. Я даже наслаждаюсь вот так шпионя за ней... Она ворочалась с боку на бок. Металась. Я откидываюсь на спинку кресла, мне любопытно, о чем она видит сны. Лёгкий трепет пронзает меня, когда она резко выпрямляется на кровати, её грудь неровно вздымается. Я могу лишь надеяться, что я монстр из её ночных кошмаров, это было бы такой честью.

В комнату входит слуга, и я выключаю экран. Я наблюдаю за ним, когда он пересекает комнату, но его глаза по-прежнему устремлены в пол. Не говоря ни слова, он ставит поднос с моей утренней газетой и кофе на край стола и уходит. Я сразу же переключаюсь на раздел о бизнесе, улыбаясь, когда мой взгляд падает на прелестную фотографию, на которой мы с Камиллой возле ресторана, мои губы прижимаются к её нежной шее. На её щеках появляется лёгкий румянец, в котором я нахожу глубокое удовлетворение. Над фотографией заголовок: «Остаётся ли бизнес-магнат Ронан Коул самым завидным холостяком России?»

Я смеюсь. Если бы только эти женщины знали, что на самом деле скрывается за всем этим... На моём столе звонит телефон, и я стону, когда вижу, как на экране высвечивается имя Анастасии. Выдохнув, я принимаю вызов и слышу крик Анастасии, прежде чем подношу телефон к уху.

— Да?

— Зачем тебе это, Ронан? — кричит Ана между всхлипываниями. — Как давно вы с ней встречаетесь?

Я нахожу забавным, что женщина, у которой был роман на стороне, может указывать на меня пальцем.

— Недолго, — отвечаю я. Ещё одно жалкое рыдание передаётся по связи. — Ты не можешь на меня сердиться. Ты замужем, Ана. Замужем! И твой муж знает о нас.

— Но я люблю тебя.

— И что же мне теперь делать? Сидеть и ждать тебя? Ты не можешь оставить его. Он никогда не позволит тебе уйти, я просто пытаюсь...

— Ты спал с ней?

Мой желудок трепещет от возбуждения.

— Ана...

— Ты трахал её?

— Я просто пытаюсь забыть тебя. Моё сердце разбито, Ана, это правда так, потому что я никогда не смогу по-настоящему обладать тобой. — *Ложь. Всё это такая милая, прелестная ложь.* — Я больше не могу этого делать, — говорю я и вешаю трубку. Любовь — это жалкая эмоция, которой слишком многие люди позволяют управлять собой.

Улыбаясь, я беру телефон и набираю номер Игоря. Раздаётся один гудок.

— Да, босс? — говорит он.

— Когда будет готов самолёт для вылета в Китай?

— Два часа.

— Очень хорошо. Запри котёнка, пока меня не будет, хорошо?

— С удовольствием, — отвечает он, и я вешаю трубку.

Телефон снова гудит, на экране высвечивается имя Аны. Я отключаю звонок, барабанию пальцами по столу и размышляю о том, что на самом деле правит миром — деньги или любовь. В конце концов, любовь — это то, за что велось множество войн, и притворяясь, что это эмоция, на которую я способен, я сам развязал много войн. Возможно, именно так я начну и эту...

Маленький китаец пропускает нас с Донованом через металлические двери. Мы идём по длинному коридору к другому ряду дверей. Раздаётся звуковой сигнал, двери распахиваются в тёмную комнату, и оттуда доносится запах пороха. Загорается свет, и я делаю глубокий вдох, сияя. Комната до краёв забита ящиками с боеприпасами.

— Так приятно видеть, что поставки из Мексики стабильны, — говорю я.

Нас ведут в другую комнату, и мужчина вводит пароль, прежде чем замок щёлкает. Дверь открывается, и облако холодного тумана клубится в дверном проёме, когда мы входим внутрь. Прохладный воздух пробуждает меня, и затем мой взгляд останавливается на трёх маленьких стеклянных коробочках, стоящих посередине стола. Внутри каждой коробки находится серебристая торпеда размером не больше ноутбука. Моё сердце учащённо бьётся, возбуждение разливается по крови, как смертельная доза героина.

В комнату входит ещё один мужчина в белом лабораторном халате, откашливается и протягивает мне руку.

— Я Чен Су. Очень приятно познакомиться с вами, мистер Коул. — Я пожимаю ему руку, мои глаза всё ещё прикованы к блестящим предметам. Честно говоря, я едва сдерживаюсь. — Мощность каждой бомбы, — говорит он, — составляет сто пятьдесят мегатонн. В два раза больше, чем у самого крупного ядерного оружия, когда-либо взорванного. Дьявольская пыль, которую вы добывали, оказалась очень мощной. — Он сияет, довольный собой.

— Замечательно, — отвечаю я, подходя к краю стола. Мужчина неловко ёрзает, и я поднимаю взгляд.

— Они очень чувствительные, — предостерегает он.

Я с усмешкой провожу пальцем по краю гладкого стекла.

— Ещё лучше. Мне не терпится понаблюдать за испытательным взрывом; это должно быть так весело. — Донован хихикает рядом со мной. — Вы учёный, ответственный за разработку, верно?

Мужчина кивает.

— И больше ни у кого нет доступа к этой формуле, верно? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

— Ни у кого, как вы и просили.

— Очень хорошо. Мне понадобятся файлы, патентные документы и тому подобное на случай, если с вами случится что-то ужасное. — Я улыбаюсь, и он неловко переминается с ноги на ногу, переводя взгляд с меня на Донована и обратно. — Ну что ж, тогда будем готовиться к демонстрации? — говорю я, хлопая в ладоши.

Выдохнув, Чен кивает и указывает на дверь. Мы возвращаемся в коридор. Моё лицо пылает от предвкушения, и не буду врать, в моей походке появилось немного бодрости.

— Ты довольно жизнерадостный, — произносит Донован.

— Конечно, это ведь день, которого я ждал семь лет.

Мы следуем за Ченом по узкому коридору, минуя команду за командой мужчин в лабораторных халатах. Наконец, нас ведут в комнату отдыха. На дальней стене висит большой плазменный телевизор с изображением бесплодной пустыни и голубого неба.

Я сажусь за стол, складываю руки на коленях и смотрю на экран.

— Чжун Хва знает, что его страна собирается взорвать кратер в пустыне Гоби в качестве демонстрации силы для китайцев? — я говорю с Донованом по-русски, чтобы маленький учёный меня не понял.

Донаван кивает. Волна восторга пронизывает меня насквозь. Пешка за пешкой я расставлял людей — очень коррумпированных людей — на руководящие посты, обещая деньги. Антон, Чжун Хва, вскоре американский президент... Всё работает как оркестрованная симфония, и я главный дирижёр. В конце концов, чтобы создать фальшивую войну, требуется очень много усилий.

— Ох, — говорю я, — и как же все разозлятся. Ядерные боеголовки в наши дни — такое табу.

В комнате звонит телефон, и мужчина отвечает на звонок, крича что-то по-китайски, прежде чем снова положить трубку. Он указывает на экран, я смотрю и в моём животе порхают бабочки. Внезапно экран заливают яркий свет. Раздаётся громкий хлопок, и через несколько секунд пол здания, в котором мы находимся, сотрясается. Мои щёки болят от улыбки. Адреналин бурлит во всём теле, когда я с тревогой наблюдаю за исчезновением помех на экране. В течение нескольких секунд на мониторе появляется пикселизированное изображение, а затем медленно фокусируется, демонстрируя вид места взрыва с высоты птичьего полёта. У меня сжимается грудь, и я вскакиваю со своего места, опрокидывая стул, когда делаю шаг к телевизору. Сквозь облако пепла и дыма я могу разглядеть почерневшую землю. Земля проносится под беспилотником, но она вся выжжена. Всё разрушено. Мили и мили разрушений. Это оружие, которое захотят заполучить все крупные игроки власти, когда узнают, что оно находится во владении их врага. Потому что я позабочусь о том, чтобы враги его получили... Я бросаю взгляд на Чена.

— Где вы храните свои файлы?

— Они заперты в моём кабинете.

Донован встаёт, и я поправляю свои запонки, когда он приближается к маленькому учёному. Он хватает его за плечи и разворачивает, быстро вонзая лезвие в яремную вену. Мужчина держится за шею, хватая ртом воздух, когда кровь струится сквозь его пальцы. Он сгибается, и его колени с глухим стуком ударяются об пол, прежде чем он падает лицом на кафель.

— Какой стыд уничтожать такого гения, но... — я перевожу дыхание: — Никогда нельзя быть слишком осторожным со своими секретами.

Донован начисто вытирает лезвие ножа носовым платком, и мы направляемся к двери.

— Захвати файлы из его кабинета, — говорю я, бросая последний взгляд на великолепное изображение на экране.

КАМИЛЛА

«*Trouble*» — *The New Respects* (трек)

Ронана не было два дня. И вот уже два дня я заперта в этой чёртовой комнате!

Я расхаживаю по комнате, как зверь в клетке, вылезая из кожи вон. Я должна поговорить с Габриэлем, а этого не произойдёт, пока Ронан будет здесь. Я подумывала воспользоваться одноразовым телефоном, который спрятала в бачке унитаза, но я всё ещё не могу быть уверена, что это не Ронана. Мне нужно выйти и пойти к другому телефону. Сейчас же. Пока его здесь нет. Он сам сказал, что у его людей приказ не убивать меня. Забавно, я могу пройти мимо тех, у кого оружие, но безоружный человек в костюме останавливает меня на полпути.

Раздаётся стук в дверь. Замок щёлкает, и я наблюдаю, как один из людей Ронана вносит поднос в комнату. Он бросает нервный взгляд в мою сторону, и я сажусь на край кровати. Улыбаясь, я закидываю одну ногу на другую, и моё платье задирается вверх по бедру. Его взгляд опускается на мои ноги, прежде чем он быстро отводит взгляд. Я пробыла здесь достаточно долго, чтобы узнать всех мужчин, которые входят сюда и выходят. Этот человек молод, неопытен. Слабое звено. Можно было бы подумать, что после моего маленького костра они будут более осторожны с тем, кого сюда посылают.

Он поворачивается ко мне спиной и ставит поднос на прикроватный столик — как я уже сказала, неопытный. Я быстро встаю и на цыпочках подхожу к нему. Толстый ковёр приглушает мои шаги, поэтому я удивляюсь, когда он резко оборачивается, его тело напряжено. Я перекидываю волосы через плечо, протягиваю руку и провожу пальцем по центру его груди. Он бросает взгляд на руку, опускающуюся к поясу его брюк. Его дыхание становится прерывистым, глаза закрываются — это ошибка. Я тычу ему двумя пальцами в горло и бью коленом между ног. Он оседает на пол, хватая ртом воздух. Он так молод. Мне практически становится не по себе, когда я подхожу к нему сзади и обвиваю рукой его шею. Он задыхается и хрипит, когда я хватаю его за макушку и сильно выворачиваю. За удовлетворительным хрустом кости следует тишина, и он падает на ковёр лицом вниз. Да, чувство вины иногда играет важную роль, но также важен и тот факт, что следует остерегаться компании, с которой ты связываешься. Работа с такими людьми, как Ронан Коул, тебя убивает.

Я бросаю взгляд на ёбаную камеру в углу комнаты. Не знаю, сколько у меня времени, поэтому проверяю, нет ли у него оружия. Пистолета нет, но есть нож.

Достаю из шкафа меховую шубу длиной до колен и натягиваю пару сапог. Моё сердце бешено колотится в груди. В последний раз я вышла, потому что была зла и хотела позлить Ронана. Сейчас совсем другое дело. Я не хочу устраивать кровавую баню; мне просто нужно убраться отсюда. Дверь скрипит, когда я медленно открываю её и выглядываю в коридор. Пусто, поэтому я поспешно выхожу и пробираюсь по дому, крадучись вдоль стен и стараясь избегать мест с камерами. Вход усиленно охраняется со времён моего последнего побега. И хотя до машин легко добраться, мне пришлось бы отбиваться от целой армии, как только я села бы в одну из них. Задний выход — лучший вариант.

Я спешу по коридору, останавливаюсь у лифта и нажимаю стрелку вниз, прежде чем скрыться за углом. Моя ладонь покрывается потом, когда я сжимаю нож в руке. Думаю, что

до сих пор мне удавалось избегать камер, но они увидят тело в моей комнате... Раздаётся звуковой сигнал, и я слышу, как открываются двери. Я жду, прислушиваясь, не выйдет ли кто-нибудь, но вокруг лишь тишина. Я выскакиваю из-за угла и проскальзываю в угол лифта. На каждом этаже, который я проезжаю, раздаётся звуковой сигнал, и когда двери открываются, я оказываюсь в подвале. Вдоль дальней стены тянутся стальные гаражные ворота, а в каждом отсеке стоят ряды роскошных автомобилей.

У Русского и вправду слишком много денег.

Оглядевшись, я замечаю на стене коробку с ключами и подхожу к ней, умудряясь открыть замок кончиком ножа. Мой пульс отдаётся в ушах, когда я выхватываю ключ и нажимаю кнопку разблокировки. Вспыхивают фары ярко-красного «Ягуара», по гаражу разносится негромкое чириканье, и я спешу к нему. Не совсем незаметная машина, но, по крайней мере, быстрая. Я забираюсь внутрь, заводжу двигатель и оглядываюсь в поисках пульта от ворот гаража.

Чёрт возьми, здесь его нет.

Раздаётся резкий свистящий звук, за которым следует ещё один. Пули рикошетят от машин вокруг меня. Я нажимаю на газ, и двигатель урчит, рыча, как разъярённый зверь.

— Мне жаль, — говорю я и включаю передачу. Машина рванулась вперёд, а я напряглась, закрыв глаза, когда она врезалась в ворота гаража. Лобовое стекло трескается и прогибается, но не разбивается. Петли гаражных ворот протестующе скрипят, когда их начинают отрывать от направляющих. Я давлю на газ, шины крутятся, двигатель набирает обороты. Как только искорёженные двери скребут по крыше машины, я вдавливаю педаль газа в пол. Машину заносит, она заезжает за дом, прежде чем я набираю скорость. Когда я приближаюсь к караульному помещению, начинают стрелять из пистолетов, но люди целятся не в меня.

Ронан и его приказы «не убивать».

Я врезаюсь в парадные ворота, снег летит во все стороны, когда металлический вход срывается с петель.

Смотрю в зеркало заднего вида. Вереница внедорожников въезжает на подъездную дорожку вслед за мной. Я жму ногой на газ, и они отстают.

Обогнать их будет нетрудно.

После нескольких резких поворотов я теряю их из виду. Я еду около часа и, когда чувствую, что стало безопасно, подъезжаю к заправочной станции. Заправочные колонки здесь заржавели, а реклама на покрытых льдом витринах выцвела. Я не утруждаю себя выключением двигателя, прежде чем открыть дверь и побежать в магазин. Звенит дверной колокольчик, и я останавливаюсь в дверях, оглядывая захламлённый магазин. Моё дыхание туманится у меня перед лицом.

Никакого отопления.

Кто-то кашляет, и я поворачиваюсь на звук, обходя стеллаж. За прилавком сидит старик, закутанный в толстое пальто, шапку и перчатки. Он поднимает на меня усталые глаза.

— Телефон? — спрашиваю я. Он хмурится, глядя на меня.

Чёрт возьми.

Испанский и английский — это всё, что я знаю. Я прижимаю руку в универсальном знаке телефона, и он кивает, прежде чем махнуть мне за стойку. Он указывает на пол, на старый телефон. Я поднимаю трубку и набираю номер Гейба. Телефон звонит несколько раз, и я тихо ругаюсь. У меня есть ровно столько времени, чтобы совершить это до того, как

Ронан найдёт меня, потому что он обязательно *найдёт* меня.

Наконец Гейб берет трубку.

— Привет.

— Гейб!

Он замолкает на секунду.

— Где этот ебучий Русский?

— Не здесь, но это ненадолго. Я не могу *поверить*, что ты продался ему, — вздыхаю я. Сейчас это не важно. — Послушай, мне нужно, чтобы ты выслушал меня. Земля с озером... вот зачем мы ему нужны. Там что-то есть. Он пытался выкупить её у Хесуса. Забавно, что сразу после он внезапно заключает с тобой сделку, чтобы убрать Хесуса... Найди его и используй то, чего он так сильно хочет, чтобы вытащить нас из-под этого Русского ублюдка.

— Какая земля? В грёбаной Мексике миллион озёр!

— Эстральядо Лаго.

— Какого хуя ему нужно от метеоритного кратера? Ай, ай, ай. Он грёбанный псих. Клянусь богом, когда я выберусь из-под его влияния, я засуну его бледный член ему в жопу.

— Не знаю. У меня не было возможности спросить его, в чём заключается его генеральный план по захвату мира. Чёрт! Просто сделай это.

— Ты выберешься.

— Гейб, — вздыхаю я. — Не уверена, что выберусь из этой передраги. — Повисает пауза. — Ты должен был просто позволить ему убить меня, Габриэль. Ты показал ему слабость, и теперь он воспользуется преимуществом. Папа лучше обучал тебя.

— Я не позволю этому Русскому ублюдку убить тебя, Камилла.

Я бы тысячу раз сказала Ронану, что пожертвовала бы Габриэлем ради своего картеля. Это то, чему учил нас наш отец: никогда не вести переговоров и не проявлять слабость. Правда в том, что иногда чувства — это всё, что у нас есть. Я люблю Габриэля. Он единственный человек, который у меня остался, и я слишком хорошо знаю, что в этом мире может быть слишком одиноко.

— Мне нужно идти, — шепчу я. — Я люблю тебя.

Я никогда не говорю этого, но я не знаю, когда и будет ли у меня когда-нибудь ещё такой шанс. Я не жду ответа; просто вешаю трубку. Старик секунду пристально смотрит на меня, и я встаю, улыбаясь ему в знак благодарности. Я сделала то, что мне нужно было сделать, теперь мне просто нужно дождаться, пока люди Ронана найдут меня, что не займёт много времени. Я забираюсь обратно в потрёпанный «Ягуар» и направляюсь в Москву. С таким же успехом можно было бы создать из этой ситуации приятны день.

РОНАН

«Living Dead Girl» — Rob Zombie (трек)

Я выхожу из самолёта, прощаюсь с Донованом и направляюсь к ожидающей машине. Игорь стоит рядом с открытой дверью с серьёзным выражением лица.

— Она сбежала, — говорит он, когда я наклоняюсь, чтобы забраться в машину.

— Прошу прощения?

Дверца захлопывается, и машина трогается с места.

— Камилла сбежала.

— Ты так говоришь, будто она какая-то бродячая собака, — я стону. — Насколько трудно удержать одну женщину запертой в комнате? Скольких мужчин она убила на этот раз? — меня не должны возбуждать мысли о гневе, клубящемся в её глазах, когда она впадает в убийственную ярость, но это возбуждает.

— Одного, и она угнала машину.

— Конечно же, она так и сделала.

— У нас есть GPS-координаты. Она в Москве.

— И... почему за ней никто не пошёл? — у меня только что был самый духовный момент в моей жизни с ядерным оружием только для того, чтобы он был испорчен уровнем некомпетентности, который я не могу понять.

Он ёрзает на сиденье.

— Мы подумали, что будет лучше, если ты займёшься ею.

Я достаю телефон из кармана и включаю GPS. Маленькая красная точка мигает прямо за пределами Кремля. Конечно, она не прячется. Она умнее этого.

Полчаса спустя машина въезжает на переполненную стоянку. Через окно я вижу свой «Ягуар». Капот разбит, по бокам вмятины, а сзади красуется множество пулевых отверстий. Вот *это* меня злит.

Прежде чем успеваешь вылезти водитель, я распахиваю дверь и выхожу на холодный ветер. Игорь открывает свою дверь, и я поднимаю палец, останавливая его.

— Оставайся здесь, Игорь, — говорю я, запахивая пальто и направляясь вниз по заснеженному тротуару. Я заворачиваю за угол, протискиваюсь между группой женщин и вижу Камиллу, стоящую у ворот Кремля, одетую в шубу, спиной к улице.

Она сделала это только для того, чтобы испытать меня. Чтобы испытать возбуждение.

У меня сводит челюсть, и я закрываю глаза. Она жаждет моего гнева, так что она его не получит.

— На сегодня тебе достаточно осмотра достопримечательностей и убийств? — спрашиваю я, подходя к ней сзади.

Она оглядывается через плечо, и прядь тёмных волос падает ей на одну сторону лица.

— Это был только один парень. Я просто хотела посмотреть Москву. Мне не нравится, когда меня запирают, как бунтующего ребёнка.

Я изучаю её лицо. Огонёк бесстрашия, танцующий в её глазах, возбуждает меня, и я скорее наслаждаюсь этим вызовом... Это даёт мне гораздо большее, чем простое возбуждение, и мне нужно немедленно покончить с этим. Я крепко хватаю её за локоть и

иду, таща её за собой, направляясь к машине. Игорь ждёт с открытой дверью, и я вталкиваю Камиллу. Я забираюсь внутрь, за мной Игорь, и когда машина отъезжает, она с улыбкой показывает в окно.

— Сожалею о твоём «Ягуаре», — молвит она. — Это была хорошая машина.

Я достаю из кармана пиджака сигару и закуриваю, глядя на неё, пока дым струится перед моим лицом.

Она поднимает руки.

— Просто вычти сумму из доли Гейба в... чём бы то ни было.

Кровяное давление неуклонно повышается ступенька за ступенькой. Она не знает, когда нужно держать рот на замке, и существует тонкая грань между развлечением и раздражением. Часть меня ничего не хочет так сильно, как научить её, что означает настоящий страх, чтобы я вернулся к своим корням и обагрил руки в крови; затем часть меня хочет трахать её, пока я душу её, подводя Камиллу к самому краю смерти, пока я погружаюсь глубоко в неё. То, чем всё это закончится в конце концов, станет сюрпризом для нас обоих, в этом я уверен.

Я бросаю взгляд на Игоря.

— Она говорит, что я обращаюсь с ней как с непослушным ребёнком, — произношу я, ухмыляясь и глядя на Камиллу. — Она не ценит то, насколько я был добр, предоставив ей такое роскошное жильё, так что, возможно, она оценит, если я буду обращаться с ней как с заложницей, которой она на самом деле является. — Я провожу пальцем по её щеке. — Хотя я буду скучать по твоему хорошенькому личику.

Камилла знает, что у неё неприятности, но всё же высоко держит голову. Она действительно носит своё высокомерие, как корону. О, как весело ей будет в холодном подвале со всеми теми бедняжками. Я бы солгал, если бы мысль о её страданиях не доставляла мне абсолютного удовольствия. Я болен, возможно, даже ужасно, но какой хороший человек оказался бы на моём месте? Я бы в любой из дней выбрать власть над моралью.

Прошло два дня с тех пор, как Камиллу отвели в старое бомбоубежище под домом. Два дня тишины. Я сижу с бренди и сигарой в руке и смотрю новости. Итак, похоже, что пустыня Гоби подверглась бомбардировке одним из врагов Китая несколько дней назад. Какой ужасный ужас.

К чему катится этот мир?

Я ловлю себя на том, что улыбаюсь.

Моё внимание отвлекается от кровавой бойни, когда дверь в гостиную со скрипом открывается. Игорь входит в комнату, его щёки покраснелись, к уху прижат телефон.

— Убей их, — говорит он перед тем, как повесить трубку.

— Что случилось на этот раз? — спрашиваю я, делая глоток бренди.

— Последняя партия Дьявольской пыли была украдена.

Мои зубы скрежещут друг о друга, в шее нарастает напряжение.

— Ты отследил? Где она?

— В одном из конспиративных домов Эстрады.

Я смеюсь. Конечно же. Забавно, что всего через два дня после побега его сестры партия предположительно бесполезного порошка пропадает и оказывается в доме её глупого брата. Гнев горячит мою кровь, обвиваясь вокруг меня, пока я смотрю сквозь Игоря.

— Ты приказал кому-нибудь задержать его?

— Да, босс.

Я с трудом сглатываю, прежде чем подняться на ноги и разгладить складки на рубашке.

— Я собираюсь навестить её.

Я едва сдерживаю свой голос. Её полное пренебрежение к собственной жизни безмерно восхищает меня. Камилла — само воплощение безрассудства. Она не контролирует себя, и для меня это как афродизиак, потому что, когда нет страха, нет заботы о себе, возможности того, что я мог бы с ней сделать, бесконечно велики.

КАМИЛЛА

«*Bad Habit*» — *The Kooks* (трек)

Аварийные огни мигают над головой, прежде чем полностью погаснуть. Один за другим они с жужжанием возвращаются к жизни, освещая весь подвал до самого конца. Я полагаю, больше похоже на бомбоубежище, заполненное кроватями и по меньшей мере двадцатью людьми. Я сижу, прислонившись спиной к холодной стене и вытянув ноги на шаткой койке, привинченной болтами к полу, и наблюдаю за каждым из них. Интересно, что они сделали, чтобы попасть в список дерьма Ронана Коула?

Держу пари, они не разбивали его машину, не убивали его людей и не сбегали.

Меня пробирает дрожь, и я кутаюсь в колючее шерстяное одеяло. Оно раздражает мою кожу, но я всё равно улыбаюсь, потому что получила реакцию. Ронан справился с этим единственным доступным ему способом — удалив меня из его присутствия. Я лишь надеюсь, что Габриэлю удастся что-нибудь найти, потому что, честно говоря, я не знаю, сколько ещё смогу находиться лицом к лицу с этим человеком, прежде чем сорвусь. Я хочу убить его, я хочу причинить ему боль, я хочу покончить со всем, чем он является и что у него есть, но... Тот необузданный авторитет, которым он владеет с такой лёгкостью — как магнит для кого-то вроде меня. Вполне возможно, он единственный мужчина, который по-настоящему бросает мне вызов, и такой шанс один на миллион. Я наблюдаю за тем, как он владеет всеми, и я жажду его владения каждой частичкой так же сильно, как и ненавижу. Я не из тех женщин, которые верят в любовь или даже похоть, но дикий животный магнетизм... *это* Ронан Коул. В этом нет ничего рационального или чертовски разумного, просто чистая, неподдельная первобытная потребность. Я хочу покорить альфа-самца. И всё.

Щелчок отодвигаемого засова на двери привлекает моё внимание. Петли скрипят, когда дверь медленно открывается. Свет льётся через дверной проём, вырисовывая силуэт самого дьявола в костюме. Ронан щёлкает пальцами, и в комнату входят двое мужчин, приближаются ко мне и хватают за обе руки. Меня заставляют подняться на ноги, и они провожают меня до двери, останавливаясь прямо перед Ронаном. Он смотрит на меня сверху вниз, холодные и абсолютно неумолимые голубые глаза встречаются с моими.

— Ронан. — Я наклоняю голову набок и перебрасываю свои спутанные волосы через плечо.

Его челюсть сжимается, и мускул напрягается, прежде чем он поворачивается и уходит. Мужчины протискиваются в дверной проём, дверь за мной захлопывается с тяжёлым стоном. Меня ведут вверх по лестнице в холл. Щурясь от яркого света, я наблюдаю, как Ронан исчезает в коридоре. Наконец, после долгих перипетий, меня вталкивают в комнату вслед за ним.

Мужчины уходят, закрывая двери, и тишина опускается подобно зловещему туману. Обстановка в комнате скудная: несколько кожаных диванов и бильярдный стол в дальнем конце. Я стою у двери, пока Ронан подходит к открытому камину, который с рёвом разгорается. Он наблюдает за ним одно мгновение, напряжение нарастает, как в ожидании извержения вулкана. Он сцепляет руки за спиной и пересекает комнату, усаживаясь в одно из кожаных кресел. На маленьком столике рядом с ним разложена шахматная доска, и он берёт с доски фигуру и изучает её. Его молчание заставляет мой желудок нервно

скручиваться.

— Почему ты не ценишь свою жизнь? — спрашивает он, не глядя на меня. Я слышу напряжение в его голосе.

— Я бы не сказала, что я её не ценю. — Я подхожу к камину и смотрю на языки пламени, которые лижут поленья. — Просто некоторые вещи важнее. — Я бросаю на него взгляд через плечо.

— То есть, — он кладёт шахматную фигуру обратно на доску и разглаживает рукой перед рубашки, — ты хочешь сказать, что предпочла бы, чтобы я убил тебя? — он улыбается.

Я пожимаю одним плечом и делаю вдох. Его лицо кажется спокойным, но именно в этом жутком спокойствии ощутим его гнев. Я могу только рискнуть предположить, что Гейб сделал то, о чём я просила. В конце концов, Ронан не злится. Это ниже его достоинства. Потребовалось бы что-то важное, чтобы так разозлить его.

— Нет. Но не обольщайся, я скорее умру, чем прогнусь и буду изображать беспомощную сучку.

— Ох, — из его груди вырывается болезненный смешок, — ты ни разу не разыгрывала беспомощную сучку с тех пор, как приехала сюда. Но, я скажу, — он поднимается на ноги, — ты очень хорошо сыграла роль *глупой* сучки. — Он подходит ко мне, проводя пальцами по стене рядом с камином, не сводя с меня глаз. — Разве не так? — говорит он, и моё сердце пускается вскачь.

— Это вопрос мнения, — отвечаю я, внимательно наблюдая за ним.

Он снова смеётся, когда тянется за чем-то, и прежде чем я успеваю осознать, что он делает, я чувствую тёплый металл на своём горле. Он прижимает меня к стене, отражение огня танцует в его глазах. Его челюсть дёргается, и давление на моё горло усиливается, когда он наклоняется ко мне. Я борюсь за дыхание, хватаясь за металлическую кочергу, которую он приставил к моему горлу, давлюсь и задыхаюсь, когда он толкает меня вверх по стене, пока мои ноги не отрываются от пола.

— Это вопрос мнения, Камилла? Потому что я бы подумал, что заставить твоего брата забрать мой груз было *не чем иным*, как глупостью. У тебя было достаточно времени рядом со мной, чтобы узнать меня, верно?

Моё зрение затуманивается, а глаза наполняются слезами. Я вцепляюсь в него ногтями, во всё, до чего могу дотянуться. Мой пульс стучит в ушах, как нежелательный сигнал тревоги.

Садистская ухмылка расплзается по губам Ронана, прежде чем он наклоняется к моему уху.

— Я думал, ты не боишься смерти, маленькая кошечка, — смеётся он, прежде чем вышвырнуть кочергу и бросить меня на пол.

Я кашляю и потираю повреждённое горло.

— Так держать. — Я снова кашляю, делая несколько глубоких вдохов. — Я не могу нести ответственность за то, что делает Габриэль.

— Ты убила моих людей, испортила одну из моих машин. — Ронан смотрит на меня сверху вниз. — А потом ты, очевидно, связалась со своим братом. Это никак не было связано с Габриэлем. — Он наклоняется, хватая меня за волосы и поднимает на ноги. — Но теперь это так... — он тащит меня к стулу и усаживает как раз в тот момент, когда открывается дверь. Игорь входит с открытым ноутбуком и кладёт его на бильярдный стол, разворачивая лицом ко мне.

Там, на экране, Габриэль. Оба его глаза опухли и закрыты, а лицо залито кровью. Мужчина бьёт его кастетом. Голова Гейба мотается в сторону, и он сплёвывает кровь, прежде чем рассмеяться.

— Привет, сестрёнка, — ухмыляется он.

— Дерьмово выглядишь, — говорю я.

— Эх, ёбаные Русские шлюхи.

Какой-то парень бьёт его кулаком в живот. Гейб наклоняется так, что я его не вижу, и задыхается. Я почти уверена, что его тошнит. Они продолжают избивать его, и я заставляю себя не реагировать, хотя вид того, как моему брату больно, задевает что-то глубоко внутри меня. Я сжимаю челюсти.

Это та жизнь, которую мы выбрали. Я должна смириться.

Ронан стоит позади меня, его палец медленно проводит по моей покрытой синяками шее. Он наклоняется к моему уху.

— Мне так нравится, как выглядят синяки на твоей загорелой коже, — шепчет он. — Такая хорошенькая, маленькая кошечка. — Мурашки пробегают по моему телу, когда его тёплое дыхание касается моего горла.

Парень толкает Габриэля обратно в кресло и хватает его за волосы, заставляя смотреть в камеру. Прямо на меня. Ронан наматывает мои волосы на запястье и поворачивает мою голову в сторону. Его губы скользят по моей шее, и Габриэль рычит на видео. Я заставляю себя оставаться неподвижной. Я не уверена, то ли это потому, что я хочу отстраниться от Ронана, то ли прижаться к нему. Я не доверяю себе рядом с ним... особенно в присутствии моего брата. Рука Ронана скользит по моему плечу, по ключице, прямо к верхней части груди, а затем он покусывает моё ухо.

— На днях твоя розовая киска выглядела такой хорошенькой, обхватив ствол моего пистолета. — Он выдыхает. — Заставляет меня думать, что я сам хочу тебя трахнуть.

Я секунду смотрю на Гейба, надеясь, что он поймёт, что я собираюсь сделать, прежде чем повернусь лицом к Ронану. Наши губы соприкасаются, и я опускаю взгляд на его губы.

— Ты не трахнешь меня, Русский. Это слишком угрожает твоему драгоценному самообладанию, — молвлю я, прежде чем провести языком по нижней губе.

Смеясь, он проводит языком по моему горлу.

— Я мог бы попросить одного из своих мужчин трахнуть тебя, пока я наблюдаю. Пока ты будешь кричать, умоляя меня заставить их остановиться.

— О, пожалуйста, Ронан, — я закатываю глаза. — Нет. — Я прикладываю руку к груди, и он выходит из-за моей спины.

— Габриэль, — говорит он как раз перед тем, как мужчина на экране снова бьёт моего брата. — Ты был таким послушным слугой. Я собираюсь заняться твоей сестрой, пока мои люди позаботятся о тебе. В следующий раз я перережу ей горло и позволю другим картелям разобраться с человеком, который продался, как бы это сказать? — он постукивает пальцем по подбородку: — Этому ёбаному Русскому?

Игорь закрывает экран, берёт ноутбук со стола и уходит, закрыв за собой дверь. Ронан поворачивается ко мне, улыбаясь, расстёгивает запонки и тщательно закатывает белые рукава своей рубашки до локтей.

— Итак, как мне наказать за бесстрашие? — спрашивает он, усаживаясь за шахматную доску. Он берёт пешку, крутит её в руке, прежде чем поставить на доску. — Изнасилование ничего не даст, так что об этом не может быть и речи... — он передвигает ещё одну

шахматную фигуру. — Пытки? — он пожимает плечами. — Переоценены, тебе так не кажется?

Я пересекаю комнату и сажусь напротив него.

— Мне кажется, что они эффективно действуют на слабых.

Он приподнимает бровь, прежде чем расстегнуть пуговицы на своей рубашке.

— Ты не слабая.

— Нет. — Я смотрю на него сквозь ресницы и улыбаюсь.

— Раздевайся, — говорит он.

Я гляжу на него немного дольше положенного. Только что он хотел убить меня, а теперь хочет, чтобы я разделась. Если он хочет унижения, то будет горько разочарован. Я встаю и хватаюсь за подол слишком большой рубашки, которую Игорь бросил в меня, когда кинул в тот подвал. Под ней я голая, так что это короткий стриптиз. Она падает к моим ногам, и я приподнимаю бровь, глядя на него, прежде чем сесть и скрестить ноги.

— Знаешь, есть гораздо более захватывающие способы раздеть девушку.

Самодовольная улыбка появляется на губах Ронана, когда его взгляд скользит по моему обнажённому телу.

— Тебе нравится секс, Камилла?

— Нет. — Я бросаю на него недоверчивый взгляд. — Я чёртова девственница.

— Тебе нравится, когда мужчина душит тебя сзади, пока трахает тебя, когда он обращается с тобой как с грязной шлюхой? — он ухмыляется. — Я бы предположил, что это так.

— Я не *позволяю* мужчине ничего, что он не смог бы вынести... — я прищуриваю глаза и медленно провожу пальцем по своему обнажённому бедру. — Ты не мог бы принять это, Ронан? Я бы предположила, что ты смог бы.

— Я беру всё, что хочу, Камилла. Тебе следовало бы знать лучше. — Он вскакивает на ноги и медленно обходит меня сзади, убирая волосы с моей шеи. — Тебе следовало бы.

— Может быть, мне просто нравится, чтобы суть была доведена до конца.

Мне не должно это нравиться; я должна ненавидеть в нём всё. Он только что избил моего брата у меня на глазах, но мне нравится вся эта жестокость. Мне нравится, как он безжалостно проявляет свою железную волю. Мне нравится пульсация в горле, и я могу представить, как там уже образуется симпатичный синяк. Мне нравится, что он отметил меня в тот особенный момент, когда потерял контроль над собой. Мне нравится иметь такую власть над ним, точно так же, как он имеет власть надо мной.

Ронан хватается меня за волосы, сжимая их в кулаке, и откидывает мою голову назад с такой силой, что мои зубы стучат друг о друга.

— Так вот почему ты такой дерзкая? Хм-м? — он наклоняется, проводя носом по моей шее, вдыхая и постанывая. — Потому что тебе нравится грубость?

— Может быть, мне просто нравится бросать тебе вызов, чтобы посмотреть, что ты будешь делать. — Я поворачиваюсь к нему лицом. Моя кожа головы кричит в знак протеста против его непреклонной хватки на моих волосах. — Наблюдать, как ты теряешь контроль... это было бы так прекрасно. — Его дыхание овеивает моё лицо, и я сдерживаю стон, когда меня окутывает пьянящий запах его одежды, пропитанной сигарами. Я бы хотела, чтобы он не влиял на меня, но это так, и я отказываюсь быть жертвой. Ронан отпускает мои волосы, и я встаю, огибая стул и прижимаясь к нему всем телом. — Так совершенно сводяще с ума.

Его губы прижимаются к уголку моего рта.

— Если я потеряю контроль, всё вокруг меня сторит, *Красивая*.

Мой пульс бешено колотится по венам.

— Я действительно люблю огонь, — шепчу я. Его руки скользят по моим бокам лёгким прикосновением пёрышка, прежде чем он наклоняется и прикусывает мою губу достаточно сильно, чтобы выступила кровь. Его язык скользит по повреждённой плоти, и тихий стон вырывается из его груди.

— А я действительно люблю вкус крови.

Его пальцы впиваются в мои бёдра, и он подталкивает меня через всю комнату. Я ловлю себя на том, что фантазирую о том, каково было бы, если бы он трахнул меня, чтобы он полностью доминировал надо мной, разрушил меня. Такой человек, как Ронан Коул, обладающий такой властью, такой порочностью, текущей в его венах, — это, несомненно, был бы лучший опыт всей моей жизни. Мои ноги ударяются о гладкое дерево бильярдного стола, и он хватает меня за талию, приподнимая и усаживая на край. Я сглатываю, пытаюсь успокоить свой учащённый пульс.

— Я только что подверг пыткам твоего брата. — Он встаёт у меня между ног, тесня меня. — Я только что прижал тебя к стене и заставил раздеться для меня. Ты знаешь, что я монстр, и всё же я знаю, что прямо сейчас ты вся мокрая от желания, Камилла.

Я провожу рукой вверх по его груди и по затылку.

— И кем же это меня делает? — спрашиваю я, поддаваясь своей зависимости и покусывая его челюсть.

— Больной. — Он проводит губами по моей щеке, крепче сжимая мои бёдра. — Такой серьёзно больной, маленькая кошечка.

Мои пальцы вдавливаются в его шею, пока я не убеждаюсь, что ногти впиваются в его кожу. Дорогой материал его рубашки касается моей обнажённой груди, и мои соски болезненно напрягаются. Наши губы так близко; я могла бы наклонить подбородок и поцеловать его. Я прижимаю свободную руку к нижней части его живота и скольжу вниз, пока не обхватываю очень большой, очень твёрдый член. Я царапаю ногтями материал его штанов, и низкий рык вырывается из его горла, когда его член дёргается.

— Это единственная настоящая существующая власть, Ронан, — говорю я с улыбкой.

Понимающая усмешка появляется на его губах, когда его пальцы танцуют по моей груди, животу, бёдрам. Я борюсь с собой, чтобы не раздвинуть бесстыдно ноги и не пригласить его войти, потому что я хочу, чтобы он прикоснулся ко мне. И за это я ненавижу его ещё больше. Я не отрываю от него взгляда, наблюдая, как в них бурлит вожделение. Один из его тёплых пальцев проводит по моему клитору, и я прикусываю губу, подавляя стон. Его поза расширяется между моими бёдрами, его взгляд опускается на мою киску, прежде чем медленно вернуться к моему лицу.

— Так ли это? — шепчет он, засовывая пальцы так глубоко и сильно внутрь меня, что всё моё тело откидывается на бильярдный стол. Мои руки расталкивают мячи по войлоку, когда я ловлю себя. Его пальцы сгибаются внутри меня, вызывая стон, прежде чем он убирает свою руку. — *Вот* власть, — говорит он с ухмылкой и проводит пальцами по своим полным губам. — Мм. — Он выгибает бровь. — А теперь готовься к ужину. — И с этими словами он поворачивается и выходит из комнаты.

Я откидываюсь на войлочный стол, мои лёгкие напрягаются, чтобы сделать полный вдох. К чёрту Ронана Коула. Я не знаю, как долго я ещё смогу заниматься этим.

РОНАН

«Animal» — *Badflower (трек)*

Запах её киски всё ещё ощущается на моих пальцах, когда я распахиваю её дверь. Камилла стоит перед зеркалом, одетая в красное атласное платье. Она бросает на меня мимолётный взгляд через плечо, прежде чем снова повернуться к зеркалу и накрасить губы красной помадой.

Анастасия должна быть от этого в восторге.

— Разве ты не воплощение красоты, — говорю я.

Она снова поворачивается ко мне лицом, опираясь бедром о комод.

— Куда мы направляемся? — покровительственный тон в её голосе делает меня счастливым, потому что я добрался до неё, и это доставляет мне огромное удовольствие.

— На приятный ужин с президентом и новым премьер-министром.

— О, я так люблю волнующую компанию Анастасии.

— И ей наверняка понравится твоя.

Я щёлкаю пальцами. Из коридора входят двое мужчин, и Камилла смотрит на меня, как разъярённая кошка, прежде чем они хватают её.

— Что это, чёрт возьми, такое? — спрашивает она, отступая назад, когда они приближаются.

Я смотрю на часы, пока они тащат её к кровати, брыкающуюся и кричащую.

— Небольшой подарок тебе от меня, джентльмены, — говорю я, постукивая по циферблату своих часов. — Время не терпит отлагательств. Постарайтесь не испортить ей причёску, она выглядит так мило.

Они прижимают её к кровати, и, конечно же, она сражается с ними, как дикое животное, выкрикивая оскорбления по-испански.

— Камилла? — я пою. — Я же сказал, не ерошить тебе волосы.

Я подхожу к краю кровати, улыбаясь ей. Она правда выглядит такой красивой, когда её вот так прижимают.

— Я убью тебя, Русский!

Один из мужчин хватается за подбородок, и она поворачивает голову, впиваясь зубами в его предплечье.

— Уверен, что если бы могла, то ты бы сделала это, но... — я вскидываю руки вверх от смеха, прежде чем наклониться рядом с ней и погладить по голове. — Тсс, маленькая кошечка. Всё будет хорошо.

Я поднимаю взгляд на Донована и киваю. Он берёт скальпель и делает небольшой надрез сбоку на её шее. Она рычит от боли, и моя улыбка становится шире. Он использует пинцет, чтобы засунуть маленький чип под лоскут мяса, прежде чем быстро зашить её.

— Ну, а теперь, — говорю я, поднимая палец, — прежде чем они тебя отпустят, я должен предупредить тебя, что ты, возможно, захочешь по-настоящему обдумать любые другие мятежные действия, которые ты запланировала.

— Что, чёрт возьми, ты только что сделал? — её лицо покраснело от гнева, ноздри раздуваются.

— Сделал тебя моей. — Я сияю. — Маленький чип, который только что был вшит тебе

в шею... если ты снова бросишь мне вызов, я нажму кнопку, которая заставит внешний слой чипа разрушиться, выбрасывая токсичное соединение в твой кровоток. Оно расплавит тебя изнутри, отключая твои органы один за другим. — Я вздыхаю. — Великолепно, ты так не думаешь? — я снова щёлкаю пальцами, и двое мужчин отпускают её.

Камилла резко выпрямляется, затем бросается на меня, отводя руку назад. Я перехватываю её руку на середине удара.

— Камилла, — говорю я, сжимая её нежное запястье, — ты должна знать, что я не из тех, кто разбрасывается пустыми угрозами. Научись контролировать себя.

Она подходит ближе, прижимаясь ко мне грудью. Её взгляд скользит по моему рту, и самодовольная усмешка танцует на её губах.

— Обещаю тебе, что однажды я убью тебя, Русский, и помочусь на твоё холодное мёртвое тело. — Она приближает свои губы к моему уху. — Я не из тех *женщин*, которые бросаются пустыми угрозами.

— Ага, ага. — Я кружу пальцем в воздухе, и она сердито смотрит на меня. — Повернись. — Её глаза вспыхивают, прежде чем она поворачивается на каблуках. Я достаю из кармана толстое бриллиантовое кольцо и аккуратно надеваю его ей на шею, прикрывая крошечные швы. — Не могу допустить, чтобы ты выглядела как Франкенштейн, — произношу я.

— Ну, я бы так не выглядела, если бы ты не засунул мне в шею это дерьмо, — говорит она с рычанием. Я хватаю её за руку, чтобы вывести из комнаты, но она вырывается от меня. — Ну и? Я плохо себя поведу, и ты убьёшь меня? — мазохистская улыбка расплзается по её лицу.

Я не отвечаю, просто вывожу её из комнаты, провожу по коридору и через парадную дверь к ожидающей машине.

Бальный зал заполнен политиками и банкирами, приветствующими Антона как нового премьер-министра, а вот Камилла стоит рядом со мной и от неё исходит молчаливая ярость. Я беру её под руку, когда мы пересекаем комнату.

— Это ожерелье прекрасно смотрится на тебе, — шепчу я.

— Отъебись, Русский, — бубнит она себе под нос.

Я похлопываю своей рукой по её и улыбаюсь, когда мы подходим к Антону. Он напрягается, когда я пожимаю ему руку, нервничает.

— Поздравляю с вашим новым назначением, премьер-министр.

— Спасибо, — отвечает он, но я слышу сожаление в его тоне. О расплате за его жадность, свидетельствуют фиолетовые круги у него под глазами, блеск пота на лбу. Некоторые мужчины думают, что могут справиться с чувством вины. Большинство не может. Антон думал, что сможет снять с себя вину за убийство Василия, но предполагаю, он недооценил её тяжесть. Какой стыд. Его взгляд перемещается на Камиллу, прежде чем другой политик, Дмитрий Соколов — мой выбор на пост следующего президента России — подходит к нам, чтобы пожать Антону руку.

Димитрий бросает на меня взгляд краем глаза, и я чувствую, как Антон отстраняется от нас обоих. Дизайнерский костюм, который надет на Дмитрия, придаёт ему утончённый вид, но никакие деньги или «Версаче» не могут притупить безумный блеск в его глазах.

— Ах, Дмитрий. — Я поворачиваюсь, чтобы пожать ему руку. — Так рад тебя видеть.

— И я, Ронан, — говорит он, его внимание переключается на Камиллу. Похоть

плещется в его глазах, когда его взгляд скользит по её изгибам, и моя челюсть сжимается. — Можно тебя на пару слов, Ронан?

— Конечно. — Я обнимаю Камиллу за талию и веду её через роскошный бальный зал по коридору рядом с лестницей, Дмитрий следует за мной. Мы останавливаемся у большой масляной картины, и я поворачиваюсь к нему лицом. Его взгляд останавливается на Камилле, когда он закуривает сигарету. — Камилла, — говорю я, — это Дмитрий Соколов, который скоро станет президентом России. — Я наблюдаю, как сужаются её глаза. Я почти вижу, как её разум перебирает все возможные варианты.

— Для меня огромное удовольствие познакомиться с вами. — Дмитрий берёт её за руку и слегка наклоняет голову, прежде чем взглянуть на меня. — Дело занимает больше времени, чем было обещано.

— Убийства могут быть непредсказуемыми, Дмитрий, — говорю я. — Ты уж должен бы это знать, и, кроме того, есть последняя деталь, на которую нужно обратить внимание. — Я выгибаю бровь.

Дым вырывается у него изо рта.

— Деньги должны появиться завтра.

— Отлично, не забудь вознаградить себя за счёт прекрасных налогоплательщиков России, как только вступишь в должность. — Я хихикаю. — Твоя ракета будет доставлена в течение недели, и мне было так приятно иметь с тобой дело.

Моя грудь раздувается от гордости, волнения, но я не буду забегать вперёд. Я слишком хорошо знаю, что скандал такого масштаба нельзя праздновать до тех пор, пока всё не будет сказано и сделано. И даже тогда то, что мерзкие, жаждущие власти люди, которыми я владею, будут сидеть на властных постах, — только начало.

Он уходит, и я замечаю Анастасию, стоящую в другом конце балльного зала. Надутые губки на её лице кричат об обиде, хотя она цепляется за руку мужа, как любящая жена. Я притворяюсь, что не замечаю её, и переключаю своё внимание на Камиллу, проводя пальцами по её шее. Из-под сверкающего кольца выглядывает малейший намёк на синяк, и я не могу не вспомнить, как я слетел с катушек, когда прижал её к стене той кочергой. Я провожу пальцем по синяку, прежде чем мой взгляд перемещается на её красные губы. Такие полные и совершенные. Всё, о чём я могу думать, — это прикусить её нижнюю губу и снова пустить ей кровь. Эта мысль вызывает во мне прилив адреналина, и я делаю шаг к ней, прижимая её между своим телом и стеной.

— Ронан. — В её глазах пляшет огонь, и не знаю, предупреждение это или приглашение. Я бы взял и то, и другое...

Я провожу губами по её тёплой щеке и хватаю за бёдра, сжимая, когда сильнее прижимаю её к стене.

— Не притворяйся, что ты этого не хочешь, — шепчу я, скользя губами по её горлу, постанывая рядом с её ухом.

Она обхватывает мой подбородок и проводит ногтями по моей шее.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала, Русский? — выдыхает Камилла.

— Ничего. — Я сжимаю в кулаке её волосы и прижимаюсь своим ртом к её губам, раздвигая их языком. И боже мой, её губы ощущаются такими манящими. Её тело напрягается, прижимаясь к моему, затем она толкает меня в грудь.

— Серьёзно? Ты ведь только что вставил эту хрень в мою шею, как будто я ручная сучка...

— О, Камилла... — я крепче сжимаю её волосы, пока она не вздрагивает. — Когда же ты поймёшь, что ты принадлежишь мне? — я снова прижимаюсь губами к её губам, зная, что Анастасия наблюдает за мной и в этот самый момент разбивается на миллион кусочков.

Камилла рычит, прежде чем впиться зубами в мою нижнюю губу. Кровь затекает в мой рот, и я улыбаюсь напротив её губ. И именно тогда я чувствую лёгкую уступчивость, момент, когда её тело едва обмякает в моих объятиях. Она снова прикусывает мою губу, отчего меня пронзает острая боль, за которой следует инстинктивное желание причинить боль ей. Моя рука скользит от ее волос к горлу, пальцы крепко обхватывают Камиллу, прежде чем я прерываю поцелуй и прижимаюсь своим лбом к её лбу, моя рука всё ещё сжимает её горло. Я хочу поцеловать её, причинить ей боль, трахнуть её. Порезать её...

Я смотрю на залитые румянцем щёки, моя грудь вздымается, в то время как её пульс бьётся под моими кончиками пальцев. Её глаза сверкают ненавистью и вожделением. Вид моей крови, размазанной по её губам, заставляет мой член набухать.

— Прежде чем всё это закончится, — говорю я ей на ухо, — ты будешь умолять меня.

— Никогда, — шепчет она с улыбкой. — У тебя и так слишком много власти, Русский.

Она проводит пальцем по моей нижней губе. Когда она убирает руку, я замечаю пятно крови на её пальце. Её глаза встречаются с моими, когда она засовывает окровавленный палец между губами. Если бы у меня было хоть на унцию меньше самообладания, у нас обоих были бы неприятности. Мало что в этой жизни может ослабить меня, но это... В её глазах таятся жестокие обещания насилия и похоти. И это поражает что-то, так благоговейно похороненное глубоко внутри меня — есть все основания полагать, что эта женщина может стать моей гибелью. Это не должно быть таким волнующим.

Вдыхая, я беру её за руку и веду через комнату. Мы направляемся к обеденному столу, и я говорю себе, что должен подавить эти переполняющие кровь позывы.

КАМИЛЛА

«*The Devil You Know*» — *X Ambassadors* (трек)

Ронан выдвигает для меня стул, и я сажусь, прежде чем он садится рядом со мной. Моё сердце всё ещё бешено колотится, а губы до сих пор покалывает, но Ронан легко заводит разговор с мужчиной рядом с ним, как будто абсолютно ничего не произошло. Я беру стоящий передо мной бокал вина и осушаю его одним глотком. Нож для стейка на столе привлекает моё внимание, и я представляю, как беру его и вонзаю в яремную вену Ронана. Это должно утолить его жажду крови...

Словно прочитав мои мысли, он бросает на меня взгляд, приподнимая бровь при виде моего пустого бокала. Мимо проходит официант, и я поднимаю бокал, глядя на Ронана, пока мужчина снова наполняет его. Когда я подношу его к губам, Ронан забирает у меня бокал. Шардоне выплёскивается ему на руку.

— Веди себя прилично, — говорит он, заправляя мои волосы за ухо. Внезапная, острая боль пронзает мою шею, когда его большой палец касается небольшого разреза на моём горле. Что-то неприятное скапливается у меня в животе. Меня похищали, избивали, пытали, насиловали, и по какой-то причине этот имплантат кажется мне более бесчеловечным и варварским, чем всё остальное. Он превратил меня в животное, безвольно подчиняющееся его повелениям. Я знаю, что он плохой, но думала, что он выше этого. Он взял с собой пистолет на поножовщину. И по какой-то причине, как бы странно это ни звучало, я разочаровываюсь в нём. Я вырываюсь из его объятий, и он улыбается, прежде чем опустить руку.

Мужчина рядом со мной пытается втянуть меня в разговор, но я игнорирую его и выпиваю половину своего вина. Вся вечеринка превращается в фоновый шум, пока мой разум дрейфует, выживая воспоминания, которые я изо всех сил стараюсь игнорировать. Я подпрыгиваю, когда Ронан касается моей руки, убирая её с моей шеи. Я даже не осознавала, что прикасаюсь к нему. Мужчины за столом что-то обсуждают, но, конечно, я не понимаю ни слова из того, что они говорят. Раздражённая, я оглядываю зал и замечаю Анастасию за несколькими столиками от нас, пристально смотрящую на нас. Я ненавижу Ронана, но эту пизду я ненавижу ещё больше. Я изображаю улыбку на своих губах, прежде чем повернуться к Ронану и провести пальцами по его затылку. Он хмурит брови. Даже мысли о ярости Анастасии недостаточно, чтобы заглушить пронзающее меня чувство, ту трещину разочарованной боли, которую я хочу вырезать, как болезнь.

— Мне нужно в туалет, — шепчу я и отодвигаю свой стул.

Я двигаюсь, чтобы встать, а Ронан сжимает мою челюсть, заставляя меня зависнуть прямо над моим стулом. Он смотрит на меня секунду, прежде чем прикоснуться своими губами к моим в лёгком прикосновении.

— Не задерживайся надолго.

Мои ноздри раздуваются, когда я вырываюсь из его объятий и выпрямляюсь. Я спешу в туалет, распахиваю дверь и подхожу прямо к зеркалу. Сделав глубокий вдох, я кладу руки на туалетный столик, прежде чем взглянуть в зеркало и стянуть бриллиантовое кольцо, осматривая небольшой разрез на шее сбоку. Чёрная нить похожа на паучьи лапки, выползающие из моей кожи. Дверь распахивается, и шум из бального зала проникает внутрь.

Я продолжаю смотреть в зеркало, не обращая внимания на женщину, остановившуюся у раковины. То есть до тех пор, пока я не почувствую на себе её пристальный взгляд. Я поворачиваюсь.

Анастасия. Здорово.

— Ты знаешь, что он влюблён в меня? — говорит она, и её глаза наполняются слезами. Я со стоном откидываю голову назад и молюсь о терпении к этому дерьму.

— Так же, как ты любишь своего мужа?

Она вдыхает, её щёки краснеют.

— Ты слишком невзрачна для такого человека, как он. Ты это понимаешь?

— Хорошо, Скелетор (*прим. персонаж мемов — говорит странные и бессмысленные факты*). — Я смеюсь и делаю шаг к ней. Она, конечно же, делает небольшой шаг назад. — Если я такая невзрачная, тогда почему ты торчишь в уборной, размахивая своей тощей задницей? — я оглядываю её с головы до ног, прежде чем снова повернуться к своему отражению и провести пальцами по волосам. Она всё ещё смотрит на меня в зеркало. — Льву не обязательно рычать, чтобы понять, что это лев, — отвечаю я. — Ты же домашняя кошка политика, Анастасия.

— Тогда, судя по всему, ты всего лишь дорогая шлюха.

— Я слышу это от женщины, которая изменяет своему мужу? — ухмыляясь, я приподнимаю бровь, глядя на неё.

— Если ты знаешь, что для тебя лучше, ты оставишь его в покое.

Я фыркаю. *Вот сука.*

— О, не думаю, что он хочет, чтобы его оставили в покое. — Я поворачиваюсь к ней лицом и прислоняюсь бедром к туалетному столику. — На самом деле, он очень хочет составить мне компанию. Во всех отношениях. — Я прикусываю нижнюю губу, изображая улыбку.

Её глаза вспыхивают, и моя улыбка становится шире как раз перед тем, как громкий шлепок эхом разносится по туалету. Мою щеку щиплет, а Анастасия разворачивается на каблуках, чтобы уйти. Закрыв глаза, я делаю успокаивающий вдох, но это не срабатывает. Моё самообладание лопается, как слишком туго натянутый ремень. В мгновение ока моя рука оказывается в её обесцвеченных волосах. Она взвизгивает, и я отхожу так сильно, что её спина сгибается, прежде чем она падает на колени.

— Пойми, — шепчу я, обходя её. — Может, я и выгляжу как эскортница Ронана Коула, но надави на меня ещё раз, и я сверну твою тощую грёбаную шею, как жалкой шлюхи, какой ты и являешься. — Тихий стон срывается с её губ, прежде чем я ещё сильнее запрокидываю голову. — Между нами всё предельно ясно? — слёзы текут по её лицу, размазывая тушь. Я с шипением выдыхаю сквозь зубы.

— Да, — выдыхает она.

— Хорошо. — Я выпускаю её растрёпанные волосы из рук, и она вскакивает на ноги, выбегая из уборной.

Мой пульс учащается. Моя грудь вздымается. Я прислоняюсь к туалетному столику, чтобы унять раскалённый докрасна гнев, бьющийся во мне, как зверь в клетке. Анастасия стала последней каплей. Я теряю свой контроль, впервые в своей жизни я в полной растерянности, потому что Ронан Коул полностью лишил меня её. Я не могу сопротивляться без того, чтобы он не покончил со мной этой дурацкой штукой в моей шее. Я не боюсь смерти, но это должно произойти на моих условиях, а не на его. Резко обернувшись, я

смотрю на своё отражение, прежде чем расстегнуть колье и обернуть его вокруг руки. Я замахиваю рукой и бью кулаком по зеркалу. Стекло разбивается вдребезги под бриллиантами, разбивая вдребезги моё отражение. Осколки зеркала падают в раковину. Некоторые разлетаются по плитке. Я хватаю осколок из раковины и бросаю ожерелье на пол.

Кто-то, должно быть, это слышал.

Я представляю, что в любой момент сюда может войти рабочий, поэтому проскальзываю в одну из кабинок и запираю дверь. Будет чертовски неприятно, поэтому я сажусь на унитаз и перевожу дыхание, ощупывая небольшие швы у себя на горле. Моя рука дрожит, когда я прикладываю стекло к шее и провожу острым концом по тонким нитям. Вспышки боли пронзают меня каждый раз, когда я случайно режу свою кожу. Кровь стекает по моим пальцам, когда я неуклюже разрываю швы. Наконец они распутываются, и тёплая жидкость стекает по моей шее.

Дверь туалета со скрипом открывается. Раздаётся равномерный стук ботинок, когда кто-то проходит по плитке.

— Маленькая кошечка... — воркует Ронан, — Выходи, выходи, где бы ты ни была. — Дверь в первую кабинку с грохотом ударяется о стену, и я вздрагиваю.

Я прижимаю пальцы к ране на шее и делаю ещё один глубокий вдох. Вонзая ногти в порез, я не обращаю внимания на бурление в животе и головокружение в голове. Ещё больше крови тычет по моей шее, стекая по ключице и попадая на платье.

Двери с грохотом распахиваются одна за другой, прежде чем раздаётся глухой удар с другой стороны двери, лицом к которой я стою.

— Господи, я теперь не могу пописать? — огрызаюсь я. Я засовываю пальцы глубже в рану, пока мои ногти не царапают что-то крошечное и твёрдое. Боль ослепляет. Резкий вдох скребёт мне горло.

Ещё всего лишь пару сантиметров.

Он стучит по двери.

— Выходи, Камилла.

Я хватаюсь за то, что он, чёрт возьми, засунул в меня, и пытаюсь вытащить это из своей шеи, шипя от боли. Когда, наконец-то, вытаскиваю металлический обломок из своей шеи, я отрываю с ним половину своей плоти. Я тяжело выдыхаю и, учащённо дыша, приваливаюсь к бачку. Ровная струйка крови стекает по моей шее, и в её тепле есть что-то странно успокаивающее.

— Открой дверь.

Я встаю и поднимаю крышку, опуская окровавленный микрочип в воду, прежде чем спустить воду в унитазе. Я отпираю дверь и рывком распахиваю её, сталкиваясь лицом к лицу с Ронаном. Его пристальный взгляд медленно опускается к моей шее, его щёки краснеют, и я не могу удержаться от ухмылки.

— Ты бы... — он делает шаг внутрь кабинки, прижимая меня спиной к холодной стене. — Я практически думаю, что ты жаждешь наказания. — Схватив меня за оба запястья, он прижимает их к стене над моей головой.

— До тех пор, пока ты используешь старомодные способы, — выдыхаю я. Гнев и абсолютное доминирование исходят от него. Моё тело гудит в предвкушении, когда он прижимается своим телом к моему.

Один уголок его рта приподнимается.

— Мм-м, — промычал он, наклоняясь к моей шее. Жар его дыхания ласкает моё горло, и я ловлю себя на том, что закрываю глаза от этого ощущения. — Ты хочешь, чтобы я причинил тебе боль *почти* так же сильно, как я сам хочу причинить боль тебе, — шепчет он, прежде чем я чувствую, как его язык скользит по моей шее — прямо по открытой ране. Его хватка на моих запястьях усиливается, его пальцы подёргиваются, когда он прижимается губами к порезу и стонет.

Я прижимаюсь к нему, моя голова склоняется набок, когда бесстыдный стон срывается с моих губ. Он болен и ужасен, так кем же это делает меня? Он должен вызывать у меня отвращение, но с каждой ужасной вещью, которую он совершает, я только сильнее жажду его. Он — тревожащая зависимость, от которой я хотела бы избавиться, но знаю, что буду скучать по каждому прожитому дню.

Его нос скользит по линии моего подбородка, когда он проводит губами по моей щеке.

— Твоя кровь почти такая же вкусная, как и твоя киска.

У меня кружится голова, ноги дрожат. Я закрываю глаза и прикасаюсь своим лбом к его лбу.

— Покажи мне, — шепчу я. Я жажду этой ядовитой порочности. Он — моё падение, и я хочу его. Я хочу этого. В его глазах пляшут обещания боли, крови и всего, чего я так сильно хочу, а затем его губы накрывают мои. Жёстко, зверски. Его язык касается моего, и я наслаждаюсь металлическим привкусом крови, окрашивающей его губы. Я стону, а затем, он уходит.

Я открываю глаза и вижу Ронана у раковины, вытирающего кровь с лица тыльной стороной ладони. И вот я здесь, прижатая к стене, потому что боюсь, что если попытаюсь встать самостоятельно, то упаду. Даже не взглянув в мою сторону, он выходит в коридор. Я подхожу к раковине, беру полотенце для рук и прижимаю его к шее. Ронан подобен торнадо, и я знаю, что должна убраться с его пути, но каждый раз, когда он приближается, я ловлю себя на том, что стою неподвижно, желая, чтобы меня унесло этим опасным ветром.

Дверь в уборную снова распаивается. Ронан говорит с кем-то по-русски, в его голосе слышится гнев, прежде чем он возвращается, протягивая мне пальто. Я просовываю руки в рукава, и он поправляет воротник, не сводя глаз с раны.

— Ты же знаешь, что я просто вживлю тебе в шею ещё один чип. Если ты вырвешь и его. То ещё один. И ещё один. Я убью тебя, Камилла, но пока не буду этого делать. Насколько гуманной будет твоя смерть, что ж, — он прищуривает глаза, — это зависит от тебя.

Я закрываю глаза, не в силах смотреть на него.

— Пожалуйста, не надо, — шепчу я. Мои глаза резко открываются. — Пусти мне пулю в лоб, трахни меня, избежь, всё, что захочешь. Но, пожалуйста, больше так не делай. — Я неловко потираю рукой предплечье, и в его глазах вспыхивает садистское удовольствие. Я ненавижу, что вынуждена просить милостыню — что одно это простое действие так сильно беспокоит меня, и теперь он это знает. — Мы оба знаем, что я умру здесь, в твоей дерьмовой стране, но, по крайней мере, позволь мне погибнуть, сражаясь. — Я оглядываю его. — Или, возможно, тебе нравится лёгкая добыча, Русский. Я не считала тебя таким типом людей.

Его палец проводит по моей щеке, его взгляд прикован к моим губам.

— Ты не лёгкая добыча, *Красивая*. — Не говоря больше ни слова, он переплетает свои пальцы с моими и ведёт меня в холл.

Люди пялятся, когда мы проходим мимо. Думаю, даже под пальто они видят кровь. Мужчина останавливает Ронана, говоря что-то приглушённо по-русски и бросая

обеспокоенные взгляды в мою сторону. Ронан отвечает, и всё, что я могу разобрать, — это имя Анастасии. Мужчина ахает и прикладывает руку к груди, а Ронан выводит меня из отеля в лимузин, ожидающий снаружи.

Дверь закрывается, и я свирепо смотрю на него.

— Если ты только что сказал ему, что эта сука причинила мне боль, клянусь богом... — я прижимаю пальцы к шее, и они становятся пунцовыми.

Господи, как глубоко он засунул эту штуку?

Его пальцы барабанят по колену, когда он смотрит в окно.

— Почему ты трахаешь её? — спрашиваю я, и он раздражённо вздыхает.

— Почему ты трахалась с Хесусом? — он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — Ты должна понимать...

— Хесус был моим врагом. А я держу своих врагов близко. — Я свирепо смотрю на него. — Не могу представить, что Анастасия — твой враг, Ронан. — Я скольжу взглядом по его груди. — Может быть, тебе просто нравятся чужие жёнушки. Можешь признаться мне.

— *Камилла*, — он наклоняется ко мне, — ты действительно ничего обо мне не знаешь, так откуда тебе знать, кого я считаю врагом?

— Загадочно, — размышляю я. — Ты не очень-то милый. Уверена, что все твои враги, но не вижу, чтобы ты засовывал свой член в половину России.

— Ты ещё не видела, как я засовываю свой член во что-нибудь. — Он улыбается, прежде чем снова отвернуться к окну.

— С твоим-то вкусом в женщинах... Нет уж, спасибо.

— Ревность — не самое привлекательное твоё качество.

Я смеюсь.

— Русский, ревность — это эмоция, испытываемая только по поводу чего-то, чего человек хочет или к чему испытывает чувство собственности.

— Да, я знаю. — Я почти слышу ухмылку в его голосе.

— Знаешь, — я закатываю глаза. — Тебе следует пойти и поговорить с кем-нибудь о твоём комплексе бога.

В истинно Ронановской манере он просто игнорирует меня. Я знаю, что он зол. Чёрт возьми, я удивлена, что люди на улице этого не чувствуют, но он скрывает это за полуцивилизованной беседой. Боже упаси, чтобы кто-нибудь узнал, что его драгоценный контроль ускользает. Но я почти вижу это, как кончики его пальцев цепляются за тот тонкий край. И снова мне в голову приходит мысль о том, как прекрасно было бы наблюдать за тем, как он бьётся и разлетается на осколки. Он был бы подобен урагану пятой категории, обрушивающемуся на цивилизацию, безжалостно уничтожающему всё на своём пути.

Ронан может хранить свои секреты, но, если эта белокурая сучка снова нападёт на меня, я сверну ей шею. Жена она президента или нет.

РОНАН

«Control» — Halsey (трек)

О, в какой дилемме я оказался...

Непокорная — не описывает того, кем является Камилла, и, если я честен с самим собой, я почти уважаю её волю к бунту. Почти. Я провожу всю дорогу домой, размышляя, что с ней делать, но что вы делаете с кем-то, чьё высокомерие и гордыня подавляют любое рациональное стремление выжить? С другой стороны, Камилла не глупа, она знает, как работает этот бизнес. Она знает, что как только я закончу со своим делом, её ждёт смерть.

Как только мы входим в мой дом, Игорь берёт у неё пальто. Я хватаю её за локоть, провожаю в свой кабинет и запираю за собой дверь, прежде чем направиться к ревущему камину.

— Ты знаешь, что у того, что ты сделал, есть последствия? — *Но какие последствия, я до сих пор не уверен.*

Она вздыхает.

— Меньшего я и не ожидала.

Если я воткну в неё ещё один чип, она так же вытащит его. Тогда я был бы вынужден убить её, а я к этому ещё не готов. Я кружу вокруг неё, проводя пальцами по её плечам, размышляя о надлежащей форме унижения. Камилла не из тех женщин, которые считают унижением то, что их бьют или трахают. На вещи, которые заставили бы большинство женщин съёжиться, она бы и глазом не моргнула, но... Кольцо на моей правой руке поблёскивает в свете камина, и на моих губах появляется болезненная улыбка.

— Следующий чип будет помещён гораздо глубже, — говорю я, не желая ничего больше, кроме как завести её.

— Тогда я и его вырежу, — отвечает Камилла сквозь стиснутые зубы.

— Что, если я помешу его сюда? — я провожу рукой по середине её спины. — Как бы ты его вырезала?

— Я чрезвычайно гибкая, и я не возражаю против шрамов.

Мой взгляд опускается на заживающие раны на её груди, и мой член набухает.

— Ты бы предпочла, чтобы я тебя избил, не так ли?

— Да.

Я наклоняюсь к её шее.

— Трахнул тебя? — спрашиваю я, и она наклоняет голову набок, приглашая меня подойти ближе. — Что такого в этом чипе, что тебя так сильно беспокоит?

Она оборачивается и встречается со мной взглядом. На мгновение в нём появляется проблеск уязвимости.

— Я хочу умереть на своих условиях.

— Здесь только мои условия, — выдыхаю я ей в шею.

Её губы скользят по моей челюсти, прежде чем её зубы царапают моё ухо.

— Тогда я умру на поле боя. Ты можешь дать мне это, Ронан.

То, как моё имя слетает с её языка, вызывает лёгкий стон, вырывающийся из моего горла.

— То, как ты себя ведёшь, имеет прямое отношение к тому, как ты умрёшь. — Я беру с

камина щипцы и снимаю с пальца кольцо, разглядывая рельефные буквы на его поверхности. Мои инициалы будут так красиво смотреться, выжженные на её коже, и она возненавидит, что я заклеил её, как домашний скот. — Сними своё платье. Наклонись над столом.

В её глазах на мгновение вспыхивает вызов, прежде чем она медленно расстёгивает молнию на своём платье. Материал скользит вниз по её телу, пока она не остаётся в одном чёрном кружевном лифчике и стрингах. Отблески пламени танцуют на её изгибах. Она поворачивается и наклоняется над столом, раздвигая ноги и перекидывая волосы через плечо.

Я отодвигаю каминную решётку и беру кольцо щипцами, держа его в огне, пока металл не раскалится до ярко-красного цвета. Я подхожу к ней сзади и кладу ладонь ей на лицо, прижимая её к столу.

— Что ты делаешь? — она вырывается из моей хватки. — Ронан, что ты делаешь? — её голос становится паническим, когда я прикладываю горячий металл к её уху. Кожа шипит и трескается, но она не кричит, она даже едва вздрагивает, когда от её шеи поднимается небольшая струйка дыма. Она выносливая, должен отдать ей должное. Я прижимаю кольцо к её коже, мой взгляд скользит по жуткой татуировке на её спине.

Я роняю щипцы на пол, смотрю на свои инициалы, почерневшие на её коже, и провожу рукой по её спине. Вместо гладкой кожи мои пальцы пробегают по выступам.

Шрамы от ожогов.

Так много снятых слоёв.

— Какая хорошенькая, — шепчу я, накручивая её волосы на кулак и наклоняясь над ней. — Не имеет значения, что я делаю, потому что ты не боишься смерти, а без страха ты не подчинишься, и это достойно восхищения. Это правда так, но ты ведёшь себя вызывающе. — Я откидываю её голову назад. — Ты такая дерзкая, Камилла, и что тебе ещё предстоит понять, так это то, что ты можешь делать и говорить всё, что захочешь, но, в конце концов, *ты* моя. Ты хочешь умереть на своих условиях, но это невозможно. Как ты этого не видишь?

— О, тебя это раздражает, не так ли? — рычит она, отбиваясь от меня. — Что ты не можешь контролировать каждую грань меня, что ты не можешь контролировать мою жизнь.

— Вот тут ты сильно ошибаешься, Камилла. — Я смеюсь. — Если ты заберёшь свою собственную жизнь, это будет из-за меня. Это исключительно из-за того контроля, который я имею над тобой.

— Не льсти себе.

Её абсолютное пренебрежение к смерти подстрекает меня. Её вопиющее неуважение приводит меня в ярость. Её переменчивый характер привлекает меня. Мне не должно это нравиться, но мне нравится всеми возможными плотскими способами.

— Тот факт, что ты настолько бессильна, разрушает тебя, не так ли?

— Может быть, втайне мне это нравится. — Она прижимается ко мне своей попкой, и уголки её губ растягиваются в самодовольной улыбке.

— Я знаю, что ты хочешь, — шепчу я, проводя пальцем по свежей обожжённой коже на её шее. Она с шипением выдыхает воздух. — Метка собственности так красиво смотрится на тебе.

— Мужчины такие предсказуемые. Все вы хотите владеть красивыми вещами.

Я просто ухмыляюсь ей, прежде чем нежно поцеловать в уголок её рта.

— Такой хорошенький маленький питомец, — молвлю я, желая спровоцировать её гнев, неистовство. Я хочу, чтобы она разозлилась, потому что это заставляет мой член

пульсировать.

— Клянусь Русский, — рычит она и усиленно вырывает от меня, — прежде чем всё будет сказано и сделано, я заставлю тебя истекать кровью.

— Такие *сладкие* обещания, — шепчу я, проводя ладонью по изгибу её попки.

Её тёплая кожа служит таким искушением, но её гнев ещё больше. Каким бы могущественным ни был мужчина, такие примитивные вещи, как запах женской кожи, обещание её тугой киски — это слабость, которой редко удаётся избежать. Закрыв глаза, я представляю, как она прижимается ко мне, мои руки на её горле, когда я погружаюсь в неё. Но я не могу доставить ей такого удовольствия. Во всяком случае, я хочу вырвать у неё ту единственную вещь, над которой, как она чувствует, у неё есть власть, поэтому я позволяю своим пальцам скользнуть под кружево её стрингов. Мой палец скользит по её заднице, Камилла она стонет.

— Когда я возьму это, я заставлю тебя истекать кровью, — стону я, обводя пальцем её дырочку, прежде чем опустить его к её влажной киске. — Такая возбуждённая, маленькая кошечка, — бормочу я ей в щеку, играя с ней. Каждое движение моего пальца заставляет мой член болеть из-за неё, но речь идёт о контроле. Силе. Владение.

Я погружаю в неё два пальца так сильно, так быстро, что она задыхается.

— Думаю, тебе нравится, когда с тобой обращаются как с грязной шлюхой, Камилла. Ты жаждешь разврата.

Я покусываю её за ухо, прежде чем положить большой палец на её анус и протолкнуть его внутрь. Она сжимается вокруг меня, стонет и прижимается ко мне спиной. Используя свободную руку, я прижимаю её лицом к столу, трахая пальцами, более чем в восторге от того, как она царапает твёрдую древесину между глубокими вздохами.

— Чёрт, — шепчет она и крепче сжимает мои пальцы. Её движения становятся отчаянными. Но я не могу позволить ей кончить. Я вырываю из неё пальцы и отхожу в сторону. Она наклонена и расплётёрта на моём столе на грани оргазма, которого у неё никогда не будет, и я нахожу в этом столько удовольствия.

Раздражённый вздох срывается с её губ, прежде чем она переворачивается и садится. Она отодвигается к краю стола. Я восхищаюсь прелестным румянцем, проступившим на её щеках. На секунду она закрывает глаза, а когда открывает их, в них мелькает что-то дикое.

— Ты же знаешь, как говорят... — её ноги раздвинуты, а рука опускается между бёдер, под кружево. — Если хочешь, чтобы работа была сделана хорошо...

Улыбаясь, я пересекаю комнату и вырываю её руку.

— Это запрещено.

— О, Ронан. — Она придвигается ко мне, касаясь своими губами моих. — Всё время такой напряжённый. — Её губы скользят по моей щеке, а затем она прикусывает кожу на моей челюсти своими зубами. — Не притворяйся, что не хочешь посмотреть, как моя киска сжимается вокруг моих пальцев, или ещё лучше, почувствовать это своим членом.

— Почему бы мне хотеть этого, Камилла? — я притягиваю её руку к своим губам и засовываю её влажные пальцы себе в рот, впитывая с них нежный вкус её киски. В данный момент я ничего так не хочу, как трахнуть её... — Ты планируешь плохо себя вести?

— Я расцениваю это как риторические вопросы.

Я обхожу стол и открываю ящик, вытаскивая оттуда тонкую верёвку.

— Повернись, — говорю я.

— Ты случайно хранишь верёвку в своём столе? Прямо чёртов серийный убийца, —

бормочет она, спрыгивая со стола и оборачиваясь со вздохом.

Я беру оба её запястья и обматываю их верёвкой. Я предполагаю, что она избавится от них в течение часа, но на самом деле это просто из принципа. Унижение, вынужденное подчинение со стороны такой разъярённой дикой кошечки.

— Ну а теперь. Пошли. — Я хватаюсь за верёвку, сопровождая её из моего кабинета в её комнату.

Когда мы доходим до двери, она поворачивается и свирепо смотрит на меня, и я одариваю её очаровательной улыбкой.

— Очень надеюсь, что тебе приснятся восхитительные сны. — И с этими словами я закрываю дверь.

Камилла внесла определённый уровень... *веселья* в мою жизнь. Она выводит меня из себя, она низводит меня до самых примитивных желаний, но, в конце концов, я контролирую её, и это приносит неизмеримое удовлетворение. Так трагично думать, что мне придётся убить её, когда всё закончится, но в то же время я знаю, что она будет невероятно красива, истекая кровью.

КАМИЛЛА

«Hook, Line & Sinker» — Royal Blood (трек)

Дверь со щелчком закрывается, и я сдерживаю разочарованный стон. У меня болят плечи, покалывает шею, а моя киска пульсирует.

Боже, он мудака.

Я оглядываю комнату в поисках чего-нибудь, что я могла бы использовать, чтобы выпутаться из этой чёртовой верёвки. Я сталкиваю лампу с прикроватного столика, наблюдая, как разбивается керамическое основание. Стекло осыпает пол, и я приседаю, упираясь руками в верхнюю часть разбитого цоколя лампы. Мои зубы щёлкают, когда острые края царапают тыльную сторону моей ладони. Как будто я сегодня недостаточно истекла кровью. Я неловко провожу верёвкой по зазубренному фарфору, чувствуя, как она зацепляется и понемногу ослабевает. Я улыбаюсь, когда верёвка, наконец, освобождается. Мои руки покрыты кровью, и мне приходится выдёргивать крошечные кусочки керамики из ладоней и запястий. Ронан может пойти и трахнуть себя — и он может посмотреть, как я трахаю себя.

Это запрещено, о пожалуйста!

Я иду в угол комнаты, запрыгиваю на комод и сижу перед камерой, пока не убеждаюсь, что она сфокусирована на кровати.

Я с важным видом возвращаюсь к кровати и медленно стягиваю кружевные стринги с бёдер вниз по ногам. Кровь с моих рук и запястий стекает по коже, но мне всё равно. Во всяком случае, мне это нравится. И я уверена, что этому больному ублюдку это тоже понравится. Лёжа на кровати, я широко расставляю ноги и поворачиваюсь к камере с мигающим красным огоньком. Ронан, вероятно, никогда этого не увидит, но я притворюсь, что он видит. Мысль о Ронане, сидящем в какой-нибудь тёмной комнате и наблюдающем, как я поглаживаю себя, пока я вся в крови... что ж, это не должно заводит меня так сильно, как сейчас.

Я провожу окровавленной рукой по внутренней стороне бедра. Как только мой палец касается моей киски, я откидываю голову назад и закрываю глаза. Я просовываю пальцы внутрь и представляю, что это пальцы Ронана. Я помню, как он грубо вонзил в меня свою руку, засунув большой палец мне в задницу, как конкистадор (*прим. — захватчик, завоеватель*), желающий запятнать каждую частичку меня.

И, ох, как же я хочу, чтобы он это сделал.

Он прав. Мне нравится это порочность, неправильность. Я трахаю себя, вытаскивая пальцы и вода ими по своему клитору, пока моя спина не выгибается над кроватью. Мой разум вызывает в воображении пошлые, эротические образы Ронана, владеющего мной, берущего то, что он хочет. Стон срывается с моих губ, когда дрожь пробегает по моему телу. Я представляю, как Ронан трахает меня, режет, и волна жара захлёстывает моё тело. Я кончаю с его именем на устах, выплёскивая всё это наружу, потому что хочу, чтобы он услышал. Я хочу, чтобы он знал, что он упустил, чего ему стоит его драгоценный контроль. Я лежу, тяжело дыша и немного ненавидя себя, потому что меня всегда тянуло к вещам, к которым не должно. Мой отец всегда говорил, что это убьёт меня. Он мало что знал; я так часто была близка к смерти, что это заставило меня жаждать опасности. Есть чувство

непобедимости, которое приходит, когда переживаешь то, что сломало бы большинство мужчин. Ронан Коул — разрушитель, и я хочу, чтобы он разрушил меня, но я хочу быть его взаимным уничтожением. Наша маленькая игра во власть — это не что иное, как битва воли, и я не уверена, выигрываю я или проигрываю.

Я не хочу проигрывать...

Я встаю с кровати, иду в ванную и включаю горячую воду в душе. Небольшое облачко пара поднимается над дверью душа, и я встаю под струи. Горячая вода на моей недавно заклеённой шее ощущается как лава. Не могу поверить, что он заклеил меня, как племенную корову. Я смываю кровь со своего тела, оставаясь под водой до тех пор, пока комната не наполняется паром — пока я не узнаю, что все скрытые камеры будут полностью затуманены, только тогда я выхожу. Я вытираюсь и надеваю толстый халат, висящий на двери, прежде чем пойти в туалет и снять крышку, заглядывая внутрь. Мои пальцы задевают край телефона, присоединённый к внутренней трубе, и я вынимаю его, пряча в складках своего халата. Быстро пересекаю спальню и выхожу на балкон. Всё моё тело дрожит от холода, когда я нажимаю дрожащим пальцем на кнопку включения. Экран загорается, и я жду несколько секунд. Я проверяла его каждый день, ожидая, что мой «друг» скажет мне, чего он хочет, даст мне выход. Этот телефон превратился в искажённую форму надежды. На экране мигает текстовое сообщение. Моё сердце замирает, когда я перечитываю его:

«В офисе есть картина с изображением Химкинского леса, за ней найдёте сейф. Код — 030565. Внутри найдёте небольшой чёрный USB-накопитель. Замените его на тот, который есть у вас. Ждите дальнейших инструкций».

Тот, что у меня есть? У меня нет...

Я выключаю телефон, захлопывая его. Снова прячу его в складки халата и несу обратно в ванную, кладу обратно в бачок, прислоняю к трубе, чтобы он не намок. Я бросаюсь к комоду, хватаю свой клатч и заглядываю внутрь.

Ну, это точно какое-то дерьмо в стиле Джеймса Бонда.

Там, на дне сумки, лежит чёрная флешка.

*Как эти люди продолжают подкладывать своё дерьмо в мою сумку? Откуда, чёрт возьми, они знают, что там есть сейф или его код? *

Это, должно быть, Ронан. Но с другой стороны, это почти настолько очевидно, что я не думаю, что это так. Играть в детские игры, чтобы поймать меня, — это не в его стиле. Это ниже его достоинства. Кто бы это ни был, у них должен быть кто-то в доме Ронана. Я не могу удержаться от улыбки при мысли о том, что Ронана, повелителя всего, что он исследует, трахает кто-то из его же собственных людей. Просто я знаю, как сильно это его обожгло бы.

Я лежу на своей кровати, обдумывая все возможные способы, которыми это могло бы мне аукнуться. Даже если мне удастся пробраться в его кабинет и к сейфу, чтобы поменять флешки местами... что, если меня поймают с поличным? Ронан в конце концов всё равно убьёт меня, так что мне терять? Эта мысль должна была бы вызвать чувство безрассудства, но этого не происходит. Я не совсем лишена здравого смысла, я боюсь Ронана. Я боюсь его жестокости так же сильно, как и жажду её, и мне интересно, что бы он сделал со мной? Есть судьбы похуже смерти — я знаю об этом — и я не сомневаюсь, что Ронан знает каждую из них. Я продолжаю ждать момента, когда он сорвётся с места и выпустит на волю зверя, который, я знаю, скрывается прямо под всем его рафинированным видом. Я давила на него, но ничто из этого не сравнится с тем, чтобы украсть у него, обмануть его. Помогая явному

врагу. Но тогда, разве я не враг? Его враг — мой друг. Это то, чего я хотела с самого начала — уничтожить его изнутри.

Я собираюсь это сделать. Я рискну всем, полагаясь на слова незнакомца, которого, скорее всего, никогда не встречу, и всё это ради того, чтобы уничтожить человека, который отнял у меня мою власть.

Уже больше одиннадцати, когда я выхожу из своей комнаты, тихо закрывая за собой дверь. На цыпочках спускаюсь по лестнице и быстро пробираюсь через тёмный дом. Случайный гул голосов доносится по коридору, и я останавливаюсь у одной из комнат, когда слышу голос Ронана. Дверь едва приоткрыта, и я заглядываю внутрь. Ронан сидит на диване спиной к коридору, в воздухе витает облако дыма. В кресле напротив него сидит другой мужчина в костюме-тройке, выглядящий таким же богатым, как Ронан, но лишённый грубой силы, которой Ронан, кажется, физически дышит. Слышен отчётливый низкий раскат его смеха.

Хорошо.

Надеюсь, это займёт его хотя бы на минутку.

Я направляюсь к его кабинету, мой пульс бешено колотится, когда я нажимаю на ручку. Дверь не заперта, и я думаю, что это глупо, но опять же, кто был бы настолько безумен, чтобы вломиться в офис Ронана Коула? Свет из коридора проникает в комнату, и я мельком вижу картину прямо за письменным столом, когда вхожу и закрываю за собой дверь. Комната погружается в темноту, если не считать лунного света, льющегося через окна. В двух углах комнаты мигают маленькие красные лампочки. Конечно, здесь должны быть камеры. У меня нет выбора, кроме как заправить волосы за воротник халата и надеяться, что они ничего не смогут разглядеть в темноте. Если я что-нибудь испорчу с этими камерами, люди Ронана в мгновение ока окажутся у меня на хвосте. Из окна льётся ровно столько света, что я могу спокойно пересечь комнату и остановиться перед картиной. Я просовываю пальцы под раму, и она отходит от стены, открывая металлический сейф. Там клавиатура с мигающим зелёным огоньком. Трясущимися пальцами я набираю код: 030565. Сейф издаёт звуковой сигнал, и дверца со щелчком открывается. Я не могу поверить, что это сработало! Внутри лежат папки, несколько пачек рублей, телефон и флешка. Я достаю из кармана вторую флешку и меняю их местами, прежде чем захлопнуть сейф. Замок щелкает со звуковым сигналом, и я возвращаю картину на место.

В груди у меня гудит, желудок сжимается, и я поспешно выхожу из комнаты и иду по коридору. Я почти добираюсь до прихожей, когда Ронан выходит из гостиной и почти наткнется на меня. Моё сердце подпрыгивает в груди, и адреналин разливается по венам.

О боже, он поймал меня.

Флешка в моём кармане ощущается как атомная бомба, готовая стереть меня с лица земли. Я заставляю себя улыбнуться.

— Ронан, я просто искала тебя. — Его глаза изучают моё лицо и блядь; клянусь, он видит, что я вру так же ясно, как божий день.

Я так облажалась.

РОНАН

«Prisoner» — *The Weeknd, Lana Del Rey (трек)*

Мой взгляд скользит по её хорошенькому личику, по лёгкому подёргиванию губ. Моя маленькая *Красавица* что-то задумала...

— Разве ты не должна быть связана? — спрашиваю я.

Она свирепо смотрит на меня.

— Чтобы связать меня, нужно нечто большее, чем верёвка, Русский.

— Итак, ты пришла, чтобы похвастаться своей мнимой свободой?

— Конечно, — она приподнимает бровь и улыбается. — И украсть твой бренди. — Она проскальзывает мимо меня в гостиную, где её ждёт один из слуг с моим бренди и пультом от телевизора.

Я беру бокал из его рук и сажусь, пока он включает телевизор на вечерние новости. Камилла наливает себе напиток, выпивает его залпом, а затем наливает ещё один бокал, прежде чем подойти и сесть рядом со мной.

— Ты же знаешь, что я связал тебя только для того, чтобы позлить? — говорю я. — Я знал, что ты выберешься, и должен сказать, восхищаюсь твоей решимостью. — Я смотрю на тонкие царапины, портящие её идеальную кожу.

— О, что ж, в таком случае... — закатив глаза, она залпом выпивает свой напиток.

Я обращаю своё внимание на новости. Убийства, кражи со взломом, ещё один ядерный взрыв, потрясший пустыню Гоби на этой неделе — у меня в кармане звонит телефон, и я достаю его. Имя Анастасии мелькает на экране.

— Да? — говорю я.

— Как ты мог? — потрясено возмущается Анастасия. — После всего, что я для тебя сделала. После всего, что я тебе дала, а ты уже заменил меня?

— Ана, — ласково говорю я, — твой муж этого не допустит, я всего лишь пытаюсь залечить своё разбитое сердце.

— С какой-то дешёвой шлюхой?

Камилла ставит свой напиток на край столика и с любопытством приподнимает бровь.

— Ана, пожалуйста, не делай этого, — шепчу я, не сводя глаз с Камиллы. — Не сейчас. Единственная причина, по которой я не с тобой, — это из-за Николая.

Руки Камиллы скользят по моей груди, когда она наклоняется и прижимается губами к моей шее.

— Оу, как романтично, — говорит Камилла, прикусывая нижнюю губу. Она закидывает ногу мне на бёдра и садится на меня верхом. Её пальцы скользят по моей шее сбоку. Я *должен* оттолкнуть её от себя, но в жизни слишком много вещей, которых я предпочитаю не делать, даже если должен...

— Я же говорила тебе, что уйду от него, — отвечает Анастасия. — Я же говорила тебе, что я бы...

— Ты не можешь оставить его, Ана, — говорю я. Камилла наклоняется и кусает меня за ухо. — Он тебе не позволит, и ты это знаешь.

На другом конце провода раздаётся тихое рыдание, за которым Анастасия бормочет что-то о любви.

Я накручиваю на кулак густые волосы Камиллы, откидывая голову на спинку дивана и закрываю глаза. Её ногти впиваются мне в лицо, когда она хватается за подбородок и прижимается своими губами к моим. Вкус бренди ощущается на моём языке, и я мягко отталкиваю её.

— Ана, ну пойми же... ты же знаешь, что она никогда не сможет сравниться с тобой, — говорю я, взглянув на Камиллу. В её глазах мелькает лёгкая искорка, которая так возбуждает меня.

Она прижимается губами к моему уху, а рукой к моей промежности.

— Если бы только это было правдой.

— Я не верю тебе, Ронан, — шепчет Анастасия. — Думаю, что я была для тебя не более чем призом, который ты должен был выиграть.

Камилла отодвигается от меня и падает на колени. Это самый красивый вид Камиллы, который я когда-либо видел — стоящая на коленях, как будто она поклоняется мне. Она тянется к моему ремню и расстёгивает его, быстро расстёгивая мои брюки.

— Ана, ты же знаешь, что это неправда. — *Смерть твоего мужа — вот награда.* Пальцы Камиллы обхватывают мой член, и она проводит своим тёплым языком по головке. Я борюсь со стоном.

— Я думала, ты любишь меня, — плачет Ана.

И вот тут-то щелкает выключатель:

— Ана, ты, конечно же, знаешь, что такой мужчина, как я, не способен на такие тривиальные эмоции?

Глаза Камиллы встречаются с моими, лёгкая улыбка касается её губ как раз перед тем, как я наблюдаю, как мой член исчезает у неё во рту. Я сжимаю в кулаке её волосы, мои глаза прикованы к ней, пока она обрабатывает меня. Каждое движение её языка, каждый взмах её руки грозят свести меня с ума. Камилла Эстрада относится к тому типу женщин, за которых любой мужчина заплатил бы деньги, чтобы иметь их на коленях, потому что это власть во всех смыслах. Я засовываю свой член ей в глотку, ухмыляясь, когда Камилла заглатывает его даже не подавившись.

— Блядь, — стону я, откидывая голову на сиденье.

— Ронан? — шепчет Ана.

Мой член выскальзывает изо рта Камиллы. Она протягивает ко мне руку. Тепло разливается по моей груди, и я кладу телефон в её ждущую ладонь. Она прижимает телефон к уху, её бирюзовые глаза не отрываются от моих, пока она поглаживает мой член.

— Ронан сейчас занят, Анастейша. — Камилла легонько целует головку моего члена. — Мне придётся приостановить твоё отчаяние. — Самодовольная улыбка украшает её губы. — Если только ты не захочешь послушать. — А потом она вешает трубку, прежде чем снова заглотив меня.

Вот тут-то я и должен остановить её. Разговор окончен. Это больше не игра между Камиллой и Анастасией, теперь это игра между Камиллой и мной. Жар течёт по моим венам, как кипящая лава, и как раз в тот момент, когда я почти теряю над собой контроль, я отпускаю её волосы и отталкиваю её голову. Я хватаю свой член и надрачиваю его, пока не кончаю со стоном, ругаясь себе под нос. Закрыв глаза, я делаю несколько глубоких вдохов, прежде чем посмотреть на Камиллу с улыбкой, потому что в самом конце я отнял у неё эту власть.

Камилла вытирает уголки рта, поднимаясь на ноги. Она обходит диван, перегибается

через спинку и целует меня в шею.

— Никогда мужчина не бывает прекраснее, чем в моменты своей слабости. — Она кусает меня за горло. — Ты правда великолепен, когда кончаешь, Русский, — говорит она, прежде чем выйти из комнаты.

Мы ходим круг за кругом, танцуя в порочности друг друга, как люди, сошедшие с ума. Я застёгиваю брюки и провожу рукой по лицу, прежде чем потянуться за своим бренди.

День.

Я хватаю свой телефон, перечитывая текст:

«Вся Дьявольская пыль добыта».

Сжимая телефон в руке, я сглатываю. Что ж, похоже, время маленькой кошечки почти истекло, и какая же это жалость. Она такая хорошенькая, дерзкая, такое редкое произведение искусства. Кажется, столь жестоко лишать жизни такое непостоянное создание, но, в конце концов, бизнес есть бизнес, и я был бы дураком, если бы не признал, насколько опасно моё влечение к ней.

Я работал слишком усердно и слишком долго, чтобы позволить какой-то милой мелочёвке отвлечь меня от моего дела.

КАМИЛЛА

«Heart-Shaped Box» — Midnight String Quartet (трек)

Я не видела Ронана со вчерашнего вечера. Флешка спрятана в глубине одного из ящиков комода, и я жду. Жду, когда он узнает, когда Ронан поймёт, что её нет, ворвётся сюда и убьёт меня за то, что я сделала.

Я спешу в ванную и достаю телефон, проверяя его в сотый раз за сегодняшний день. Экран загорается, и я с нетерпением жду, когда он загрузится. Как только экран оживает, я вижу сообщение:

«Сегодня вечером ты пойдешь в ночной клуб Коула. Иди в уборную на первом этаже. Третья кабинка от двери. Оставь USB в мусорке».

Нахмурившись, я выключаю телефон и засовываю его обратно в бачок унитаза. Откуда они вообще знают, что она у меня?

Дверь спальни со скрипом открывается, и я в панике быстро со звоном задвигаю крышку унитаза на место. Я резко оборачиваюсь и вижу Игоря, стоящего в дверях ванной и хмуρο смотрящего на меня.

— Босс хочет, чтобы ты была готова через час. Платье лежит на кровати. — А потом он поворачивается и уходит. Я возвращаюсь в спальню и бросаю взгляд на крошечное чёрное платье. Короткое и обтягивающее. Такое, какое я бы надела в ночной клуб...

Ладонь Ронана лежит у меня на пояснице, пока мы проходим мимо очереди людей, ожидающих входа в клуб. Моё сердце колотится о рёбра, и меня охватывает чувство тревоги. Кем бы ни был мой маленький друг... либо он глубоко внедрён в организацию Ронана и обладает пугающим количеством власти... или это, и в самом деле, Ронан, и я движусь прямо в его ловушку, идя навстречу своей смерти. В любом случае, я здесь, перед тем самым клубом, в который, как мне сказали, я поеду, с флешкой, засунутой в лифчик.

Несколько человек в очереди бросают взгляды в нашу сторону, когда вышибала спешит впустить нас в тёплый клуб. Люди Ронана окружают его хорошо отработанным строем, каждый напряжён и неподвижен, как будто они готовы в любой момент принять за него пулю.

Ронан ведёт меня через комнату, уставленную чёрными хрустальными люстрами и красными бархатными креслами. В этом клубе есть что-то мрачное и чувственное, и, если бы я ещё не знала, что им владеет Ронан, я могла бы догадаться. Танцевальная музыка разносится по зданию, заставляя пол пульсировать у меня под ногами. Несмотря на то, что музыка тяжёлая, в ней есть что-то сексуальное, особенно когда я наблюдаю, как люди на танцполе раскачиваются и трутся друг о друга.

Флешка, зажатая у меня между грудей, словно обжигает. Я убеждена, что в любой момент Ронан спросит меня о ней, прямо перед тем, как всадить мне пулю между глаз. Люди Ронана расталкивают людей, расчищая путь, как будто он член королевской семьи, когда он ведёт меня дальше в клуб.

Я поворачиваюсь к нему и прижимаюсь губами к уху.

— Мне нужно в туалет, — говорю я. Моё сердце трепещет.

Нетерпеливо вздохнув, он кивает головой в сторону коридора, затем ведёт меня в

уборную. Я собираюсь зайти внутрь, но он останавливает меня, сам открывает дверь и заходит внутрь. Две девушки стоят у зеркал. Ронан свирепо смотрит на них, и они быстро уходят.

— Иди, — говорит он, махнув рукой в сторону пустых кабинок.

— Знаешь, я и сама могу пописать...

Скрестив руки на груди, он прислоняется к раковине.

— В последний раз, когда я оставил тебя одну в женском туалете, ты перерезала себе горло.

— Это немного слишком драматично, — отвечаю я, заходя в третью кабинку слева и закрывая дверь. Секунду я сижу на закрытом унитазе, мой желудок сжимается. *Чёрт* Мне не нужно в туалет, и если я кину эту флешку в пустое пластиковое ведро, она издаст шум... по крайней мере, я надеюсь, что она пустая.

— У меня как бы есть дела, — говорит Ронан.

— Я не могу, когда ты слушаешь. — Я фыркаю. — Включи сушилку для рук.

Включается сушилка. Я быстро вытаскиваю флешку из лифчика и бросаю её в мусорное ведро. Раздаётся приглушенный стук, когда она ударяется о дно, но уверена, что Ронан не услышал бы этого из-за сушилки. Я жду несколько секунд, прежде чем встать и спустить воду в туалете. Когда я открываю дверь, Ронан стоит на том же месте, скрестив руки на груди и нахмутив брови. Его полные губы сжимаются в раздражении. Я ничего не могу с собой поделать, но мне хочется поцеловать их, потому что я так радуюсь его плохому настроению. Я мою и вытираю руки, затем выхожу вслед за ним, мой пульс учащается.

Я выполнила свою часть работы. Кем бы ни был мой таинственный друг — я лишь надеюсь, что он действительно друг. Они не могут быть хуже Ронана. В конце концов, он тот человек, который собирается убить меня. Другие, возможно, попытались бы, но он добьётся успеха, и это делает любую месть, которую я могу сделать, чертовски сладкой.

Как только мы возвращаемся в главный зал клуба, Ронан обнимает меня за талию и притягивает к себе.

Такой показушник.

Люди наблюдают, как мы проходим мимо, их взгляды скользят по нам. Один мужчина в костюме смотрит на меня слишком долго. Его пристальный взгляд скользит по моим обнажённым бёдрам, и я наблюдаю, как в его глазах вспыхивает неистовая похоть. Раньше мне нравилось, когда мужчины падали к моим ногам, но сейчас... Я предпочитаю что-то немного более сложное, немного более опасное. Тот факт, что я была пленницей Ронана в течение нескольких недель — в его власти — и всё же он не трахнул меня, что ж, от меня это не ускользнуло. Я знаю, что он хочет меня, и я бы солгала, если бы сказала, что я тоже не хочу его. У этого человека сдержанность монаха.

Он ведёт меня в конец коридора, через дверь и вверх по лестнице. Ронан набирает код на панели, и дверь издаёт звуковой сигнал, прежде чем распахнуться в круглую комнату. Стены сделаны из чистого стекла, что обеспечивает беспрепятственный вид на клуб внизу. В комнате есть письменный стол, несколько стульев и небольшой бар. Ничего больше. Люди Ронана заходят за нами и закрывают за собой дверь. Как только дверь закрывается, комната практически погружается в тишину. Я чувствую ритмичный *стук, стук, стук* музыки, но ничего не слышу.

Ронан садится за стол, затем указывает на стул напротив себя.

— Сядь, — приказывает он.

Я делаю, как сказано, и его люди занимают позиции по всей комнате, прижимаясь спинами к стеклу. Никто ничего не говорит, и мои нервы уже на пределе. Как раз в тот момент, когда я собираюсь спросить, чего мы ждём, дверь открывается, и в комнату вливается музыка. Внутри заходят трое мужчин, двое в костюмах, другой одет в толстовку с капюшоном и рваные джинсы. Дверь захлопывается, принося с собой оглушительную тишину, и человек в капюшоне подпрыгивает. Его взгляд с тревогой обводит комнату. Капли пота выступают у него на лбу, когда он проводит дрожащей рукой по своим растрёпанным светлым волосам. Мужчины в костюмах останавливаются по обе стороны от него, прямо перед столом Ронана. Я практически чувствую исходящий от него страх, и мне почти жаль его. Он выглядит таким молодым, таким совершенно неуместным здесь, во владениях дьявола.

Ронан барабанит пальцами по столу, прежде чем закурить сигару, пыхтя и глядя на бедолагу сверху вниз.

— Я очень разочарован, — говорит он. — Очень, *очень* разочарован.

Это прям очень нехорошо для него.

— Мистер Коул. Я не... — выдыхает мужчина с американским акцентом. — Что бы я не сделал, простите, я просто... почему я здесь?

— Больше не говори со мной напрямую, — говорит Ронан, его челюсть подрагивает.

— Пожалуйста, — шепчет он, прежде чем разрыдаться. Виновные всегда так быстро ломаются. Я должна задаться вопросом, что этот человек мог делать с Ронаном.

— Игорь, — Ронан щёлкает пальцами. — Расскажи этому человеку, что он сделал.

— Да, босс, — отвечает Игорь, выходя из тени. Он встаёт перед мужчиной, стоя как солдат по стойке смирно. — От тебя требовалось выполнить работу для мистера Коула, и тебе хорошо заплатили за твои услуги. Ты предал его. Предателей не терпят.

— Они заставили меня. Меня бы арестовали за государственную измену! — он плачет. — Мне очень жаль! Я сделаю всё, что угодно, только, пожалуйста, позволь мне...

— Как мило, — Ронан смеётся, прежде чем сделать ещё одну затяжку своей сигары.

— Пожалуйста, не причиняйте мне вреда! — мужчина плачет и умоляет. Подобно загнанному в угол раненому оленю, он знает, что конец близок. Он не имеет дела с каким-нибудь хищником. Это Ронан Коул. Здесь он не найдёт пощады.

— Игорь, скажи ему, что ФБР принадлежит мне. — Ронан снова смеётся, и в воздухе поднимается густое облако дыма. — И, пожалуйста, передайте мистеру Томасу, что я не из милосердных.

Всё, что я слышу, — это истерические рыдания мужчины. Я тяжело выдыхаю и закатываю глаза.

Неужели никто больше не может умереть достойно?

Игорь и другие мужчины исчезают за дверью, и я краем глаза ловлю взгляд Ронана, брошенный на меня.

— Иди сюда, маленькая кошечка. — Он отодвигает свой стул от стола и хлопает себя по бедру.

Я встаю на ноги и подхожу к нему, лёгкая улыбка застывает на губах, хотя во мне закрадывается подозрение. Я никогда полностью не доверяла Ронану, но особенно когда он подпускает меня столь близко. Я сажусь к нему на колени, закидываю одну ногу на другую и кладу руку ему на плечо.

— Ты кажешься раздражённой. — Он ухмыляется.

— У предателя должно, по крайней мере, хватить порядочности достойно умереть, тебе не кажется? — пронзительный визг мужчины наполняет комнату.

— Конечно. Однако, мистер Томас, я имею в виду, посмотри на него, — Ронан указывает на другой конец комнаты. — Такой неопрятный, он даже не пытается гордиться своей внешностью. Что заставляет тебя думать, что он гордился бы своей смертью?

Я провожу пальцем по накрахмаленному воротничку рубашки Ронана.

— А чего ты ожидал? Он предатель. — Я кривлю губы. — Предать с ёбаным ФБР и всех вариантов.

Боже, я ненавижу американские власти.

— Он работал с террористическими организациями на Ближнем Востоке. Совершал прискорбные поступки. Взлом ракетных кодов и пособничество в гибели невинных людей... детей... — Ронан смотрит на него и цокает языком. — Он показал себя очень многообещающим хакером. Это позор.

Я оглядываюсь через плечо на мужчину, который теперь стоит на коленях, прижав подбородок к груди.

— Для него — да. — Я поворачиваюсь обратно к Ронану, наблюдая, как его глаза блестят от возбуждения.

Ронан может быть высокомерным засранцем, может быть эгоистичным и самовлюблённым, но именно сейчас он наиболее опьяняющий. Его безжалостность соответствует моей, и это заставляет меня желать его самым извращённым образом. Моё сердце бешено колотится. Моя киска сжимается, и я ёрзаю у него на коленях, пытаюсь сосредоточиться.

— Только подумай, — говорит Ронан, кладя свою сигару в пепельницу. — Если бы ты просто сделал так, как тебе сказали, ты мог бы нести единоличную ответственность за приход к власти следующего президента Соединённых Штатов. Ты был бы на два миллиона долларов богаче, но ты позволил своему эгоизму затуманить суждения, и теперь... — Ронан пожимает плечами. — Ты просто умрешь маленьким грязным предателем.

— Пожалуйста! Я могу вам заплатить... — говорит мужчина.

— Заплатить *мне*? — Ронан истерически смеётся.

— Господи, блядь, — я огрызаюсь. — По-твоему, он выглядит так, будто нуждается в деньгах? — *Тупое дерьмо.* Рука Ронана опускается мне на бедро.

— Скажи мне, что бы ты сделала с ним, Камилла? — шепчет Ронан, проводя пальцем по моей челюсти. Мой пульс бешено бьётся под его прикосновениями.

— Мой отец однажды сказал мне, что смерть предателя должна быть красивой, запоминающейся. — Пальцы Ронана сильнее сжимают моё бедро, и он ухмыляется.

— Всякая смерть прекрасна.

Я провожу ногтями по шву его воротника там, где он соприкасается с кожей.

— Нет ничего прекраснее крови, такого яркого цвета. — Я наклоняю голову. — Такая хорошенькая. — Его рука неторопливо скользит по моему бедру, прижимая меня ближе.

— Так празднично, — выдыхает он мне в губы, и на мгновение я позволяю себе потеряться в напряжении, растущем между нами. — Как бы ты убила его? Скажи мне, Камилла. — Его пальцы рисуют круги на моей коже.

Я пожимаю одним плечом.

— Взяла бы нож, — я провожу пальцами по челюсти Ронана и поднимаюсь к его виску. — Начала отсюда и резала, — мои пальцы опускаются к его подбородку. — А потом я

вонзила бы ногти под дряблую кожу и медленно сдирала её с его лица. — Он улыбается, и я наклоняюсь, касаясь губами его шеи, прежде чем прикусить мочку уха. — Но настоящий секрет в том, что, если вы прижжёте открытые мышцы, они не будут кровоточить так быстро. — Я заставляю себя отстраниться, потому что прямо сейчас я слишком возбуждена.

Одна бровь Ронана подёргивается, прежде чем его улыбка становится шире.

— Ты такая дикарка, — говорит он. Я чувствую, как его член набухает у меня под задницей. — Скажи мне, а здесь много крови? — его член становится больше. Он получает удовольствие от этого дерьма, от жестокости и насилия, от поэзии лишения человека жизни.

— Конечно. Если ты правда хочешь устроить вечеринку, ты всегда можешь вырезать глаза. — Я не могу оторвать взгляда от Ронана. Я пьяна от него, от нас.

Он наклоняется к моему уху.

— Это то, что заставляет меня хотеть трахнуть тебя, маленькая кошечка.

— Тогда трахни меня, — выдыхаю я, запуская пальцы в его волосы и наклоняя голову набок. Его зубы впиваются мне в шею. Его хватка на моих бёдрах усиливается, и он с шипением выдыхает, когда я извиваюсь у него на коленях.

Дверь открывается, и я вырываюсь из оцепенения, в которое меня ввёл Ронан. Учащённое дыхание и отчаянные рыдания мужчины, чья жизнь близка к концу, возвращаются. Игорь входит в комнату, шум из клуба возвращается лишь на мгновение, прежде чем снова смолкнуть. Игорь бормочет что-то по-русски двум другим мужчинам. Они кивают и пересекают комнату, возвращаясь с инструментами, которые раскладывают на полу. Ронан поднимает меня на ноги, прежде чем встать и отойти в другой конец комнаты, напевая. Он возится с чем-то на барной стойке, и из скрытых динамиков доносится жуткий звук одинокой виолончели. Возвращаясь к своему столу, Ронан водит пальцем по воздуху, как дирижёр на симфоническом концерте. Власть — это может быть то, чем он наслаждается, но это так же, чего он жаждет. Чудовище в пещере, ангел смерти на похоронах.

Ронан хватает свою сигару, снова затягивается и смотрит на бедного мистера Томаса. Навязчивые ноты вьются вокруг меня, расползаясь по комнате. Я сажусь на край его стола, когда он подходит и встаёт рядом со мной.

— Это что... Нирвана? — спрашиваю я. Нирвана с виолончелью. Свойственно только для Ронана.

— Конечно же, — он ухмыляется. — «Heart-Shaped Vox».

— Ну конечно.

Его рука обхватывает меня сзади за шею, его глаза безумны.

— Мне действительно нравится ирония происходящего. Утончённость, которую она придаёт такому жестокому поступку.

Мужчины приближаются к мистеру Томасу, и он отчаянно борется, как это сделало бы любое животное, сражающееся за выживание. Наконец, после нескольких ударов в лицо и живот, он связан. Игорь нажимает кнопку на пульте дистанционного управления, и комнату наполняет низкий жужжащий звук, когда парня медленно поднимают за ноги в воздух, подвешивая к лебёдке в потолке. Он умоляет, упрашивает и плачет, но, конечно же, видит, что мы давно это закончили? Внизу, за стеклянными окнами люди пьют и танцуют в клубе. Они наслаждаются простотой жизнью, в то время как внутри этих стен безраздельно властвует смерть в образе Ронана Коула. Король, сидящий на своём троне. Владыка всего, что он видит. Ничто за пределами этой комнаты не имеет для него значения. Мы отстранены

от ничтожных забот всех остальных.

Игорь подходит к мистеру Томасу, и я замечаю лёгкий отблеск лезвия.

— Игорь, — произносит Ронан, — подожди. — Игорь останавливается. — Хотела бы ты удостоиться такой чести? — Ронан сосредотачивает своё внимание на мне, поглаживая мои волосы за ухом.

Я улыбаюсь.

— А я-то думала, ты жадный.

Отнимать у человека жизнь... что ж, это зависимость, от которой никогда настоящему не излечишься, попробовав лишь однажды. Нет лучшего кайфа, чем тот, который приходит, когда смотришь, как сама сущность мужчины покидает его глаза. Это мощно, гипнотизирующе, чрезвычайно волнующе; прямо как сам Ронан.

Ронан протягивает ладонь и подзывает Игоря. Беспокойство мелькает на лице Игоря, когда он вкладывает нож в руку Ронана.

— Уходите, — говорит Ронан, и, не говоря ни слова, все мужчины исчезают из комнаты. Замок на двери щёлкает, и Ронан встаёт между моими бёдрами.

Я протягиваю руку, и он кладёт нож мне на ладонь.

— Только его лицо или ещё и глаза? — звуки музыки сливаются с криками мистера Томаса, создавая прекрасное, завораживающее крещендо.

— Позволь мне научить тебя, как превратить это в искусство. — Глаза Ронана блестят. — Искусство всегда утончённо. — Он медленно проводит пальцем по моему горлу. — Один простой надрез, и вся кровь вытечет из его тела. Так медленно. Так идеально. — Он хватает меня за подбородок и смотрит на меня сверху вниз. — Убийство таким способом — это то, что отличает нас от животных.

— Что ж, — ухмыляюсь я, — теперь мы не можем испортить твой выдающийся имидж, не так ли? — я прикусываю его нижнюю губу, прежде чем спрыгнуть со стола и медленно подойти к мужчине, свисающему вниз головой с потолка.

— Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! — повторяет он снова и снова его слова невнятные и безумные.

— Тсс-с. — Я опускаюсь перед ним на корточки и поворачиваю голову в сторону, чтобы посмотреть на него. — Ш-ш-ш-ш. Всё в порядке. — Я прижимаю пальцы к его губам, и он затихает, слезы каскадом стекают по его вискам. — Ты ничего не почувствуешь. — Я ухмыляюсь и вонзаю лезвие ему в шею сбоку. Он хнычет, и в ране появляется капля крови. Я ловлю её и провожу пальцем по его губам, покрывая их его собственной кровью, когда рисую улыбку на его лице. — Улыбнись, ты правда можешь сохранить своё лицо. — Он задыхается, и одним медленным движением я провожу лезвием по его горлу. Он кричит и бьётся в агонии, когда фонтан крови заливают его лицо. Бульканье, с которым он захлёбывается в собственной крови, посылает волну адреналина по моему позвоночнику, прежде чем я встаю и поворачиваюсь лицом к Ронану.

Его глаза останавливаются на мне, когда он направляется ко мне. Он останавливается передо мной, колеблясь секунду, прежде чем выхватить нож. Моё сердце бешено колотится, потому что я понятия не имею, что он собирается сделать. Без предупреждения он хватается за плечи и прижимает к стеклянной стене, кончик лезвия вонзается мне под подбородок, когда он наклоняется.

— Как бы ты убила меня сегодня, *Красивая?*

У меня перехватывает дыхание.

— Слышал о смерти от тысячи порезов? — я сглатываю. — Я бы изрезала всего тебя, а потом, может быть, трахнула бы тебя, пока ты истекал бы кровью ради меня. — На пол рядом со мной постоянно капает кровь мистера Томаса.

— Ты бы сделала это? — шепчет Ронан мне в губы. — Я так сильно хочу порезать тебя.

— Хм-м. — Я царапаю ногтями его шею сзади. — Нет ничего лучше ощущения скользкой крови на горячей коже.

Его лоб касается моего, и он со стоном выдыхает, когда лезвие ножа скользит по моей челюсти. Я дрожу, и прерывистое дыхание срывается с моих губ.

— Держу пари, ты такая хорошенькая, когда ты *взаправду* истекаешь кровью.

— Так... — я наклоняюсь, приближая губы к его уху: — Заставь меня истекать кровью. — Адреналин бурлит в моих венах, пока я кайфую от опасности, острых ощущений, переполняясь похотью и потребностью в мужчине передо мной. Он мой противник и моё отражение, и я хочу его. Всего один раз.

В его глазах вспыхивают садистские искорки, и он прикусывает губу. Прохладный кончик лезвия скользит вниз по моей ключице. Я наблюдаю, как раздуваются его ноздри, взгляд фокусируется, а затем жгучая боль пронзает моё тело, когда он медленно рассекает мою грудь. Сглотнув, он смотрит на порез, прежде чем наклониться и облизать свежую рану, и я со стоном закрываю глаза.

— Я должен убить тебя, — шепчет он.

— Тебе следовало бы.

Он подносит нож к моему горлу и держит его там. Его взгляд продолжает скользить по порезу на моей груди, и это зрелище, как мне кажется, лишает его самообладания. Закрыв глаза, он сжимает мои волосы в кулаке, как будто пытаюсь удержаться на ногах. Острый край лезвия снова вонзается в мою кожу, и моё сердце бешено колотится. Вот оно. Он собирается убить меня, но какой же это прекрасный способ уйти...

Укол лезвия исчезает. Ронан стонет, роняя нож, прежде чем схватить меня и швырнуть на пол. Он проводит одной рукой по моей крови, а другой срывает с меня нижнее бельё. Мои ноги бесстыдно раздвигаются для него, и он зажимает мой набухший клитор между пальцами.

— Ты истекаешь кровью из-за меня, маленькая кошечка, но я хочу, чтобы ты умоляла меня.

Я сжимаю в кулаке его волосы, сильно дёргая за корни.

— Я не умоляю, Русский.

Глубокий смех вырывается из его горла, когда он расстёгивает пояс и тянется за ножом, лежащим на полу. Лезвие сверкает на свету, когда он снова подносит его к моему горлу. Моё сердце колотится о рёбра, моим лёгким не хватает воздуха, и прилив адреналина делает меня почти слепой от желания.

Музыка, звук умирающего рядом со мной человека, запах крови в воздухе, люди по ту сторону стекла в блаженном неведении... и Ронан, это пьянящее сочетание, с которым у меня нет желания бороться. Я хочу его. Я хочу этого — разврата, похоти, гнева и ненависти. Его рука ложится мне на горло, и нож прижимается к моему подбородку. Он сжимает достаточно сильно, чтобы лишить меня доступа кислорода и сделать моё зрение размытым. Я чувствую, как он близок, балансируя на острой, как бритва, грани контроля. Он такой же безумный, как и я, и я хочу, чтобы он пал вместе со мной.

Он снова роняет нож и сжимает внутреннюю сторону моего бедра, когда его тело

прижимается к моему, твёрдое и тяжёлое. Наши взгляды встречаются, и я вижу обещание крови и боли. Не уверена, хочет ли он трахнуть меня или убить. Возможно, и то, и другое. Улыбаясь, я раздвигаю ноги шире, приглашая его. Он рычит, прежде чем вонзиться в меня так жёстко, что у меня перехватывает дыхание. В течение одного мгновения он поглощает меня и уничтожает, и я знаю, что никогда больше не буду прежней. Его язык скользит по моей шее.

— Если бы только я мог видеть тебя такой же, истекающей кровью, — шепчет он, кивая в сторону человека, свисающего с потолка и с бульканьем издающего последние предсмертные вздохи.

Я прижимаюсь губами к его губам, кусая до тех пор, пока металлический привкус его крови не наполняет мой рот. Ронан стонет, и я обхватываю его ногами, вгоняя его глубже. Так чертовски глубоко, что я уже не знаю, где заканчивается он и начинаюсь я. Всё — одно кровавое, опасное месиво. Бесконечный поток разрушений, который наверняка погубит нас обоих. Со стоном я откидываю голову на пол, и он трахает меня сильнее, быстрее. Его ногти впиваются мне в шею — сладкая угроза и смертельное обещание. У меня перед глазами всё плывёт. Мой пульс отчаянно бьётся. Комната кружится вокруг меня, когда он пытается затрахать меня. Он намеревается завладеть моей душой, и я не уверена, планирует ли он убить меня, чтобы завладеть ею. Я обожаю это. Я хочу этого. Я никогда не была так близок к неровной грани удовольствия и боли — жизни и смерти. Я одержима дьяволом, и он может заполучить меня. Его язык касается моего, и его хватка на моей шее ослабевает.

— Ты такая красивая, когда истекаешь кровью, — бормочет он мне в губы, прежде чем оттолкнуть моё лицо. Он отодвигается, и я чувствую острый укол ножа у основания моего горла, прежде чем он проводит им вниз по моей груди, разрезая кожу. Боль и удовольствие сливаются воедино в идеальной химии. Моя киска сжимается вокруг него, когда оргазм пронзает меня так сильно и быстро, что я не уверена, перестанет ли моё сердце биться физически.

Его движения становятся неистовыми, и он роняет нож на пол, обхватывая обеими руками моё горло.

— Ты прекрасна, Камилла. Так чертовски идеальна. — Его хватка становится болезненной. Он рычит, входя в меня так сильно и быстро, что мой разум путается, моим лёгким не хватает кислорода, а затем всё погружается во тьму.

Когда я прихожу в себя, я лежу на том же самом месте, и моё тело болит самым прекрасным образом. Я сажусь и смотрю на тело, слегка раскачивающееся под потолком. Запах крови и сигарного дыма наполняет мои чувства, пол вибрирует в такт низким ритмам клубной музыки, пульсирующей под нами. Кровь медленно стекает по деревянному полу, образуя небольшое течение, а Ронан стоит в другом конце комнаты, наблюдая за этим. Я поднимаюсь на ноги и огибаю кровь, направляясь к Ронану. Его глаза медленно блуждают по моему телу, останавливаясь на горле.

— У тебя в кабинете установили сток? — говорю я, мой голос всё ещё хриплый от жестокой хватки, которой он сжимал моё горло.

— Некоторые мужчины хотят плазменные экраны; я лишь хочу водосточную трубу. — Он ухмыляется.

Я протискиваюсь между его бёдер и кладу руку ему на грудь.

— И лебёдку на потолке, — я приподнимаю бровь. — Любой бы мог подумать, что тебе нравится пачкать руки, Русский.

Он ослабляет галстук, прежде чем стянуть его через голову и прижать мягкую ткань к моей груди. Его взгляд по-прежнему прикован к порезам, пока он вытирает кровь с моей кожи.

— Мои руки чисты, маленькая кошечка.

— Угу. — Я многозначительно смотрю на его окровавленный галстук.

Ронан снова надевает пиджак и поправляет воротник. Он расчёсывает мои волосы, прикрывая ими порезы на плече и груди.

— Пойдём.

Он ведёт меня через комнату, и в ту секунду, когда открывается дверь, меня окружает шум из клуба. Один из мужчин, ожидающих снаружи, проскальзывает в комнату и закрывает за собой дверь, думаю, чтобы навести порядок. Вот так просто, всё, что произошло, ощущается как глубокая тёмная тайна, о которой узнают лишь эти стены.

Рука Ронана сжимает моё бедро, когда мы спускаемся по лестнице и проходим через клуб. Он останавливается у края стойки, чтобы с кем-то поговорить. Люди танцуют вокруг меня, смеясь и прижимаясь друг к другу. Когда я смотрю на Ронана, он отходит к боковой двери, просматривая документы с другим мужчиной в костюме. Кто-то врывается в мой бок, и я резко поворачиваю голову, чтобы посмотреть на этого человека. Мой взгляд натывается на широкую грудь, и я поднимаю глаза на мужчину, который теперь смотрит на меня сверху вниз с похотливой улыбкой. Он говорит что-то по-русски, когда его рука ложится мне на талию, крепко притягивая меня к своему телу и заставляя меня наклониться назад над стойкой. Я рычу и отталкиваюсь от него, пока не чувствую спиной стену. Его рука опускается на моё бедро, задирая платье. Я не могу пошевелиться. Он тяжёлый и так плотно прижат ко мне, что я даже не могу поднять руку или ударить его коленом по яйцам. Его рука скользит выше, и я впадаю в панику. Он что-то рычит мне на ухо. Мне не обязательно уметь говорить по-русски, чтобы понять его намерения.

Как, черт возьми, я оказалась в таком положении?

Внезапно он напрягается. Его глаза расширяются, тело застывает, и он стонет. Раздаётся щелчок, когда его голова резко поворачивается в сторону, а затем он падает на пол. Ронан прямо передо мной, как ангел отмщения. Мой взгляд перемещается с Ронана на парня у моих ног — мёртвого — у него сломана шея.

Он разглаживает ладонью перед своего пиджака и протягивает мне руку. Люди вокруг нас паникуют и разбегаются, но Ронан — это всё, что я вижу. Взяв его за руку, я перешагиваю через тело. Я чувствую исходящую от него ярость, вижу жажду крови и смерти, танцующие в его глазах, как само пламя ада. Я всегда хочу, чтобы Ронан потерял контроль, но прямо сейчас, когда я смотрю на него, я не уверена, что хочу увидеть этого зверя выпущенным из клетки. Я знаю, что он гремит решётками, потому что Ронан только что испачкал руки. Ради меня. Чтобы защитить меня. Никто и никогда не защищал меня. *Чёрт.*

РОНАН

«Eye» — *The Smashing Pumpkins* (трек)

Адреналин пронзает меня, как ток под напряжением, когда я веду Камиллу по клубу. Мой пульс бьётся в яремной вене, и я сжимаю челюсти, борясь с желанием пробить кулаком стену. Я только что свернул шею мужчине просто за то, что он прикоснулся к ней. Я потерял контроль, но, боже мой, кажется, преисподняя разверзлась, чтобы предложить мне эту женщину...

Я толкаю выходную дверь и вступаю в снежный вихрь. Ожидающая машина подъезжает к выходу, когда я спускаюсь по ступенькам, Камилла следует за мной. Машина останавливается, и водитель кивает, поспешно обходя вокруг, чтобы открыть нам дверь. Оказавшись внутри, я перевожу дыхание и смотрю на неё. Никто из нас не знает, что только что произошло, кто выиграл, а кто проиграл, и мне не нравится находиться в такой ситуации.

— У меня всё было под контролем, — говорит Камилла, нарушая тишину.

Я сглатываю, пытаюсь успокоить свой учащённый пульс.

— Ты не знаешь, когда нужно заткнуться на хрен, не так ли? — мои зубы скрежещут, перед глазами вспыхивает красное. Она свирепо смотрит на меня, и я хватаю её за горло, прежде чем приблизить своё лицо прямо к её лицу. — Ни на секунду не думай, что ты что-то значишь для меня. То, что я трахаю тебя, ничего не значит. — Её пульс бьётся под моими пальцами, вызывая к чудовищу внутри.

— Хорошо. — Её дыхание ласкает мои губы. — Тогда запомни, я не чёртова девица в беде, а ты не принц.

— Нет, ты не девица, потому что в сказках девицу всегда спасают, не так ли? — я ухмыляюсь. — А ты никогда не будешь спасена, маленькая кошечка, потому что я тот человек, который оборвёт твою жизнь.

Она стонет.

— Боже, ты такой придурок. — Она хватается за ворот пиджака и прижимается своими губами к моим, её язык проникает мне в рот.

Моя хватка на её горле усиливается. Я отталкиваю её от неё, моя хватка становится сильнее с каждой секундой. Я закрываю глаза, и всё, что я могу видеть, — это её образ, покрытой собственной кровью, то, как искрились её глаза, когда ей вручили лезвие, чтобы перерезать горло тому мужчине. Мои глаза резко открываются.

— Ты мог бы просто покончить со всем прямо сейчас, — осмеливается сказать она. — Просто сожми меня чуть сильнее, Русский.

Волна адреналина захлёстывает меня, и я сжимаю её чуть сильнее. Всё, что она делает, это закрывает глаза и улыбается. Я наблюдаю, как она борется с этим. Я наблюдаю, как её прекрасная кожа сжимается вокруг моих пальцев, и та тонкая грань контроля, за которую я цепляюсь, лопаётся, как перетёртая струна. Я душу её до тех пор, пока она не начинает задыхаться, а затем медленно приближаю своё лицо к её лицу.

— Это достаточно сильно? — шепчу я ей в губы.

Она снова задыхается, и я не могу удержаться, чтобы не поцеловать её. Сильно. Она отвечает мне поцелуем на поцелуй, языком, зубами и яростью. То, как она выводит меня из

себя — я хочу убить её за это так же сильно, как мне нужно трахнуть её, и я обнаруживаю, что моя хватка ослабевает. Она двигается и садится верхом на мои бёдра, приподнимаясь на коленях и откидывая мою голову назад на сиденье. Её зубы впиваются в мою нижнюю губу, прежде чем она отстраняется, прижимаясь своим лбом к моему. Цепляясь за последнее подобие самообладания, я кладу руки ей на талию, сжимая их так, словно она может удержать меня на месте.

— Спасибо, — шепчет она, кладя дрожащую руку мне на подбородок, прежде чем снова поцеловать. Ярость и ненависть отступают, как поднимающаяся волна, тающая в океане. Тепло её губ разливается успокаивающим потоком по моим венам, и хотя я ненавижу, что у неё есть такой контроль надо мной, я наслаждаюсь этим. Тепло её тела, запах крови в её волосах — это почти слишком. Внезапно она отстраняется и смотрит на меня, нахмутив брови. А потом слезает с меня, оставляя между нами как можно больше пространства.

Когда мы приезжаем домой, она заходит в дом и исчезает в коридоре, не сказав ни слова.

«Она потерялась в своих мыслях, совсем как я сам», — думаю я, удаляясь в свой кабинет.

В камине ревёт огонь, щепки потрескивают от жара. Проведя рукой по лицу, я откидываюсь на спинку кресла. Я смотрю, как красные языки пламени лижут поленья, размышляя, задавая вопросы. В жизни часто меняются течения, просто я не уверен, нравится ли мне новое направление, в которое меня несёт.

Телефон звонит в кармане. Я бросаю взгляд на имя Анастасии, мигающее на экране, когда достаю его.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я, мой взгляд всё ещё прикован к огню, который так сильно напоминает мне мою маленькую кошечку.

— Ронан, — плачет она. — Я люблю тебя. Пожалуйста, *пожалуйста*...

— У меня больше нет на это времени, Анастасия. Не звони мне больше.

Я отключаю звонок и немедленно блокирую её номер, прежде чем положить телефон себе на колени. Достаточно скоро мой план будет завязан в красивый, аккуратный бант, и, может быть, тогда всё в моей голове прояснится.

Лучи заходящего солнца проникают сквозь витражное окно, отбрасывая калейдоскоп красок на «Ругер» (*прим. Ruger — пистолет*) на моём столе. Я не видел Камиллу со вчерашнего вечера, с тех пор как смотрел, как она перерезала горло мужчине и трахнул её в её же собственной крови...

На моём телефоне раздаётся видеозвонок, и я принимаю его, ожидая, пока размытое изображение лица Кристоффа не станет чётким. Позади него мексиканский пейзаж расстилается, как полотно, солнце высоко над теперь уже пустым озером.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал с мексиканцем? — спрашивает он.

— Просто оставь его в покое.

Он морщит лоб.

— Теперь он тебе не нужен? Нет?

— Нет, но в конце концов его убьют в одной из его мелких картельных войн. Спасибо тебе за руководство проектом, Кристофф.

— Конечно. — Он улыбается, и я отключаю звонок.

Сейчас мне абсолютно ни к чему Габриэль Эстрада или картель Хуарес, но он этого не

знает, и ему это никогда не станет известно. Взглянув через открытую дверь, я наблюдаю, как Камилла неторопливо заходит в гостиную и берёт графин с бренди. Я мог бы очень легко продолжать играть в эту игру. Картели продолжают контрабандно ввозить боеприпасы в Америку. Я уверен, для них это было бы достаточно веской причиной, чтобы я удерживал Камиллу. Они, конечно, понятия не имеют, каковы мои планы на самом деле, так что я мог бы оставить её себе, если бы захотел.

И я действительно этого хочу, но в этом-то и заключается проблема. Я *не* должен желать оставлять её у себя. Она будет постоянно бороться со мной и ненавидеть меня, а это лишь отвлекает внимание, форма развлечения, которая может дорого мне обойтись. Камилла слишком неконтролируема — почти такая же, каким был я до того, как научился контролировать своего монстра, скрывающегося внутри. Слишком неконтролируемая, но в то же время слишком великолепная, чтобы стереть её существование с лица земли.

Прекрати это!

Я ударяю кулаком по столу, прежде чем провести рукой по лицу. Похоть сильна, я хорошо осознаю это, и эта женщина лишает меня всего, кроме животных побуждений. Она вызывает у меня желание причинить ей боль, трахнуть её, овладеть ею. Я свернул шею мужчине просто потому, что он прикоснулся к тому, что я считаю своим, а такой человек, как я, не может позволить себе эмоций, которые приводят к таким опрометчивым решениям. Закрыв глаза, я вспоминаю, как она позволила мне порезать её и трахнуть, как прекрасно извращён её разум. Боже, она безжалостна.

Королева, достойная короля...

Но не каждому королю нужна королева.

Мой взгляд возвращается через дверной проём к Камилле. Мне не нужна королева, но, чёрт возьми, я хочу именно её, потому что нет другой женщины, у которой был бы шанс получить равную власть. Но я никогда не смогу ей доверять... Мой разум подсчитывает мои действия. Я словно на маятнике, раскачивающемся назад-вперёд между моим желанием убить её и желанием удержать. Я наблюдаю, как она передвигается по кабинету, и мой член набухает с каждой секундой. Мой взгляд возвращается к пистолету. Я мог бы позволить судьбе решить за меня. Разрядить несколько пуль и нажать на спусковой крючок один раз. Бросок монеты: орёл или решка, только с оружием...

Потрескивает интерком, и из динамиков раздаётся панический голос охранника.

— Анастасия здесь!

— Отошли её, — отвечаю я, засовывая пистолет в ящик стола.

— Она протаранила ворота, сэр. Она уже у двери. Мы думали пристрелить её, но...

— Пристрелить её? С каких это пор расстрел жены президента на моей территории стал казаться хорошей идеей? — я встаю из-за стола. — Я разберусь с ней.

Застонав, я закатываю глаза и направляюсь в прихожую как раз перед тем, как кто-то сердито колотит в дверь. Я вздыхаю, качая головой, и рывком открываю дверь. Анастасия вваливается внутрь, её светлые волосы растрёпаны, тушь размазана под глазами, и я едва могу разглядеть тонкую струйку крови на её бледных щеках.

Прекрасно. Деревичи, должно быть, мёртв.

— Ты должен мне помочь, — говорит она, прежде чем разразиться рыданиями и драматично упасть на пол. Я снова закатываю глаза и качаю головой.

— Ты не должна быть здесь, Ана.

— Я убила его! Для тебя! — кричит она, вскакивая на ноги. — Я убила его ради тебя.

Ронан, потому что я люблю тебя. Мы можем быть вместе. — Она расхаживает по фойе, проводя руками по волосам. Останавливается в дверях и смотрит на меня дикими глазами. — Мы можем быть вместе! — вот что делает с людьми слабость любви, она сводит их с ума. Она лишает их контроля. Я не могу удержаться от ухмылки при этой мысли.

Стук каблуков по мрамору эхом отдаётся от потолка. Она оглядывается мне за спину и бросает свирепый взгляд. Я оборачиваюсь, когда Камилла пересекает комнату, её тёмные волосы колышутся при каждом соблазнительном движении бёдер.

— Ана, — говорю я, всё ещё глядя на Камиллу, — уходи.

Когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Анастасию, она всё ещё смотрит на Камиллу, её грудь неровно вздымается.

— Ана, не смей... — я делаю шаг к ней, и именно тогда замечаю окровавленный клинок, крепко зажатый в её руке.

Зарывав, Анастасия бросается на Камиллу, дико размахивая ножом. Камилла не вздрагивает и не двигается, просто наотмашь бьёт Ану по лицу с такой силой, что её голова откидывается в сторону. Камилла без особых усилий выхватывает нож, прежде чем схватить её за волосы и запрокинуть голову назад.

— Я, блядь, предупреждала тебя, — говорит Камилла, проводя лезвием по горлу Анастасии. Прекрасная рубиновая кровь вытекает из раны, и глаза Аны расширяются, когда она задыхается. Камилла улыбается и прижимает Ану к себе, заливая её кровью.

Несколько моих людей врываются в комнату, и я поднимаю руку.

— Уйдите, — говорю я им. Камилла заправляет прядь волос Анастасии за ухо, шепчет что-то по-испански, чего я не совсем понимаю, а затем отпускает её. Тело Аны оседает на пол в луже крови. Мой пульс учащается, моя кожа загорается сначала от вожделения, а затем от ярости.

Недавно убитая жена президента лежит убитой посреди моего фойе. За считанные секунды Камилла разрушила мой идеально спланированный план, создав беспорядок, который мне предстоит разгрести. Красные вспышки пляшут у меня перед глазами. Моя грудь сжимается от ярости.

— Камилла, — удаётся мне спокойно произнести, когда я переступаю через тело Анастасии. — Пойдём со мной.

Жаль убивать такое милое маленькое создание, но всему когда-нибудь приходит конец.

КАМИЛЛА

«*Bury Me Face Down*» — *Grandson* (трек)

Пальцы Ронана впиваются в мою руку, когда он тащит меня в свой кабинет. Я буквально слышу его неровное дыхание, когда он заталкивает меня внутрь. Дверь за мной закрывается, и я сжимаю нож в руке так сильно, что у меня пульсируют костяшки пальцев. Вена на его виске вздувается, губы плотно сжаты на его лице, а глаза... они пылают, как внутренний круг ада. Я никогда не видела Ронана таким взбешённым, ни когда я испытывала его, ни когда он убил того человека в клубе прошлой ночью. Он практически кипит от гнева.

— А что я должна была делать? — спрашиваю я, уже прикидывая, как я могу объясниться с ним по этому поводу.

Его глаза закрываются.

— Годы, — он делает вдох, и у него дёргается челюсть. — Я трахал эту женщину много лет ради этой самой ночи, а ты всё испортила из-за своей неконтролируемости! — кричит он, и его голос эхом отдаётся от стропил. — А теперь, *теперь* я должен создать совершенно новый план, избавиться от её грёбаного тела, инсценировать её исчезновение. — Он проводит рукой по волосам. — В то же время пытаюсь, чтобы американские выборы прошли соответствующим образом, — он качает головой. — Неужели никто ничего не может сделать правильно?

— Хорошо. Мне жаль, но я уверена, что твоё мировое господство гарантировано.

Безумная ярость в его глазах заставляет меня отступить на шаг.

— Ты не разбираешься в этом искусстве, — он бросается ко мне. — Красота в том, как что-то исполняется. Всё было спланировано идеально, а ты просто всё обосрала! — я отхожу от него на несколько шагов и крепче сжимаю нож, пряча его в складках своего платья. Он убьёт меня. Я всегда была готова к такому повороту событий, даже не боялась, но, когда столкнулась с реальностью своей смерти... что ж, инстинкты самосохранения кричат ужасно громко. — Ты тупая, — он хватает меня за подбородок и сильно сжимает. — И дерзкая. И не стоишь того воздуха, которым дышишь.

— Пошёл ты нахуй, Русский, — рычу я и приставляю нож к его шее. Лезвие касается его горла сбоку, и он уклоняется, но не раньше, чем меня встречает приятный вид его крови.

Его рука тянется к горлу. Когда он убирает её, то смотрит на свою окровавленную ладонь, а затем улыбка чеширского кота, медленно расползается по его губам.

— Ты заставила меня истекать кровью, — молвит он, и в его тоне слышится удовольствие. — Как волнующе! — дикий взгляд его глаз заставляет меня нервничать, и впервые в жизни я по-настоящему чувствую себя загнанной в угол добычей.

Я делаю ещё один неуверенный шаг назад, разглядывая дверь и местоположение Ронана. Он улыбается, как дьявол, его белый воротник быстро становится малиновым, когда кровь стекает по шее.

— Какая жалость, я не задела артерию, — говорю я, мой голос дрожит даже для моих собственных ушей. Мой инстинкт бегства, наконец, пересиливает всё остальное, и я обегаю его, нанося удар ножом в его направлении. Я кричу, когда он хватает меня за волосы. Моя голова откидывается назад, и жгучая боль пронзает кожу головы. Он притягивает меня к себе, и моя грудь ударяется о спину. Другой рукой он хватает меня за запястье, сжимая так

сильно, что мои пальцы сгибаются, и нож со звоном падает на пол. — Ты убьёшь меня, Русский? — я смеюсь.

— *Боже*, да, — отвечает он с глубоким стоном.

Я вырываюсь из его хватки, моё сердце бешено колотится в груди.

— Тогда сделай это! — я изо всех сил пытаюсь повернуть к нему лицо, кровь из его шеи размазывается по моей щеке. Боль, пронзающая кожу головы, внезапно утихает, и затем я чувствую, как он проводит пальцем по моей щеке. Я наблюдаю, как он убирает окровавленный палец, затем слышу, как он засасывает его в рот.

— Так хорошо, — стонет он. И без предупреждения он разворачивает меня и толкает лицом вниз на свой стол. — Я дам тебе всё, чего ты хочешь, Камилла. Меня и смерть одновременно.

Он хлопает ладонью по моему лицу, прижимая мою щеку к твёрдому дереву. Моё сердце бьётся в отчаянном умоляющем ритме, требуя, чтобы я бежала, чтобы я выжила, но, как больная наркоманка, которой стала, я жажду его, даже в худшем его проявлении. *Особенно* в его худшем проявлении. Если Ронан Коул собирается убить меня, то я хочу ещё раз получить услугу у дьявола, прежде чем умру. Я протягиваю руку назад и медленно приподнимаю подол платья вверх по бёдрам и по заднице. Низкий смешок вырывается из его горла.

— Какой комплимент. Я собираюсь убить тебя, а ты всё ещё хочешь трахнуть меня...

— Не притворяйся, что тебя это не заводит, вся эта жестокость, — я ухмыляюсь. — Кровь.

— О, — он опускает руку к моему горлу, один за другим обхватывая его пальцами, прежде чем прижаться ко мне своим членом. — Ты даже *не* представляешь.

Мой разум свободно проваливается в маленькую болезненную кроличью нору, в которую меня затащил Ронан. Всё ниже, и ниже, и ниже я падаю, пока всё, чего я хочу, — это он, танцевать с дьяволом, развратить мою душу настолько, чтобы только он мог её захотеть.

— Тогда трахни меня в последний раз. И сделай это хорошо.

Краем глаза я едва успеваю заметить, как он проводит пальцем по крови на своём горле, а затем проводит им по моим губам и щеке.

— Такая жалость, — говорит Роанн прежде, чем я слышу звон пряжки его ремня, — Я почти подумал, что встретил свою пару, — и с этими словами он врезается в меня так сильно и глубоко, что я задыхаюсь. Мои ногти скребут по дереву стола. Он хватает меня за запястья и соединяет их вместе на пояснице, заставляя мою спину прогнуться. Он скользит невероятно глубоко, вызывая острую боль, когда откидывает мою голову назад. Мой позвоночник ноет, когда он входит в меня. Это жестоко и сильно в самом блаженном смысле.

— Мы могли бы стать такой идеальной парой, — произносит он, наклоняясь надо мной и прижимаясь своими губами к моим.

— Мы бы сожгли всё вокруг нас дотла.

Мы бы так и сделали. Мы были бы подобны искре в мире, построенном из трутовика. Мы бы уничтожили всё.

— Восседали бы на тронах из черепов и костей... — он кусает меня за губу. Сильно. Горький привкус крови наполняет мой рот. — Но я никогда не смог бы доверять тебе, а ты никогда не смогла бы доверять мне.

Он толкается сильнее, заставляя меня стонать.

— Я бы убила тебя, — выдыхаю я.

— Это ложь. — Он погружается в меня, удерживая себя внутри. Он отпускает мои запястья, обхватывает рукой моё горло и поднимает меня, отрывая мою грудь от стола. — Ты жаждешь этого, — шепчет он мне на ухо.

Боже, я знаю. Так сильно.

Я поворачиваю голову, покусывая его за подбородок.

— Мы часто желаем того, что убивает нас.

Его горячее дыхание овеивает мою шею; его рука сжимается на моём горле. Он трахает меня так, словно пытается убить и спасти одновременно. Как будто я ничего не стою, но в то же время невозвратно ценная. Я знаю, что скоро умру. Я чувствую это в каждом его толчке, в каждом угрожающем сжатии его пальцев, в каждом поцелуе шёпотом на моей шее. Это конец нашего окровавленного пути. Финальная битва.

Без предупреждения он выходит из меня, переворачивая меня на столе и приподнимая. Я обхватываю ногами его бедра, и он медленно скользит обратно в меня. Держит. Его глаза встречаются с моими.

— Скажи мне, как я должен убить тебя, — он нежно целует меня в губы. — Как ты хочешь умереть? — его язык скользит вверх по моей шее, и он кусает меня за плечо. Это жестоко, необузданно и разбивает душу.

— Что, если я не хочу умирать? — я запускаю пальцы в его волосы и оттягиваю его голову в сторону, проводя языком по окровавленной шее. Низкое рычание вырывается у него, когда я стону.

— Мм, — бормочет он, прежде чем снова поцеловать меня, его язык скользит между моими губами. — Я обещаю, что сделаю всё красиво. Я лишь хочу, чтобы ты истекла кровью ради меня, Камилла.

Я могу представить, как Ронан перерезает мне горло, наблюдая, как я истекаю кровью, с дикой, безумной похотью в глазах. Я хочу этого. Я хочу заставить его полностью потерять контроль хотя бы раз, прежде чем я умру.

— Тогда зарежь меня, — шепчу я ему на ухо. — Трахай меня, пока я истекаю кровью ради тебя. Войди в меня, пока будешь смотреть, как я умираю. — Застонав, он врезается в меня сильным толчком. Он перемещает вес и тянется за чем-то на столе позади меня. Когда он отодвигается, то поднимает нож для вскрытия писем.

— Хочешь истекать кровью? — говорит он, трахая меня.

Моё сердце замирает, и на его губах появляется нездоровая улыбка. Я сосредотачиваюсь на нём, когда он поднимает нож и ударяет меня по бедру. Ослепляющая боль пронзает меня насквозь, заставляя мою голову кружиться. Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы не закричать, и опускаю взгляд на металлическую ручку, торчащую из моей ноги. Кровь струится вокруг неё, прежде чем потечь по обе стороны моего бедра.

— Ты даже не закричишь для меня, — вздыхает он. — Какой позор. — С садистской ухмылкой он хватается рукоятку и выдёргивает её, затем подносит ко рту, просовывая тупое лезвие между губами. — У меня есть кое-что ещё на примете для тебя, маленькая кошечка. — Он отбрасывает нож для писем в сторону. — Хотя, мне правда нравится смотреть, как ты истекаешь кровью.

Его рот накрывает мой, когда он жёстко входит в меня. Вкус моей крови покрывает его язык, и, боже, это возбуждает. Он трахает меня как одержимый. Боль пронзает мою ногу,

смешиваясь с мучительным удовольствием, которого он добивается от меня, простым осознанием того, что смерть так близка. Я запрокидываю голову, и он кусает меня за шею, и я кончаю для него, выкрикивая его имя, как будто это жертвоприношение, а я у его алтаря. Мне больше нечего ему дать, потому что он уже забрал всё.

Зарычав мне в шею, он хватает меня за бедро и глубоко входит в меня, успокаивая. Он остаётся там, его горячее, прерывистое дыхание овеивает мою шею, прежде чем его губы касаются моего горла.

— Не двигайся, — шепчет он. В его глазах бушует буря, выражение предвкушения — то же самое выражение, которое было у него прямо перед тем, как я перерезал горло тому человеку. — Не. — Он колеблется, его губы нависают над моими. — Двигайся. — Моё тело сотрясается от адреналина и блаженства, безудержно бегущих по моим венам. Я полагаю, это страх, и как бы сильно я его ни ненавидела, он заставляет меня чувствовать себя живым.

Ронан обходит стол, медленно, методично, его глаза устремлены на меня, как на добычу, которой я и являюсь. Улыбка играет на его губах, когда он открывает ящик. Я бросаю взгляд на револьвер, который теперь у него в руке, почти разочарованная тем, что он не запланировал чего-нибудь более жестокого. Он останавливается передо мной, демонстративно опустошая три патрона, прежде чем вернуть барабан на место и крутануть его.

— Я убью тебя, и на мгновение посмотрю, как ты истекаешь кровью, но... — на его лице появляется глубокая ухмылка. — Я оставлю тебя и смогу смотреть, как ты истекаешь кровью снова и снова. Такая дилемма.

Он наклоняется надо мной, вжимая моё тело в твёрдое дерево стола. Его палец проводит по моей щеке, и дрожащее дыхание срывается с моих губ. Я практически дрожу от предвкушения и страха. Я хочу ненавидеть его. Я хочу возненавидеть его за всё, кем он является, и за всё, что он сделал, но не могу, потому что я понимаю власть, и вот что значит владеть ею. То, что может убить меня, — это то, чего я так неустанно жажду, потому что Ронан — воплощение власти, которой он обладает. Я представляю угрозу для его контроля, для его власти, он просто понятия не имеет, насколько. Я сияю, когда думаю о каком-то неизвестном враге, хранящем любую информацию на том USB-накопителе.

Я жажду Ронана. Он жаждет меня. Я хочу убить его, и он собирается убить меня. Но в конце концов я выиграю, потому что я кое-что отняла у него, а он даже не знает об этом.

Ярость и разрушение безудержно вспыхивают в его глазах, когда он прижимает холодное дуло пистолета к моему подбородку. Я пристально смотрю на него. Я едва могу дышать, едва соображаю из-за нахлынувшей на меня паники. Моё сердце колотится где-то в горле, и слезы против моей воли щиплют глаза. Я не хочу умирать, но я отказываюсь умирать без достоинства. Я видела, как слишком многие мужчины отказывались смириться со своей судьбой, зная, что они причинили мне зло, зная цену за такой поступок. Я не вредила Ронану, но с того дня, как я стала достаточно взрослой, чтобы понять своё место в империи моего отца, я смирилась с тем, что рано или поздно умру вот так. Честно говоря, могло быть и хуже. Пуля — это доброта в моём мире. Слезы предательски стекают по моим вискам, и Ронан наклоняет голову.

— Ах, вот оно что, — он вдыхает, улыбаясь. — Наконец-то я нашёл твой страх.

— Я не боюсь, — шепчу я.

Он проводит рукой по моему лицу, вытирая слёзы.

— Тебе не обязательно лгать мне, я нахожу это прекрасным, Камилла. У каждого есть

свои слабости. Это то, что делает нас людьми.

— Тогда, я полагаю, ты моя слабость, Ронан Коул.

Закрыв глаза, он вздыхает, и улыбка на его лице становится шире.

— *Я знаю* это. — Пистолет сильнее прижимается к моему подбородку, и я задыхаюсь. — Три пули, шесть гнёзд, — говорит он, его губы касаются моих. — И один щелчок решает твою судьбу. *Я почти* надеюсь, что ты выживешь.

Я закрываю глаза, представляя момент, когда пуля пробивает мой череп, кровь и мозговое вещество покрывают лицо Ронана, вкус смерти на его губах.

— Один, — выдыхает он, благоговейно целуя меня. Моё сердце колотится так быстро, что это всё, что я слышу, моя собственная болезненная симфония. — Два. — Ещё один нежный поцелуй, и он улыбается мне в губы. — Три...

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net